

Анна Каретникова

МАРШРУТ

**Общественный контроль за местами лишения
свободы — восемь лет без права остановки**

Москва

Правозащитный центр «Мемориал»

2017

УДК 342.571 (323.2)
ББК 67.409 (2Рос)
К22

Редактор Л.С. Еремина
Дизайнер Д.А. Сенчагов
Корректор И.Р. Любавина

Подписано в печать 8.12.2017
Формат 60х90/16. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18. Тираж 800 экз.
Отпечатано в ООО «Информполиграф»
111123 Москва, ул. Плеханова, 3а
Заказ 206
ПЦ «Мемориал»
127051 Москва, ул. Каретный Ряд, 5/10

© Каретникова А.Г., 2017

1. Начиная писать эту первую свою книгу об ОНК, я не ставлю себе задачей, да и не смогла бы, разумеется, охватить и описать весь тот период деятельности ОНК трех созывов, свидетелем и участницей которого я стала. Не получится и глубоко проанализировать происходящее сегодня в пенитенциарной системе: ни потому, что ограничен объем, ни из-за наложенных на меня ограничений, ни из-за неполноты моих собственных знаний: я — узкий специалист по следственным изоляторам. Да и в этой сфере с точки зрения любого арестанта по большому счету остаюсь дилетанткой, хоть и оцененной многими как профессионалка. Я лишь штрихами попытаюсь обозначить то, что важно для меня: становление и «закат» Общественного контроля за местами лишения свободы, наше, членов ОНК Москвы, постепенное проникновение в глубь явлений, мои представления о мире следственных изоляторов, с которым мы неожиданно столкнулись, клубок проблем, болевых точек как арестантов, так и сотрудников СИЗО, наших следственных изоляторов. Как филологу, хочется передать тот особый язык, на котором общались и я, и сотрудники, и арестанты. Быть может — обозначить некоторые пути исправления ошибок.

Я не являюсь исследователем тюрем, хоть за время работы получила базовые представления о том, как в СИЗО организованы медицина, режим, быт, питание, система наказаний и поощрений, а заодно — и «темная сторона Луны». У нас не было теоретических, базовых знаний. Я почти не читала специальной литературы. Все знания, обладателями которых мы стали, мы приобрели на «маршруте», продвигаясь от одной к другой ка-

мере, от одного к другому кабинету. Поэтому в существенной части этот текст — череда зарисовок, иногда ироничных, иногда эмоциональных, которые я выбрасывала в социальные сети «в реальном времени», вернувшись с маршрута. Я писала их сначала для себя и читателей моих блогов, не зная, куда еще выплеснуть нахлынувшие на меня «тюремные» переживания, а затем и соображения. Позднее круг моих читателей стал шире, и я уже выбирала слова, зная, что читают меня и сотрудники УИС, и арестанты, и их близкие. Нужно и дать надежду, и не задеть, не оскорбить неверно выбранным словом. Все эти трагикомические сценки, вопли души, смешные диалоги, истерические монологи были тем, что составило мою жизнь на восемь долгих лет, голосами в «комнатах моего большого дома» (такими стали для меня московские следственные изоляторы).

Мы, наблюдатели, учились воспринимать, затем — понимать, затем — анализировать. Мы использовали принцип «критикуя — предлагай», не останавливаясь на анализе. Благодаря почти ежедневным посещениям СИЗО мы проникли глубже в суть, чем это сделает даже и не формальная, для галочки, а просто редко приезжающая комиссия. Полученных знаний оказалось много, очень много, и вопросом стало теперь: кому, зачем их передавать, когда институт общественного контроля практически разрушен. Широкий круг читателей не особо интересуется «тюремной» темой, по мере сил от нее абстрагируясь, и это закономерно — так любой человек пытается выстроить психологический барьер между собой и неприятным, страшным, но возможным, а побывавший там — поскорей забыть о пережитом. Мне хотелось идти всегда по грани, демонстрируя, что при всем кошмаре существования в СИЗО там есть обычная, хоть и особая, человеческая жизнь, попытки обустроить скудный быт, вражда, дружба, есть место шутке и смешной ситуации. Я никогда не была журналисткой, всякое новое знание было ценно мне для постепенного осмысления и использования в дальнейшем, во благо. Члены ОНК — журналисты вызывали мое уважение, им удалось добиться за время нашей совместной работы больших прорывов и подвижек

в системе. Без них было бы намного сложнее, а возможно — мы проиграли бы в самом начале пути.

Хочется надеяться, что мой опыт окажется востребован и полезен. ФСИН России предложила мне написать методические рекомендации для региональных ответственных за права человека в УИС по проверкам объектов СИЗО на предмет соблюдения этих прав, и я обязательно и с удовольствием сделаю это. Для новых членов ОНК коллега Алла Яковлевна Покрас и я провели обучающий семинар, попытавшись в лицах и воспоминаниях за два дня поделиться с новичками узанным за долгие годы работы. Я уверена, что когда-нибудь институт общественного контроля за местами лишения свободы в России будет возрожден, станет тотальным, оперативным и компетентным. На мой взгляд, это не пойдет во вред уголовно-исполнительной системе, а укажет на слабые точки, звенья, наметит пути преодоления. При конструктивном сотрудничестве чиновников, сотрудников и наблюдателей, к которому мы пытались прийти в Москве, труд наблюдателей идет на пользу и конкретным арестантам, и правильно организованным процессам. Те же, что организованы неправильно, я уверена, могут и должны подлежать посильной корректировке.

Эта книга, я надеюсь, где последовательным изложением событий, а где историями и живыми голосами, штрихами создаст представление о сделанном и прожитом. И о важности и значимости этого самого наблюдения и наблюдательства, каким было оно в наше, уже ушедшее время и, возможно, еще окажется впредь.

Еще одной ценностью нашего пути мне представляется отнесенность невовлеченность в процессы, непринадлежность к какой-либо из «воюющих» сторон и вообще сторон, и происходит она не из нашей объективности, а из самого смысла наблюдения. Оно нейтрально. Это не означает, что мы стояли со скрещенными на груди руками и печально взирали на драматические, страшные или странные события, разворачивающиеся на наших глазах. Вся цепь событий — история наших попыток бросаться на амбразуры, вмешиваться, спасать, помогать, в то же

время никогда не выступая на одной из «сторон», а каждый раз вступаясь за того, кто слабей и нуждается в помощи. И в этом был «смысл всей неравной борьбы за правду».

Наверное, мне больше нечего добавить к этому и так чересчур долгому вступлению. Пора перейти к изложению событий так, как помню их я. В одной книге-фэнтези (к стыду своему, не помню ни автора, ни названия) главные герои, маги — победители драконов, юноша и девушка, сидели среди многочисленных почитателей их подвигов вечером у костра, и девушка сказала, что больше всего сейчас хочет пойти спать. Юноша возразил: но мы не можем, ведь все эти люди, что собрались здесь, не уйдут спать, пока не услышат из первых уст о наших волшебных приключениях с драконами! Девушка удивилась: «Приключениях? Хм... Я помню только, что было довольно страшно, и над нами все время довлел груз проблем, которые в тот момент совершенно непонятно было, каким образом решать». — «Так это в лавке и называется приключениями!» — подтвердил собеседник.

Это — неплохой эпиграф к моей книге и ключ к маршруту. К приключениям.

2. Федеральный закон «Об общественном контроле» был принят уже девять лет назад. Долгие годы правозащитники боролись за его принятие, а я об этом ровным счетом ничего не знала: места лишения свободы никогда не лежали в сфере моих интересов. Там, как это ни странно для России, не отбывали наказание мои родные, близкие и друзья. Лишь одно связывало меня с МЛС (местами лишения свободы) — детские годы моего отца, родившегося и проведшего их за решеткой в казахстанском лагере для членов семьи врагов народа (моей бабушки), однако это была для меня слишком далекая и стародавняя история, существовавшая разве что на периферии сознания.

Закон был принят и подписан, теперь правозащитники в числе не менее двух имели право без специального разрешения входить в колонии, следственные изоляторы, изоляторы временного

содержания, отделы полиции и иные места лишения свободы, чтобы посмотреть, что там происходит, как соблюдаются права лишенных свободы лиц и чем им можно постараться помочь.

Для включения в комиссию следовало представить документы, свои собственные и выдвигающей кандидата организации, соответствующей, как и он сам, определенным требованиям. Закон принимался так долго, и вера в его принятие так в конце концов ослабела, что факт подписания вызвал в правозащитных рядах смятение: набор в ОНК был объявлен, документы пора было нести для представления на рассмотрение, а необходимого количества кандидатов из числа активных правозащитников не наблюдалось. Список тех, кто и до этого занимался тюремной проблематикой, был весьма ограничен, а в Москве в Общественную наблюдательную комиссию можно было выбрать аж 30 человек! Правозащитное сообщество, требовательно вглядевшись в свои ряды, заметило там самых безотказных — меня и Михаила Кригера — и немедленно их рекрутировало, мобилизовало и делегировало в ОНК.

Мы с Михаилом были задействованы на совершенно другом участке правозащитной работы: будучи членами антивоенного движения, мы противостояли продолжению войны в Чечне, которая представлялась нам губительной и бесплодной. На предложение стать членом ОНК я первым делом поинтересовалась, что это такое. На разъяснение, что это надо будет по отделам полиции и тюрьмам ходить, неуверенно поинтересовалась, не может ли этим заняться кто-нибудь другой, потому что мы и так, мягко говоря, немного заняты. «Все другие уже отказались», — строго сказали мне, и, поскольку, дожив до довольно зрелого возраста, я все еще ужасно расстраиваюсь, если приходится кому-то в чем-то дельном отказывать, то вздохнула и сказала: «Ну ладно тогда. Что делать надо?» — «Собери документы для начала», — поставили мне задачу.

Мы с Михаилом собрали документы и благополучно стали членами ОНК Москвы первого созыва. Конкурса не было — никто особо не стремился баллотироваться. Не было и препон.

На тот момент никто не придавал институту ОНК какого-либо значения. Впрочем, поправил меня политик и правозащитник Сергей Давидис, читая черновик этой книги: ты забыла, что мои документы забраковали уже в тот самый первый раз... без объяснения причин. Да, я действительно забыла. Ну, быть может, это был первый сигнал грядущей зачистки. Но пока все только начиналось.

В ОНК вошло некоторое число, как я уже говорила, правозащитников и в первую очередь, правозащитниц, писавших ранее о тюремной проблематике, работавших в колониях и с лицами, освобождающимися из них, основоположник закона Валерий Васильевич Борщев, журналистка Зоя Светова. Случайных людей в первом созыве почти не было. Оттеснять правозащитников от мест в ОНК никому не приходило в голову.

Врученный в Общественной палате розовый мандат (розовую ламинированную карточку с печатью, ФИО и моей фотографией) я сунула за обложку паспорта, но благополучно забыть о нем мне помешало, разумеется, чувство долга, а кроме него — гражданские активисты, которых систематически задерживали на разнообразных уличных акциях и свозили оформлять протоколы о задержании в отделы полиции. В отделах полиции нарушались права, туда порой не допускали адвокатов, и что-то там еще происходило неприятное, о чем я тоже имела не особо четкое представление, потому что меня саму полиция обычно на публичных мероприятиях не задерживала. Да и вообще не задерживала. Я имела малый опыт общения с ней. При массовых задержаниях на больших протестных акциях в отделы привозили много активистов, оформляли на них материалы медленно, к отделам прибывали группы поддержки активистов, которые привозили еду задержанным и у входа в отдел продолжали по возможности свой протест. В отделы полиции их не впускали, для этого полицейские порой вставали стеной между входом и активистами. И тут выяснилась удивительная вещь: по закону члены ОНК имеют право беспрепятственного допуска в отделы полиции. А значит...

Значит, следовало туда войти. Беспрепятственно, разумеется, не получалось. Сотрудники полиции были не менее изумлены, чем члены комиссии, что кто-то имеет право к ним в отдел «беспрепятственно входить», выражать неудовольствие и требовать соблюдения прав человека. К новшеству они привыкали долго. Членов ОНК не допускали в отделы, пытались вышвыривать оттуда, прищемляли дверями, давали нелестные вербальные характеристики и угрожали разнообразными карами. Члены ОНК размахивали распечатанным на принтере текстом Федерального закона 76 и розовыми мандатами, набирали номера дежурного по округу, городу и прокуратуре, на милицееское хамство огрызались, норовили снимать на фото и видео происходящее, при попытках выдворения цеплялись за стулья и двери и отказывались куда-либо уходить до освобождения задержанных, передачи им пищи, выдачи постельного белья тем задержанным активистам, кого оставляли на ночь. Полицейские скрежетали от злости зубами, терпя посторонних в святая святых, но на опыте убедившись, что за произвол в отношении наблюдателей редко, но случается получить по башке от вышестоящего руководства и прокуратуры, удерживались от прямого насилия и нецензурной лексики. Наблюдатели усаживались рядом с задержанными, пользуясь правом проведения с ними бесед, записывали рассказы о нарушении прав человека. Наблюдатели расползались по отделу (обычно действие растягивалось за полночь), лезли во все двери, включая обнаруженный кабинет руководителя, чтобы выразить руководителю свои пожелания — немедленно освободить всех задержанных, а каких не освободили — тех соблюдать права. Наблюдатели на автомобилях добровольцев из числа активистов кочевали ночами после протестных акций от отдела к отделу: тут освободили всех... тут — не освободили, но белье постельное хоть выдали... теперь — мчимся в тот отдел, куда забрали несовершеннолетних... а затем — вон в тот — там, говорят, задержанных много часов не выпускают в туалет... а еще в одном, говорят, пожилому человеку стало плохо... Домой добирались порой под утро. Новый год встречали в пути.

В соответствии с законом, в отделах полиции разместили списки членов Общественной наблюдательной комиссии и их контактные телефоны. Наблюдатели вошли во вкус: выяснилось, что права нарушают не только гражданских активистов, но и, например, трудовых мигрантов... или просто подвыпивших соотечественников, и те иногда догадываются набрать заветный номер, размещенный на стене. Наблюдатели научились выезжать по острым сигналам. Теперь в центральных отделах полиции их уже знали, прямых конфликтов полицейские избегали, хотя, конечно, от острых ситуаций никто не был застрахован. Порой приходилось часы проводить под дверью на морозе, прежде чем закон исполнялся и двери отдела со скрипом открывались для членов ОНК.

Тем временем неподалеку ждала, терпеливо внимая, и та мрачная стальная дверь, которой принято бояться на Руси (от суммы и от тюрьмы не зарекаются) и которой предстояло стать моей судьбой. Следственные изоляторы, СИЗО казались, да и были более солидными, стабильными, вековыми, чем полицейские отделы с царящей внутри них суетой, бессмыслицей и суматохой. Следственные изоляторы — это были такие крепости, замки, таинственные и овеванные мрачной легендой. Согласно Федеральному закону номер 76, эти крепости наблюдателям также следовало взять под свой контроль. Не то чтобы подумав и примерившись, а нырнув как с кручи в бурлящий поток, мы сжали покрепче мандаты, нажали на кнопку вызова дежурного на КПП и шагнули в эти неведомые прежде новые земли. Так подразделения УФСИН по Москве стали для меня «королевствами», система — Зазеркальем, а я сама широко раскрыла от изумления глаза и на долгие годы превратилась в Алису. Тэг «Алиса на травалаторе», бегущая вверх по лестнице, ведущей вниз, родился из кэрролловского «Нужно бежать со всех ног, чтобы только оставаться на месте, а чтобы куда-то попасть, надо бежать как минимум вдвое быстрее». Я училась, я научилась бежать быстро.

В СИЗО наблюдателям сотрудники уголовно-исполнительной системы не то чтобы не обрадовались, они сначала не рас-

познали масштаб бедствия. Внутри следственных изоляторов кроме сидельцев и сотрудников попадает мало кто, но изредка кто-то попадает: согласованные экскурсии чиновников-правозащитников и избранных ФСИН журналистов с фотоаппаратами, призванные рассказать миру о том, что и за решеткой есть жизнь, и она — достойная, у арестантов все есть, а жалоб нет. Думаю, сначала тюремщики решили, что вновь пришедшие члены ОНК — это одна из таких затянувшихся экскурсий и есть. Они ошиблись.

Когда я употребляю слово «тюремщики» в отношении сотрудников СИЗО, оно не несет в себе негативной коннотации. Хотя бы потому, что сегодня я — одна из этих самых тюремщиков или тюремщиц, я работаю в уголовно-исполнительной системе, я одета в серо-синий камуфляж, на рукавах у меня эмблемы УИС, содержащие, кстати, фашины, от которых произошли, вестимо, фашисты, но это последнее, о чем я думаю по утрам, выбегая из дома, чтоб поскорей поехать на свою тюремную работу. Это — лирическое отступление: во времена начала и становления ОНК, о которых рассказываю сейчас, наблюдатели пришли в СИЗО в гражданской одежде: джинсах, летних брюках, пиджаках, футболках, а то и в шлепанцах... (Немудрено, что периодически сотрудники ошибались и интересовались: ты из какой камеры? Что тут сидишь? Давай сейчас отведу тебя «домой»... или ты с опером на коридор пошептаться вышел?) Люди в серо-синем камуфляже, полагавшие, что одного-двух визитов будет вполне достаточно, недовольно потеснились, тщательно досмотрев членов ОНК и пропуская их в изоляторы в третий, четвертый и пятый раз. (Позднее выяснилось, что общественных наблюдателей досматривать нельзя по закону. Они, наблюдатели, — контролирующий орган. На то, чтобы убедить в этом ФСИН, ушло несколько лет. Но я ее убедила.)

Как и в случае с отделами полиции и поддержкой гражданских активистов, общественный контроль в следственные изоляторы сначала пришел выборочно. В изоляторах находились политические заключенные. Такие же гражданские активисты, но которым особо не повезло и им выпала не административ-

ная, а уголовная ответственность — месяцы или годы СИЗО и исправительной колонии. За убеждения к тому времени в СИЗО (или, по-народному — в тюрьмы, хоть следственный изолятор не тюрьма) попало довольно много честных и принципиальных ребят. За стенами тюрьмы, в своей общественной деятельности, я оставалась координатором мною и моими друзьями созданной общественной организации «Союз солидарности с политзаключенными». Мы организовывали концерты известных исполнителей, не боящихся проявить свою гражданскую позицию; в пользу политических заключенных зрители жертвовали деньги, чтобы облегчить их жизнь в тюрьме, оплатить адвокатов, и в первую очередь общественный контроль в тюрьмы пришел к политзаключенным. К резонансным арестантам, к тому, о ком писали в газетах, свободы и справедливого суда для кого добивались. «Отведите нас к политзаключенным! К Иванову и Петрову!» — требовали просочившиеся в СИЗО общественные наблюдатели. Тюремщики переглядывались, пожимали плечами и отводили к арестантам. Поскольку это прямо предусмотрено действующим законодательством.

По дороге к резонансным узникам наблюдатели созерцали небогатые условия содержания и другие кошмары наших острогов, присматривались к ним, примеряя к своим книжным представлениям о тюрьме (мне помнится, что никто из наблюдателей первого созыва сам «тюремных университетов» не проходил). Что-то виделось мрачней, что-то, наоборот — менее пугающим, чем мы это себе представляли. Длительное время общественный контроль в СИЗО так и оставался выборочным, хотя наш с Михаилом Кригером экипаж стал первым, который тотально обходил камеры в шестом женском следственном изоляторе Москвы. Тогда мы впервые применили ставшую потом обыденной тактику: зайти в камеру и записать все до одной жалобы... например, на здоровье. С этими жалобами идти к начальнику СИЗО и нахально требовать оказать помощь всем женщинам до единой. Изолятор мы так обошли несколько раз подряд, игнорируя призывы администрации прекратить ходить кругами по всем каме-

рам, а двигаться, как обычно, быстро и адресно, к «своим этим политзаключенным, давайте к Иванову и Петрову отведем, ну что вы, а?..» Но чужая боль и гипотетическая возможность помочь привлекли нас: ведь обычные заключенные страдали так же, как резонансные, а то и похуже того. Мы зависали в многоместных камерах, проводя там часы и дни. Чаще всего мы слышали от женщин, выстроившихся перед нами и сотрудниками: «Все хорошо, жалоб нет!» (Так велят тюремная этика и «диалог» с администрацией встречать любые комиссии.) Но иногда нарыв прорывался криками, слезами и болью. Мы фиксировали жалобы в тетради. Средства аудио-, видео- и фотофиксации как прежде, так и сейчас в СИЗО для наблюдателей запрещены.

Я хотела бы тут пояснить употребленный выше термин «экипаж». Члены ОНК посещают места лишения свободы в количестве не менее двух. То есть их может быть при посещении хоть тридцать — а вот один член ОНК прийти не может (это правило, как и множество других, установленных законом, мне доводилось нарушать, но речь сейчас не об этом). Его, наблюдателя, одного не пустят. Порой это раздражало: а попробуй найти напарника в час ночи, получив экстренный вызов о пытках из отдела полиции! попробуй обзвонить последовательно 30 человек, чтобы найти напарников по одному на каждый день недели (предварительно выслушав сто причин, по которым потенциальный партнер занят своими делами — от болезни бабушки до сложностей на работе) — но со временем мы научились понимать смысл и ценность напарника.

Когда в СИЗО происходит что-то острое и законные интересы наблюдателей (их подзащитных арестантов) и сотрудников изолятора идут категорически вразрез, наблюдатель остается на чужой территории наедине с системой, ее лязгающими металлом дверями, недружелюбно настроенными сотрудниками в камуфляже, видеокамерами и видеорегистраторами, на тебя нацеленными, чтоб донести о каждом твоём неверном шаге и резком слове... а взамен рядом с тобой есть лишь один важнейший на этот момент жизни человек — твой напарник. Дублер.

Второй номер. Он встанет рядом, поддержит словом и взглядом, а впоследствии он один и засвидетельствует, что хамил и угрожал не ты. Хамили и угрожали тебе, а ты лишь монотонно повторял: «Соблюдайте положения Закона об общественном контроле...» И от того, насколько слажены с напарником действия общественного наблюдателя, насколько сумели двое на протяжении проверки стать одним целым, направленным на достижение цели, вполне мог зависеть успех или неуспех проверки-посещения. Я не раз писала: мы с напарником можем сколько угодно собачиться «на воле». Можем иметь различные представления о жизни и политические убеждения. Можем расходиться в точках зрения на спорт, религию, роль женщины в семье и здоровое питание. (Однажды накануне Рождества в журнале проверок я завершила отчет по итогам посещения СИЗО праздничным пожеланием сотрудникам: «С Рождеством Христовым!» Напарник Сергей Сорокин, будучи ученым и атеистом, немедленно дополнил запись своим особым мнением: «Но бога нет, Анечка, вынужден заметить!») Но «на маршруте», в учреждении, напарник становится роднее брата, важнее друга. Его понимаешь с полуслова и полувзгляда. С ним если и споришь на протяжении посещения, то лишь в рамках разгаданной и просчитанной комбинации, предугадывая следующее слово и действие, поддерживая и подыгрывая. Этому мы научились в совершенстве. Цель — помочь заключенным. Еще одна цель — не подставиться самим, когда все вокруг стремятся нас подставить. Да, когда мы надоели тюремщикам и наши с ними интересы пришли в явное противоречие, мы ж по СИЗО как по минному полю ходили под прицелом видеорегистраторов, и опасность могла ожидать за каждым углом. Нас провоцировали. Мой напарник Михаил Кригер горячо протестовал. Я, не видя от горячности плодов, училась холодной сдержанности. Постепенно «обучалась быть железным продолжением ствола, началом у плеча приклада». Я, когда-то порывистая и эмоциональная, приобрела привычку сдерживать эмоции и ждать для каждой мелкой надобности удачного момента, своего часа.

3. В «Матросской Тишине», следственном изоляторе № 1, погиб арестованный юрист Сергей Магнитский. Его смерть и последующее общественное расследование, проведенное членами ОНК, стали, бесспорно, вехой в становлении общественного контроля. Все это каким-то удивительным образом прошло мимо меня. Гибель Магнитского фиксировали, мучительно переживали и тщательно расследовали другие экипажи: председатель ОНК Москвы Валерий Васильевич Борщев, самоотверженная и талантливая журналистка Зоя Светова, самая пожилая член ОНК Лидия Борисовна Дубикова, правозащитница Людмила Альперн... Мы с Михаилом были заняты больше отделами полиции по ночам и этими своими больными женщинами в женском изоляторе днем. А гибель Сергея Магнитского вызвала серьезный общественный резонанс, привлекла внимание к происходящему в тюрьмах, стала камнем преткновения в отношениях тюремщиков и наблюдателей. Тюремщикам совсем не понравилось, что «экскурсии» наблюдателей, допущенных на в святая святых, развели такой шум. Под давлением общественности был переведен на нижестоящую должность начальник СИЗО-2, «Бутырки», где содержался Сергей Магнитский, — Дмитрий Комнов. (Теперь он и сам стал, к удивлению и гневу многих, общественным наблюдателем, но это я очень сильно забегаю вперед.) Взаимоотношения членов ОНК и Федеральной службы исполнения наказаний в Москве от деланно дружественных перешли к стадии конфронтации. «Что происходит тут, в ваших тюрьмах?! — возмутились правозащитники. — Здесь убивают! Насилием, бездушием, не оказанием медицинской помощи! Доколе? И — хватит!» «Список Магнитского» — чиновников и лиц, попавших под иностранные санкции за происшедшее с юристом в московских СИЗО, стал актуальным трендом, чуть не положившим (или положившим все же?) начало холодной войне России и Запада. Я, повторюсь, масштаба происходящего на тот момент не понимала. Но пробормотала: да тут не только Магнитского убивают... тут вообще фигня какая-то происходит... такой бардак...

Тут пришла пора мне, наверное, о себе пару слов сказать. Я — нонконформист в юности и умеренный соглашатель сегодня. Мама двух не хватающих с неба звезд, но любимых по мере сил уже выросших сыновей, не оправдавшая надежд дочь ушедшей уже мамы, известного киноведа Ирины Михайловны Шиловой. Дочь звукорежиссера-нонконформиста, рожденного в неволе Георгия Николаевича Каретникова. Я не стала лучшим следователем, известным писателем и не стала великим адвокатом, как пророчили мне в детстве и юности, большую часть жизни я подвизалась судебным юристом в средствах массовой информации, эта работа позволяла мне худо-бедно выживать, скопить на маленькую квартиру и растить детей. Неудачная жена четверых последовательно мужей, так и не понявшая, на что мне эти замужества, но и сохранившая о них в основном приятные воспоминания, автор двух детективов, вышедших в свет с руки издательства «Эксмо» и не оправдавших трудовых затрат в финансовом плане, так и не дописанной диссертации о правах потерпевшего в уголовном процессе и массы остроактуальных постов в социальных сетях, когда я поняла, как этими сетями следует пользоваться для улучшения положения заключенных в тюрьмах. Из юристов СМИ я удрала уже в зрелом возрасте в Правозащитный центр «Мемориал», надолго приютивший меня после захвата заложников в 2002 году на Дубровке в Театральном центре в Москве (я живу теперь неподалеку, на этой самой Дубровке, но это не закономерность, а совпадение). Тогда эта история с захватом и гибелью многих заложников будто отбросила меня, взрослую и давно неполитизированную, в нонконформистскую юность (бессонные ночи 91-го года, свистящие вокруг пули 93-го, когда мы под огнем тащили раненых ползком к автомобилям «скорой помощи» по Новому Арбату), и на многие годы моей судьбой и болью стала Чечня, где не утихала война. Когда она утихла наконец (утихла ли?), на смену войне в моей жизни пришла тюрьма.

Еще я умела вести многотысячные митинги. Впрочем, и митинги на пару сотен человек, по отзывам, удавались мне неплохо. (Недавно на одном высоком совещании в ФСИН рядом сидели

я и представитель аппарата Уполномоченного по правам человека. Получив список выступающих и обнаружив среди них свою фамилию, я нервно перечитала тему совещания и пробормотала: «м... надо что-то будет сейчас сказать... Видимо, подготовиться надо было...» Сотрудник аппарата усмехнулся и шепнул мне на ухо: «Анечка, вспоминая те митинги десятилетней давности, я не сомневаюсь, что ты тот человек, который, если надо, найдет, что сказать важным людям в любое время дня и ночи». Ну, это он меня переоценил. Если честно, перед любым выступлением я всегда волновалась и волнуюсь, так это и осталось со мной с детства.) Я никогда не умела руководить людьми, но мне неплохо удавалось их вдохновлять. Мне верили, за мной шли. С пионерского детства меня ставили капитаном спортивных команд, то на коньки, то с мячом, то на лыжи. О виде спорта, который возглавляю, я имела обычно минимальное представление, однако ценна была тем, что в самый тяжелый и беспросветный момент поражения умела преломить ситуацию: «Команда, беремся? Слышишь меня, команда?! **ТЫ СЛЫШИШЬ МЕНЯ?? Беремся!!!**» Иногда от изумления нам удавалось победить.

Я многое тут недоговорила о себе. Мои якобы «человеческие» недоверчивость, жесткость, толерантность, уживчивость, язвительность, слабость и доброта имеют под собой вполне рациональную основу. Я, конечно, разведчик, не забывдка. Так вышло. Но это — сюжет новой, пока не написанной книги. Это — ее страницы. Пока я была и остаюсь Алисой в Зазеркалье, девочкой, шагнувшей в «Королевство» и надолго удивившейся там, хоть изредка и рекомендующей миру вернуться в русло логики и адекватности, как я их понимаю. А такая я, по большому счету, и есть.

По политическим убеждениям меня считают либералкой, но я скорей социал-демократ. Впрочем, в современной России грань зыбка, поэтому я и сама не придаю значения таким мелочам. У меня два высших образования: я юрист, криминалист, окончивший Московский университет, по второму образованию я писатель, литературный работник из Московского литературного института. Я — прозаик, «а вот посмотрим сейчас, про каких

ты про заек», как в старом анекдоте. В Москве есть такой Литературный институт, я его тоже окончила, став заодно членом Союза писателей еще СССР. Я училась в двух вузах одновременно. И оба эти мои образования, смешавшись в чудесный коктейль, оказались внезапно самыми нужными и необходимыми, когда мы стали учиться... управлять в ручном режиме тюрьмой. А что тут говорить — был период, когда общественный контроль не управлял, разумеется, московскими СИЗО, но оказывал на них существенное влияние. Такой период расцвета, великая эпоха. И ОК (общественный контроль) подавал надежды по всей стране. В результате чего по стране (за исключением, как ни странно, Москвы) и был в результате почти полностью разгромлен и вытеснен с поля битвы за права заключенных, поскольку действие рождает противодействие. Но это я опять очень сильно забегаю вперед.

Во второй состав ОНК мой напарник Михаил Кригер не попал. О принципах отбора в ОНК я расскажу позже, это они привели к разгрому общественного контроля в конце концов. А недопуск Михаила в ОНК был вторым звоночком. Слишком активен и либерален был Михаил, слишком горяч в полемике, слишком резок. И он не прошел. Пусть сам председатель ОНК и известнейший правозащитник Валерий Васильевич Борщев стоял в пикете на Чистых прудах с плакатом «Заберите вашего Цветкова, отдайте нашего Кригера!» — это ничего не изменило. У меня не стало вернейшего напарника, как бы в компенсацию я была избрана заместителем председателя ОНК. Тогда это не значило почти ничего, кроме того что я готова была тратить больше других наблюдателей времени на посещение тюрем. Это еще не стало на тот момент моей профессией, но уже становилось неотрывной частью жизни. Несколько раз в неделю — в тюрьму. Несколько раз в неделю — искать напарника. Договариваться по телефону, а иногда — ждать часами у дверей учреждения.

К стыду своему, я не помню своего первого посещения СИЗО. Мимо меня прошла, как я уже сказала, история гибели Магнитского. Но я помню те дни, когда, пожалуй, контроль за тюрьмами стал моей профессией, накопленный опыт переро-

дился в призвание. Это связано с судьбой Сергея Кривова, кандидата технических наук, гражданского активиста, арестованного и помещенного в СИЗО-1, «Матроску», по Болотному делу, за якобы насилие, примененное против сотрудников полиции. Сергей Кривов, не слишком молодой уже человек, содержась в следственном изоляторе, объявил голодовку. Помимо прочих требований он настаивал на том, чтобы его не вывозили ежедневно в суд. (Ежедневные поездки в суд — из страшного, что можно сделать с подсудимым. Часы в душном или студеном автозаке — грузовике для транспортировки заключенных, эков, побудка в шесть утра, возвращение в камеру заполночь, невозможность не только подготовиться к процессу, но и поесть и помыться, а с утра — снова в путь.) Сергей Кривов не стал терпеть, как тысячи арестантов, он выбрал путь протеста. У арестантов какие пути протеста: членовредительство и голодовка. Ну, еще жалобы в разные инстанции, но они из мест лишения свободы (МЛС) далеко не всегда выходят, даже в Москве. А если выходят — редко помогают. Сергей Кривов, гражданский активист, выбрал голодовку. И держал он ее более 60 дней. Это критично для здоровья. Он ее объявил, и мы не могли остаться в стороне.

...В этом эпизоде моими напарниками, главными действующими лицами стали журналистка Зоя Феликсовна Светова и замечательная взрослая наблюдательница Алла Яковлевна Покрас. С Аллой, много лет работавшей с ФСИН, мы сбивали ноги по бесконечным коридорам «Матросской Тишины», обмениваясь потрясающе тонкими шутками, фонтанирующими как высокой интеллигентской эрудицией, так и обсценной компонентой, и поражая воображение сотрудников тем, что начали тут кое-что понимать и, похоже, издеваемся, в то время как гражданским тонкости тюрьмы понимать не положено: замкнутая среда. Куда вы влезли, клуши?.. Мы, две гражданские несуразные тетki, разрывали своими неожиданными репликами шаблоны. «Они явно что-то знают!» — нервничали тюремщики и в свою очередь разрывали эфир шелестом и свистом раций (за каждым шагом наблюдателей в СИЗО следят и немедленно докладывают руко-

водству). Зоя Светова, дочь политзаключенных, порывистой и неистовая, прямо с порога кабинета «хозяина» потребовала удовлетворить элементарные требования Сергея Кривова: дать ему отдохнуть от выездов в суды хотя бы несколько дней, после чего он будет согласен снять голодовку. «Да, — пискнула я, шмыгнув простуженным носом, — представляете, вот и я того же самого требую. Мы обе этого требуем, гражданин начальник изолятора. Именем общественного контроля и всех прав человека. Такой наш на сегодня прикол, ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ?»

Гражданин начальник «Матроски» посмотрел на нас с неприязнью с другого конца массивного руководительского стола в своем кабинете. «Это, что ли, мы будем идти на поводу у всех, кто нас своими голодовочками нагнуть захочет?! Ну уж нет... Колбасу ваш Кривов подъедает по ночам. А колбасу ему передают по веревкам. Поедет в суд как миленький. Как все ездят. Не помрет».

Зоя, настоящая бескомпромиссная правозащитница, пустилась в гневное и совершенно справедливое, что мы отсюда не уйдем, пока... Я, непонятное по сути явление, мелкая соглашательница, любительница уже на тот момент покурить и посплетничать с сотрудниками в укромном уголке, подло подмигнула начальнику подразделения в том плане, что в данной ситуации я на стороне Зои и голодающего Кривова и тоже, в общем, никуда не уйду, так я для себя решила. Не тот случай.

Начальник тюрьмы выгнал нас в приемную, заперся в кабинете и стал искать по телефону пути решения проблемы. Зэк голодает, и аж две обнаглевшие правозащитницы не собираются покидать территорию тюрьмы, пока не будут удовлетворены его, зэка этого, требования. Нонсенс. ЧП. С этим надо что-то делать.

И для начала начальник «Матроски», разумеется, позвонил в УФСИН России по городу Москве, запросив поддержки артиллерией против обнаглевших наблюдательниц-теток. В качестве артиллерии ему тотчас выписали в помощь двух членов обновленного состава ОНК Москвы, никаких не сопливых либералов, а твердых государственников Павла Пятницкого и Вячеслава Панькина. На тот момент состав ОНК как раз впервые обновлял-

ся: либералов заменяли такими ребятами-государственниками, потому что государство уже решило взяться за ОНК всерьез. Но это тоже отдельный разговор, это — позже.

Артиллерийского удара не вышло. Вновь избранные члены ОНК Павел и Вячеслав прибыли и пафосно вошли в «Матроску», но надежд начальника не оправдали. Выслушав рассказанную правозащитницами-либералками историю о голодовке Сергея Кривова и его требованиях дать пару дней отдохнуть и в суд не вывозить, парни с недоумением перевели взгляды с нас, теток-тетех, на начальника СИЗО. «Ну и не вывозите, — был их общий солидарный с нами вердикт. — В чем цена вопроса-то? Пусть отдохнет и голодать прекратит. Потом — поедет. Вопрос-то не политический. Человек устал просто. Что вы тень на плетень наводите?»

Начальник тюрьмы остался недоволен. Павел и Вячеслав убыли с территории СИЗО, наступал вечер, стемнело. Мы с Зоей оставались на территории, вопрос не решался. Про нас будто все забыли. Зое надо было позвонить: в редакцию и детям, что задерживается. Вдруг оказалось, что телефоны в здании СИЗО не работают. ДЛЯ НАС — так нам пояснили — они не работали. Мы бегали от кабинета к кабинету, но нам отвечали только: телефон не работает. Лишь один сотрудник нашел для Зои телефон. Майор внутренней службы Евгений Мирошников, тогда он был заместителем начальника по режиму. Зоя позвонила, затем убыла с территории изолятора. (У нас не говорят «уйти», у нас говорят «убыть».) Я не помню точно почему, но я осталась одна, что недопустимо — остаться на территории без напарника. Это было, конечно, грубой ошибкой. Мне немедленно намекнули, что то ли подбросят наркотики, то ли еще что-нибудь произойдет нехорошее. Время пришло. Ну, а может, просто у страха глаза велики.

...Я опять сидела в кабинете начальника СИЗО и говорила за голодовку Кривова (у нас не говорят «про», у нас говорят «за»). А начальник тюрьмы, успевший за время нашей беготни в поисках телефона подготовиться к разговору, говорил мне так, повторяя текст, надиктованный из Управления: вы всегда ходите

только к резонансным заключенным! К одним и тем же! Вот! Вы ходите к ярославскому мэру Урлашову! Простые русские ребята, пострадавшие ни за что, остаются без правозащитной помощи и поддержки! Вы нарушаете 76-й Федеральный закон об общественном контроле! Вы нарушаете Кодекс этики, утвержденный Общественной палатой РФ! У вас сплошная избирательность и приоритеты! Пришла пора об этом поговорить!

Я хотела сказать: начальник СИЗО, дорогой друг, да что ж ты врешь-то нагло так, ты же знаешь, что я за маршрут сотни никаких не политических эзков посещаю, на фига ж такая подстава, рехнулся ты?.. Но потом поняла, что возражения бессмысленны: он ведь просто произнесет текст, надиктованный из Управления, иногда сверяясь со шпаргалкой. Поэтому я молчала. Тем временем начальник и его замполит сочли мое молчание согласием и бессилием и вошли во вкус. Постепенно они перешли на крик: и ты! никогда! не будешь писать в своих фиговых бложиках в дурацких социальных сетях, что у нас плохая еда-баланда! Потому что! у нас самая лучшая еда! Вообще не будешь плохого про нас писать! У нас большие возможности! Ты поняла?! И не будешь сюда все время ходить! Потому что ты надоела!

— Поняла, поняла, — перепуганно закрывая лицо руками и почти искренне дрожа, прошептала я. — Мне темно, страшно. Ночь уже! Выпустите меня отсюда! Вы на меня громко разговариваете, кричите даже, я боюсь, когда кричат. Не надо подбрасывать мне наркотики. Можно, я домой пойду? Я больше не приду... наверное... простите... — и я опять шмыгнула носом, утирая слезы от страха, но уже догадываясь, что будет дальше. Меня отпустили. Сказали снисходительно: иди давай домой, вот правильно, молодец. Не возвращайся.

...Я пришла в «Матроску» на следующее же утро с жесткой и недоброй улыбкой на лице, найдя себе на долгие годы лучшего напарника, общественного наблюдателя, кандидата химических наук и правозащитника Сергея Егоровича Сорокина. Проходя КПП, я была уже наверняка не лучшим, но из наиболее заинтересованных и упертых общественных наблюдателей за изолято-

рами в России, предыдущие вечер и ночь предопределили мою судьбу. Я шла в СИЗО уже в новом качестве, ветер противными холодными порывами портил мою аккуратно сложенную в салоне блондинистую прическу, нехорошая эта улыбка играла на губах, глаза зло и насмешливо шурились, мой проинструктированный второй номер следовал за мной, я насвистывала задорную песенку и, вступая на КПП, щелчком выкинула окурков в урну. До прихода в СИЗО я сделала несколько телефонных звонков и, как это у нас называется, обставилась, в смысле — подстраховалась. Я поняла, что играть надо по правилам, я стала другой за эту ночь. Я (о, иллюзии!) перестала быть любительницей, я стала профессионалом. То есть так я думала на тот момент. (Потом было много моментов, которые ставили меня на место и не позволяли особо задаваться.)

— Привет, коллеги, — радостно поприветствовала я администрацию учреждения, проходя досмотр (вываливая на столлик часовому для обозрения на КПП кучу сигаретных пачек и конфетных фантиков). — Я пришла, я вот тут вернулась. Сейчас светло, утро, и я совершенно вас не боюсь. И мы обязательно попробуем и оценим вашу баланду. Что там у нас с голодовкой Кривова, продолжим? И, кстати, — сказала я «хозяину», — вы меня вчера обвинили в том, что я хожу только избирательно, адресно, к резонансным заключенным. Это не совсем так, но так может, наверное, показаться. Так вот, во избежание сомнений я решила обойти всех. Вообще всех арестантов. Я решила, что у меня есть на это время, я немного переформатирую свою судьбу, но каждый из них будет знать меня лично. И к каждому придет помощь. Ну что, приступим? Экипаж готов к выходу на маршрут. Это будет новый, совершенно новый и интересный этап наших взаимоотношений. Я его продумала, я его решила. Теперь нам никак друг без друга. Навсегда вместе.

Начальник СИЗО и его замполит шарахнулись от меня и исходящих от меня воинственных биотоков, как черт от ладана, я усмехнулась и показала язык. Мой второй номер развел руками и сделал показательно обескураженное лицо: кто его знает, что

у дуры-бабы на уме, но она теперь — номер первый. Простите, парни, так сложилось.

В предшествовавшую тем событиям ночь, перебирая в памяти реплики и события, дрожа в поту под одеялом без сна, я много думала и приняла, еще не осознав сама глубины его, решение. Тот вечер сделал меня общественным наблюдателем с большой буквы. Узким специалистом по следственным изоляторам. Есть такие характеры — на них нельзя давить, ответ на давление — сопротивление, уже позднее нам продемонстрировала эту черту в больнице «Матросской Тишины» арестованная украинская летчица Надежда Савченко. Вот и у меня такой почти характер. От меня добрым словом и поступком, попыткой разжалобить можно добиться чего угодно, хоть веревки вей. Я неделями страдаю, когда мне случается человека огорчить, хоть без этого, будучи проверяющим, никак. Но так это я себя ломала, чтоб стать проверяющим. А вот пугать меня нельзя. Это вызывает непредсказуемый встречный эффект, «оборотка» включается. И не нашлось среди сотрудников СИЗО в тот знаковый вечер психолога, чтобы предугадать мои неожиданные реакции. Об этом, думаю, и в «Матроске», и в УФСИН, управлении нашем, еще не раз пожалели. И жалеют, наверное, до сих пор, хоть я у них уже год работаю. Что вот случился однажды случайно на беду такой затянувшийся вечерок с непредсказуемым утром.

...Что до голодовки Сергея Кривова, то администрация СИЗО в тот же день пошла нам навстречу, требования Кривова были удовлетворены, в суд его неделю не вывозили, голодовку он снял, и здоровье его мы таким образом спасли. Начальники думали, может, что после этого из СИЗО я уйду, удовлетворенная. Но слово уже слетело, а слова на ветер в тюрьме на бросают, решение было принято. Я там, в СИЗО, жить стала. Сначала в одном. Потом в девяти. У нас, в Москве, было девять следственных изоляторов, семь московских и два федеральных. Я равномерно раскидала свое жизненное время по всем. И я так благодарна моему работодателю, Правозащитному центру «Мемориал», который предоставил мне такую возможность... Мне

платили зарплату. Иначе было бы вообще непонятно, что в этот период я и мои дети должны есть. Меня понимали и особо не ругали.

Тут поясню еще: я езжу на автомобиле. Автомобиль — еще один мой верный напарник — изрядно поцарапанный, но слабо побитый коричнево-серый «Форд-Фокус» на механике, что подарила мне покойная мама. Без него мне, болезной, никак, в метро я простужаюсь или падаю сразу или через некоторое время. Слабенькая я совсем, врачи говорят, что у меня почти нет иммунитета (В тюрьме почему-то это не проявляется, там мне как-то воздух, что ли, подходит? Многочасовое пребывание в камерах больных с открытой формой туберкулеза для меня менее опасно, чем десятиминутная пробежка до метро по свежему утреннему воздуху.) В автомобиле же я мчу поочередно ко всем нашим следственным изоляторам, сквозь его стекло наблюдаю смену сезонов: осени — зимы — весны — лета. Магнитола играет мне поврежденными шепелевающими динамиками (залило водой через стекло по пути в третий следственный изолятор) что-нибудь любимое из Ваенги Елены, бессмысленное, но красивое и важное, если наполнить своими смыслами, «говори, я не наслушалась!.. показал взглядом, куда лететь надо», — и я лечу. Лечу на вызов... Или ползу по московским пробкам. Еще я там слушаю новости по радио и говорю по телефону. О, эта одна из моих основных опций — говорить по телефону. На мой телефон сын установил специальную китайскую программу, которая записывает все разговоры во избежание провокаций, она не раз уже мне помогала. Китайскую программу мы догадались поставить после того, как одну женщину, члена ОНК в регионе, решили подставить и посадить с помощью монтажа записанного разговора. Типа «вы придете посетить нас в исправительной колонии? Спасибо большое!» — ну, а в интерпретации УИС вышло: «Вы принесете нам героин? Спасибо большое!» Но у этой правозащитницы стояла такая программа, и подставить ее не получилось, поскольку она предоставила следствию и разместила в Интернете исходники, оригинальную запись. Ну,

с того случая такая программа стоит и у меня. Итак, я снимаю трубку: Каретникова. Внимание, разговор ведется под запись. Я вас слушаю. Они, родственники арестантов, а иногда и сами арестанты, — говорят.

О, чего мне это стоило, чтоб они, московские арестанты, научились ГОВОРИТЬ. Тюрьма ведь — это замкнутое пространство, полностью закрытая для посторонних среда, подавляющее большинство арестантов связано с администрацией обетом молчания, омертой, «комиссия уйдет, а мы останемся», «у нас как в санатории — три раза кормят, ни разу не бьют», все вот эти дела, «жалоб нет, начальники!» Это все я по большому счету, как у нас говорится, «разморозила», члены ОНК сумели доказать спецконтингенту свою относительную полезность, то, что негативные последствия жалоб могут оказываться слабей позитивных. Ну, как если арестант просил направить к стоматологу, а его за жалобы ОНК посадили в карцер. Очень хорошо получилось... Больше, наверное, не обратится. Это не раз случалось в начале нашего пути. И возмущались недоумевавшие члены ОНК: мы к ним приходим в камеры, мы тратим свое время, мы задаем вопросы — а они стоят перед нами, как болванчики, и врут, что все хорошо, что еда вкусная (будто мы ее не видим и не пробуем), что администрация — вежливая (хоть она даже и с нами не вежливая ни разу), что синяки и переломы — это от того, что они с кроватей второго яруса постоянно падают, словно груши по осени, что сантехника исправна, хоть кран течет и на полу вода, — и раз они не хотят с нами разговаривать, так чего ради это все? Раз им все нравится — значит, они сами хотят жить именно так? Что же мы из них слова клещами тянем?

Мы поработали, и через некоторое время жалоб стало не просто много, а слишком много. Их стал просто шквал. Для этого мне сначала пришлось разуть глаза и уши и научиться различать, когда показывают взглядом, а говорят намеками и недомолвками: додумай, мол, сама, что у меня тут за нарушение прав человека... Ну, и большую роль, конечно, в «разморозке»,

точней — в понимании наблюдателями происходящего, которое к «разморозке» и привело, сыграли наши политзаключенные. Те из них, кто не стеснялся резать правду-матку, не будучи связан тюремной омертой. Они прямо и говорили: нас последнюю неделю гулять не водили, хлеб сырой, суп кислый, вода холодная, письма не доходят, сотрудники хамят. Говорили они, разумеется, не все и не всегда, но все уже лучше было, чем в зубах навязшее «три раза кормят, ни разу не бьют». С этого уже можно было начинать, сосредоточившись на основных направлениях: питание, режим, медицина, посылки, передачи, корреспонденция, бытовое обеспечение. Будучи юристом все же, я засела за нормативную базу, чтоб разобраться, что же на самом деле полагается заключенным по закону. Выяснила, что весьма немного, но даже из этого немногого существенная часть не соблюдается. Так повелось. Я читала по ночам законы, затем приказы Минюста и ФСИН, затем заполученные различными тайными способами закрытые приказы «для служебного пользования», я заучивала их наизусть, затем я сравнивала это с практикой, параллельно с удивлением узнавая, что лишь немногие сотрудники знают и помнят, что там написано, в этих секретных, полусекретных и вообще несекретных документах.

Я их цитировала в СИЗО, вызывая среди сотрудников шок и трепет. «Не положено!» Нет, как раз положено, на основании пункта такого-то статьи такой-то Приказа Министерства юстиции от такого-то... Вот, я вам сейчас покажу.. «Это секретный приказ! Он не для вас! Тебе нельзя, отдай быстро!» Я: не отдам, он мой... у вас свой экземпляр должен быть! «Что вы от меня хотите? Я не отвечаю за этот участок работы! Потом придет человек, его и спросите!» Нет, как раз он уже пришел... Вы ведь заместитель начальника по режиму? Ну вот! Вы-то нам и нужны! Ведь на основании пункта такого-то статьи такой-то Приказа 204 дсп заместитель начальника по режиму несет личную ответственность за соблюдение прав человека в следственном изоляторе уголовно-исполнительной системы. Добивающий удар наносила коллега Алла Яковлевна: выдержав изумленную паузу после

моего монотонного бубнежа нормативной базы, она медленно поднимала глаза на обомлевшего подполковника и сочувственно подытоживала: «Представляете?..»

Это не преувеличение. Однажды я обнаружила новенький для себя приказ Министерства юстиции № 216 о вещевом довольствии заключенных (я каждую ночь, возвратившись с маршрута, пыталась урвать у сна минутку и с каким-нибудь ранее неведомым нормативным актом ознакомиться), из которого следовало, что подозреваемым и обвиняемым при отсутствии собственной и средств на приобретение выдается в СИЗО, оказывается, одежда по сезону: и белье, и телогрейка, и шапка, и ботинки, и тапочки... Вот так открытие! Ведь я знала таких бедолаг, что всю зиму сидели в душных камерах, не выходя на прогулки, потому что у них не было теплой куртки. Ну, или они гуляли по очереди, обмениваясь верхней одеждой. Окрыленная, я помчалась в СИЗО: послушайте, вы же должны, оказывается, выдавать арестантам одежду! Вот тут написано! «Только осужденным из хозотряда, — монотонно отвечали мне. — Другим зэкам — только телогрейку и шапку на этап. Без телогрейки конвой не возьмет. А больше мы никому одежду не даем». Чего это они не дают, когда тут написано?... — задумалась я, перечитала еще раз, убедилась, что ошибки нет, и усилила напор. Ой, как меня ругали... «Только на этап! Только хозотряду! Что непонятно? Отстань! Так было всегда!» Напор мой себя проявлял не только в нудных приставаниях и швырянии в сотрудников СИЗО нормативным актом с выделенными маркером важнейшими местами, но и в написании многостраничных писем в многочисленные инстанции (обычно по одному поводу в разные инстанции я отправляла восемь-девять аналогичных кляуз). «Тут написано!» — в сотый раз повторяла я. «Только на этап!» — хором многократно отвечали мне, сплотившись в порыве не растратить попусту довольствие. «НО ТУТ НАПИСАНО!..» В этой локальной битве за телогрейки и тапочки я, кстати, в отличие от многих других локальных битв, победила. Прошло три года, и уже никто не отрицает необходимости вы-

дать обратившемуся с заявлением арестанту одежду по сезону, а тапочки, если таковые имеются на складе, считают необходимым выдавать вновь поступившим в карантинном отделении. Главное, чтоб они там были, на наших складах, но это уже другой разговор. Но как же тогда на меня сердились, как спорили, как не хотели признавать очевидное...

Лидером в плане обувания арестантов в тапочки стала «Бутырка», которая всегда любила нравиться экскурсантам. Когда сражение было выиграно, перед нашими посещениями арестантов, похоже, стали в карантинах обувать в эти тапочки едва ли не насильно. По крайней мере, когда мы входили в камеры, лица сотрудников сияли, а вновь прибывшие заключенные выстраивались перед нами в новеньких тапочках на ногах или в вытянутых нам навстречу руках, чтоб мы оценили по достоинству щедрость «Бутырки». Однажды нам попался в такой ситуации Олег Навальный, у него были свои тапочки и 45-й, по-моему, размер ноги, а в руке он гордо держал тапочки 38-го. Сдерживая смех, я поинтересовалась: Олег, вам-то зачем? Отдайте обратно! «Нет, — улыбнулся смекалистый и явно близкий нам по духу Олег, — меня так просили их взять, что я не мог отказаться. Теперь это — мое. Кстати, а как бы мне заполучить правила внутреннего распорядка? Тут, оказывается, столько всего интересного... хотелось бы понять, чем это все регламентируется». Я с радостью немедленно подарила Олегу ПВР.

Иногда нам удавалось добиться кое-чего и сверх закона, заставив законодателя ввести в обиход созданную нами, наблюдателями, практику. Вот так однажды коллега-наблюдатель Игорь Ефанов обратил на маршруте внимание на то, что первое и второе арестанту наливают в одну миску, превращая их, перемешанные, в настоящую классическую «баланду». «Это почему?» — со свойственной ему раздумчивостью, понаблюдав некоторое время, поинтересовался у сопровождающего сотрудника Игорь. «А любят они так, все перемешать, — отозвался сотрудник. — Что с них взять — таджики...» Игорь наморщил лоб и не поверил.

«Это почему вы суп и кашу в одну миску берете?» — требовательно спросил коллега в камере выстроившихся перед нами арестантов. «Так миска-то одна!» — отозвались они. «В каком смысле — одна?» — продолжал опрос Игорь, бывший сотрудник правоохранительных органов. «Типа одна, — отозвались арестанты. — Одна на два блюда. Так по закону положено». Я немедленно достала закон (я носила с собой огромную сумку законов и приказов, чтобы разбираться на месте) и почитала. Ну да, выдается миска на время приема пищи. Всего одна! И таджикам, и не таджикам.

— Нам не нравится эта тема! — задорно заявила я начальнику СИЗО. — Миски должно быть две — для первого и для второго. Как мы все едим. Две и давайте!

— Это чтоб меня уволили с работы за то, что я растратил лишнюю миску? — напрягся «хозяин» через длинный стол. — Классно ты придумала, умница! Читать умеешь? По правилам внутреннего распорядка — одна миска!

— Хм... ладно... допустим... — вошла я в положение: с точки зрения текста закона он был совершенно прав, — а если я собираю денег в Интернете, куплю мисок сама и вам привезу? Чтоб стало всем по две?

— На фиг надо. У нас все есть, полагающимся по закону полностью обеспечены. Отстань. Отвали. Все так всегда ели и есть будут.

Я вздохнула и поставила вопрос ребром: «Всегда есть альтернатива. В данном случае альтернатива такая, что федеральные газеты напишут так: начальник «Матроски» кормит людей, как свиней, не первым и вторым, а блевотиной из бадьи. Ну, кормят так, если я верно поняла, во всех СИЗО страны, но почему-то мне кажется, что газеты напишут именно про «Матросскую Тишину». Это потому, что я им позвоню и так скажу. Суперская будет сенсация. Надеюсь, вас накажут». (О неожиданно высокой роли СМИ в деле защиты прав заключенных я напишу позднее, оно того стоит.) Коллега Игорь задумчиво кивнул, хоть и слабо ориентировался в моих приемах выкручивания рук, комбинации-

ях и многоходовках. Он просто полагал, что мисок для первого и второго должно быть две, а не одна. Он был прав.

Прекращай! — разозлился начальник. — Почему мы всегда крайние? Когда ты от нас отстанешь? Вот прицепилась... Когда тебя тут уже не будет?! Ладно. Хорошо, я твою аргументацию услышал. Приму у тебя миски, негласно. А условие такое: деньги в Интернете собирай, но про миски ни слова. Не говори никому, на что собираешь. Тайно собирай. Поняла?

— Обалденно... — я вскинулась со стула и разразилась детской считалочкой: — «Кто будет играть в интересную игру, а в какую — не скажу?» То есть типа «люди, подайте не скажу на что, а через год я вам покажу фоточки своей новой дачи?» Это нормально будет так? Ну ладно, — спорить было бессмысленно, — устраивает, ты сказал — я услышала. Тайно — значит тайно. Попробую справиться.

...Денег мне, как ни удивительно, напisyсывали, хоть я почестному не сказала, на что, раз уж обещала. Я обычно старалась соблюдать договоренности. Разместила в социальных сетях объявление: мне нужна вот такая сумма денежек на улучшение положения арестантов. И, как дура, стала ждать, что же из этого получится. Получилось — я благодарна обществу за то, что кредит доверия, выдаваемый мне, всегда был экстраординарно высок. Нашли и деньги, и миски. Я сама удивилась, но через неделю мы передавали в «Матроску» алюминиевые тарелки, считая по одной: сто, двести... С непониманием и недовольством искоса поглядывая на нас, сотрудники принимали: «хозяин» тоже сдержал слово. И раздавали по камерам вторые миски.

Дальше случилось чудо. (На моей памяти таких чудес, примеров слышимости, случалось несколько. Победа над жестокостью шестого изолятора, победа над «пушками острова Наварон» четвертого, расселение третьего, разрешение передавать в СИЗО фрукты, овощи, зелень, несколько освобождений или операций для тяжело больных, очевидное улучшение качества бюджетной пищи... Но все это можно по пальцам пересчитать.) Поглядев на это наше «Матроскино» недоразумение, восприняв передо-

вой опыт, государство и ФСИН открыли армейские склады и по всем регионам России выдали узникам вторую миску. Для второго блюда. Об этом мне писали из самых разных регионов по Интернету, об этом мне звонили по телефону. Да, вы победили! Звезда на крыло (наш знак победы)! Да, теперь во всех СИЗО страны выдают по две тарелки! Тула, Иркутск, Магадан! Да, у вас получилось! Вы сделали невозможное! Это была очень серьезная победа. В следующем году законодатель включил в перечень разрешенных в камере предметов пластиковую посуду, которая до этого была запрещена. Но ох уж этот перечень разрешенных предметов... Это он делает жизнь узников невыносимой, отнимая самое насущное и оставляя широкий простор для манипуляций оперативной службы. Чем постричься? Ногти чем подстричь? Давай, договаривайся... Это все запрещенное... но что ты можешь предложить взамен? Может, договоримся? Ведь с оперативной службы изоляторов, к сожалению, никто так и не снял опцию выявления преступлений... А что — возьмешь на себя пару новых эпизодов — глядишь, и ножницы принесут...и ногти, и волосы подстрижешь... Такая вот цена вопроса.

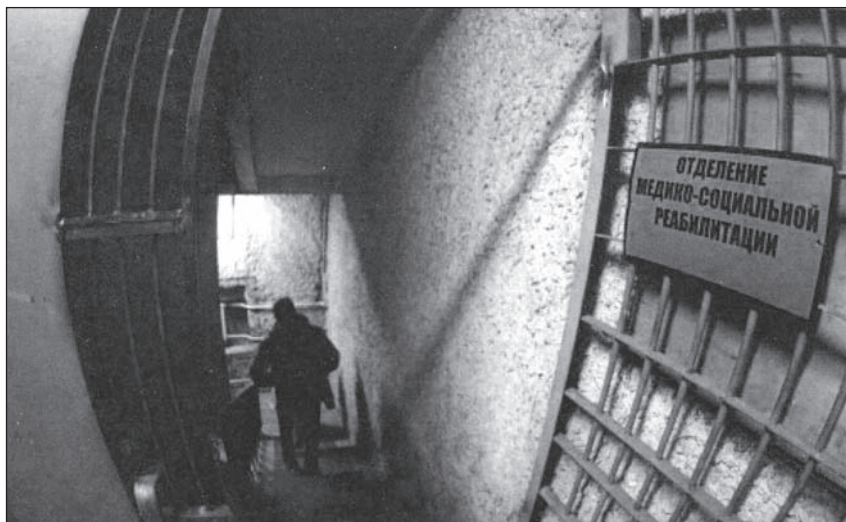
4. Главными моими оппонентами (не сказать бы — врагами) всегда не оперативные, нет, — медицинские работники выступали. Не могу знать, почему именно у этих специалистов профессиональная деформация всегда наступает многократно быстрее, чем даже у обычных инспекторов, сотрудников СИЗО. Почему-то именно медицинские работники проявляют верх цинизма и хамство в общении со спецконтингентом, бросают оскорбительные реплики, что уж там говорить о своевременном и полном оказании медицинской помощи... Вот этого чаще всего для арестантов нет. Таблеток нет, специалистов нет, ничего нет. Со всех регионов России, из колоний, осужденные звонят мне: сделайте что-нибудь с нашей медчастью! Пусть нас лечат! Пусть лекарства дают! Пусть нас не оскорбляют! Пришлите комиссию, проведите проверку!

Вся Россия мне неподвластна. Хотя я хочу, так хочу поездить, набраться опыта по регионам. И во ФСИН России мне это обещали. Даст Бог — покатаюсь еще. Но и в Москве удивительного в работе медицинских работников насмотрелась я немало.

Врач — важнейший человек в следственном изоляторе. Боль, болезнь — из страшнейшего, что может случиться с арестантом в камере. Остальное можно пережить, как-то преодолеешь. Боль без лекарств преодолеть затруднительно. Итак, осмотр и назначения медицинского работника — бесценны.

«А нефиг было наркотики употреблять». «На воле лечиться надо было». «Брось курить — оно и пройдет». «Народное средство — лопух приложи». Вот такие советы зачастую слышат арестанты от наших медицинских работников. И все было бы ничего, если бы иногда они, арестанты, не умирали. Каждая смерть портит нам статистику. Но почему-то до последнего медики не верят в ее возможность, полагая больных симулянтами. Кроме этого знакомого слова, еще я узнала в тюрьме ранее не известный мне термин «аггравация». Это почти такая же симуляция, но неосмысленная, подсознательное преувеличение симптомов болезни, тяжести своего состояния. И вот пока пациент не умер, очень удобно списывать все его жалобы на симуляцию и аггравацию. И, пока он не бьется в конвульсиях, пуская пену изо рта, выдавать ему справку: «Состояние удовлетворительное. Содержаться в СИЗО, для проведения следственных и судебных действий следовать может». Ведь доставить на следственные и судебные действия — приоритет для нас. Даже если заключенный там умрет — а такие случаи были. Смерти подсудимого Минкина я посвятила однажды статью в «Новой газете» — редкий случай для меня, предпочитающей обычно режим тишины и путь интриги. Я не смогла в тот раз сдержаться, слишком возмутительной и даже назидательной была ситуация. Чтоб было понятней, помещу я здесь ту статью полностью.

Анна Каретникова, член ОНК Москвы, о том, как во время победоносной пресс-конференции тюремного доктора Мадояна умирал его пациент.

В пятницу после полудня в тюремной больнице, в здании московского следственного изолятора «Матросская Тишина», предположительно от острой сердечной недостаточности, скоропостижно умер возвращенный по «скорой помощи» из суда предприниматель Юрий Минкин (подробности — в № 103 «Новой»).

В эти самые минуты в том же здании, в больнице «Матроски», заканчивалась пресс-конференция медслужбы ФСИН. Главная задача — убедить журналистов, что медицина в СИЗО-1 — на высоте, больные получают должное лечение и всем довольны, а факты о недостаточно качественном лечении, приведенные ранее СМИ и правозащитниками, не подтвердились.

Пресс-конференция

Отступим на шаг назад. С началом активной работы московской Общественной наблюдательной комиссии нового созыва в прессе стали появляться не слишком лестные публикации о медицине в неволе, в частности — в больнице «Матросской Тишины». Одна за

другой газеты размещали статьи о конкретных вопиющих случаях, произошедших в больнице. Широкая аудитория открыла новое для себя имя — главный врач больницы ФКУ МСЧ-77 ФСИН России Самсон Валерьевич Мадоян. Но еще до первых публикаций в руководящие медицинские органы ФСИН, в надзирающие органы летели письма членов ОНК Москвы с перечислением этих самых эпизодов и просьбой: проверить. Ответ был всегда один: факты не подтвердились. Далее — сухие статистические выкладки о том, что все хорошо. И ежедневно становится еще лучше.

Правозащитники не могли взять в толк: как могут не подтвердиться факты? Для того чтобы убедиться, что они соответствуют действительности, можно бы просто выехать в больницу и посмотреть. На больных, на их документы, на журналы посещений ОНК, где эти факты фиксировались, на записи с видеокамер, способных, например, отследить частоту появлений в коридорах конкретных врачей-специалистов. Однако ответы руководящих инстанций говорили о том, что проверка обстоятельств не проводилась, а ответы с многочисленными фактическими ошибками писались со слов доктора Мадояна.

Наконец, публикации членов ОНК Москвы Елены Масюк («Новая», № 89 от 13 августа 2013 года), а затем, и в особенности, Евы Меркачевой растормошили общественность. Что там происходит, в этой больнице, в этих СИЗО? Неужели там действительно чуть ли не ставят опыты над людьми, визита доктора ждут месяцами, а на заболевшую камеру из двадцати человек дается несколько таблеток парацетамола? — удивились тысячи читателей. Нет, ну так же нельзя... Расскажите об этом подробнее!

В больницу зачастили ведомственные проверки. Большие и маленькие. «Что ни день — то генерал», — отметили больные. «Да, шум вы тут подняли, — согласились с ними сотрудники. — А, кстати, пусть ходят. Они, конечно, и нам по шее походя дают, но, может, порядка больше станет». Доктор Мадоян был отозван из отпуска. Он стал корректней относиться к спецконтингенту, появлялся с проверками и выполнил несколько обещаний, ранее данных тяжело-больным людям.

Итак, 12 сентября по итогам всех этих проверок медсанчасть (МСЧ) ФСИН дала пресс-конференцию. Меня на ней не было, публикаций по мотивам данного мероприятия я не видела, за исключением релиза на сайте самой ФСИН. На конференции в который раз прозвучало: информация журналистов и правозащитников не подтвердилась. Статистика превосходна, перспективы — великолепны, генералы — объективны, злопыхатели — предвзяты, доктор — блестящий специалист.

Информационный повод подкинула сама жизнь, и это оказался не лучший повод для ФСИН, ее МСЧ, больницы «Матроски» и лично доктора Мадояна. Смерть пациента больницы — бизнесмена Юрия Минкина. Может быть, небеса не стерпели...

Смерть

Пока сотрудники ФСИН отчитывались о великолепной работе тюремной медицины, «скорая» под сиреной и с конвоем ввозила в ворота «Матроски» умирающего Минкина. Рассказывают, его несли бегом. Но он не дожил даже до палаты интенсивной терапии. «Пресс-конференция, — говорят сотрудники, — еще где-то там продолжалась, ходила, а его как раз понесли. Они разминулись».

Днем ранее предприниматель с букетом тяжелых заболеваний, включая сердечные, был направлен под конвоем в суд для продления ареста. Там ему стало плохо, он потерял сознание, прибывшая «скорая» вернула его в «Матроску», Минкин был помещен в палату интенсивной терапии. Там он провел ночь, ему была оказана медицинская помощь. На следующее утро его вновь повезли в суд, на продление. Члены ОНК: «А ему нельзя было дать отлежаться?» Сотрудники: «Вы не понимаете. Суд — это суд. Учреждение по закону обязано обеспечить явку подследственного в суд. А то ему арест не продлят — и что его, отпускать, что ли?»

Стоп. Суд — это очень важно. Но медицинский работник вправе ради сохранения жизни и здоровья больного его в этот суд не отпустить. Осмотреть и дать справку: не может по состоянию здоровья участвовать в процессе. И он соблюдет тем самым клятву

Гиппократ — не навредит. Мнение врача здесь важнее требования суда. Однако врачи этим своим правом не злоупотребляют, штампуя справки без осмотра.

Сокамерники: «Выглядел он, кстати, неплохо. Зашел в камеру, взял свои бумаги для суда... Мы и подумать не могли, что так получится. Что мы навсегда уже попрощались».

Не знаю, успел ли суд продлить арест Минкину. Возможно, умирал он уже свободным. В суде ему стало плохо снова, история повторилась, как в «Дне сурка», «скорая» помчала обвиняемого в больницу «Матросской Тишины». Сокамерники: «Вот тут непонятно... Она проезжала три больницы. Две взрослых и детскую. Разве нет закона, что любая больница обязана принять умирающего для оказания помощи, а «скорая» — передать? Что их так сюда-то тянуло? Может, можно было его спасти?..»

Сотрудники: «Ну, конвой с ним был, небось молодые они, потерялись... Думали: откуда вывезли — туда обязаны и вернуть. Непонятно, правда, о чем врачи думали. Они же видели, что дело плохо. Они думали, наверное, сейчас доктор Хаус придет, как в кино, и оживит его прямо на пороге своими фибрилляциями. А тут у нас доктор не Хаус, а Мадоян — и тот на пресс-конференции. Или еще где. Но называется же «больница». Они его сюда и везли, лечить. Откуда они-то знают, что тут за «больница»?»

Незадолго до смерти

А как Минкин чувствовал себя в СИЗО? Болел? К врачу просился? Сокамерники: «Ой, да непрерывно. Заявления писал, чтоб врач его осмотрел, их регистрировали в специальном журнале. Он плохо очень себя чувствовал. Мы это видели. И каждый день почти писал заявления: осмотрите меня». (В условиях СИЗО на все нужно писать заявления. На каждую просьбу — заявление. Хотя закон предполагает подачу устных заявлений. Тем более — если это просьбы о врачебном осмотре.) Члены ОНК: «И как, доктор наконец его осмотрел?» Сокамерники: «Осмотрел. Через кормовое окно».

О недопустимой практике псевдомедицинских осмотров через окна для принятия пищи в запирающихся дверях камер не раз говори-

ли правозащитники и журналисты. Это осуществляется на практике так. Больной через кормовое окно: мне больно, посмотрите, помогите. Доктор в окно: лягте, полежите, пройдет.

Один начальник изолятора рассказывал мне: «Прикольную видел как-то давно историю, послушай. В коридоре зэк из камеры орет: «Доктор, мне плохо!» Врач ему туда: «Все нормально, ты здоров». Зэк: «Доктор, так ты ж меня не осмотрел, ты ж через дверь, «корм» закрыта, как ты видишь, что я здоров-то?!» А тот ему: «А я — рентгенолог!» О как сказал... рентгенолог он. Насквозь видит».

А я и говорю начальнику: «Тоже приколом расскажу. Вы знаете, что у вас в СИЗО почти все врачи — рентгенологи?» Тишина. Будто ангел пролетел.

Члены ОНК, на этот раз их трое, берут в руки журнал регистрации заявлений. Больница «Матросской Тишины» — редкое место в московских изоляторах, где режимная служба ведет эти журналы едва ли не идеально. Каждое заявление — зарегистрировано. Вот заявление Минкина — к врачу. Вот и еще: на вызов врача. И еще — о медосмотре. И еще, и еще... К врачу, к врачу, к врачу... Итог: по словам сокамерников, врач осмотрел больного, грубо выразаясь, за несколько секунд через дырку в двери. И отправил в суд. На смерть, как выяснилось позже.

Доктор Мадоян — кардиолог, и кардиолог выдающийся, о чем не устает напоминать пресс-бюро ФСИН. Пока на пресс-конференции хвалили кардиолога Мадояна, больной Минкин умирал где-то рядом... от острой сердечной недостаточности. Нам не узнать, могли его спасти в тот момент Самсон Валерьевич. Но он точно мог спасти его раньше. Не отпустив в суд, оставив в больнице.

Палец скользит по журналу заявлений, замирая у фамилии «Минкин». В графе «Результат рассмотрения» — «убыл». Следующее — «убыл 12 сентября». Я — сотруднику: «Слушай, он не убыл, он умер. И это — не результат его обращения к врачу». Сотрудник, качая головой: «Убыл он. В морг. Но убыл же, нет? Что инспектора должны тут были написать?.. Хорошо, давай больше не будем писать «убыл». Нехорошо получается. Глупо как-то...»

Сокамерники: «Кстати. Вот этот — следующий. Он совсем плох, тоже сердце, а еще и диабет. Мы же видим, что хуже становится. Хоть ему помогите... Где вы были-то, ОНК? Вас же не было в этой камере 27 дней, мы считали! Мы же вас ждали... И Минкин. А мы ему говорили — вы придете».

В Москве девять следственных изоляторов. Мы не можем сосчитать, сколько в них камер. Мы искренне хотим обойти все. Мы физически не можем это сделать. Мы виноваты. Но по закону не мы, члены ОНК, а медработник должен посещать камеры каждый день. Соседняя камера больницы. Лютый холод. Женщины скорчились под одеялами (к ним не заходила проверка, пресс-конференция, когда бродила по больнице? Жаль...) «Девчонки, когда видели врача?» — «Дня четыре как...» — «Да ладно тебе! Пять!» — «Да, похоже, уж и неделю не было... Вы же пойдете вниз? Скажите, пожалуйста, кому-нибудь: нам очень нужно обезболивающее... очень больно».

Версия доктора

Доктор считает, что с такими заболеваниями судья не должен был брать Минкина под арест. Сердечная недостаточность второй степени крайне угрожающая. А третьей — это уже практически смерть. Судья должен был принять это во внимание и избрать меру пресечения, не связанную с лишением свободы. Да, это так. Но судья не врач. Врач — вы, Самсон Валерьевич. И какие же меры были приняты для того, чтобы освободить тяжелобольного из-под стражи, куда его судья ошибочно поместил?

Доктор: серьезная проблема — неполнота перечней заболеваний, утвержденных постановлениями правительства, исключаящими отбывание наказания и содержание под стражей по состоянию здоровья. Мы и хотим активировать тяжелобольных людей, но их заболевания не попадают под перечни. Ну не включает перечень сердечную недостаточность этой стадии. И вообще не предусматривает такой нюанс, как высокий риск смерти. А тут риск был высоким, и вот к какому результату это привело. Перечни надо менять.

Да, перечни надо менять. Когда умерла месяц назад в «Матроске» женщина, Наташа, которой мы так хотели, но не успели по-

мочь, я спросила: «Доктор, но почему же ее не активировали раньше? Может, ей могли помочь в вольной больнице...» И доктор ответил не без тоски и боли: «Перечни так устроены. Пока она была жива, у нас не было возможности ее освободить. Когда она достигла необходимого состояния, мы начали процедуру. Но тут она уже и умерла». Так что же молчат все об этом? Почему кричат на весь мир об этом правозащитники, а не тюремные врачи? Ведь вы сталкиваетесь с этим каждый день... Мы устали от смертей. А вы? Иницилируйте процессы. Мы поддержим! Почему же вы молчите?

Еще один начальник СИЗО:

— В чем мы-то виноваты? Все пытаются сделать из изолятора крайних! Это проще всего!

— А почему вы наверх не сигнализировали?

— Мы что — маяк, мигать все время?

Да, мигайте. Когда необходимо менять законодательство — мигайте. Когда видите проблему, беду — мигайте. Когда нет специалистов, материалов, лекарств — мигайте же! Что же вы молчите? Что же у вас все так хорошо-то и гладко на ваших пятничных пресс-конференциях?

Небеса

Я повторяла и не устану: не надо делать из Самсона Мадояна Доктора Зло. Да, больница — средоточие боли, и иначе быть не может, а медицина, на взгляд наблюдателей, провальна по всем московским изоляторам. Нет, доктор Мадоян не лучше и не хуже других, тех врачей, что работают в разных СИЗО Москвы и, думаю, во всех исправительных учреждениях страны, нет — он органичная часть системы, достаточно косной, неповоротливой, бездушной и глухой к человеческим страданиям, направленной на позитивную статистику любой ценой и формальную отчетность. Не лучше и не хуже своего непосредственного руководства из МСЧ, раз от раза повторяющего нам: ваши факты не подтвердились. Система не склонна «сдавать своих» в угоду даже и общественному мнению. Этой статьи не было бы, быть может, если б на сайте ФСИН я прочла: «Хоть один ваш факт подтвердился. Маленький.

Мы, может, поправим. Давайте вместе». Но именно эта строчка отсутствует в сообщении о пресс-конференции. Так ничего изменить нельзя. Чтоб исправить недостатки — их нужно уметь признавать. Иначе — не бывает.

Сотрудники, в который раз: «Не глупи. Система не может признавать своих ошибок. На то она и система. Но это не значит, что она вас не слышит. Ошибок не признает, а меняться начнет потихоньку от вашего шума и приставаний. Начали что-то, сказали «а» — и выжидайте. Не вышло — повторите. Она, кстати, система, не очень, но восприимчива. Да ты сама все знаешь. Не топчись, не впадай в истерику и глупых вопросов не задавай. Опять не вышло — зайди с другой стороны».

Да, мы все видим, что это так. В большинстве случаев. Нужно сигнализировать — и выждать: что будет? Но не могут ждать больные без лекарств, не могут ждать умирающие без помощи. Не дождался Юрий Минкин. Не дождалась Наташа. А мы кричали, писали в газеты, писали в ФСИН, стучали в небеса в тщетной надежде достучаться. Слышимость оказалась неважной. Нам ответили пресс-конференцией, перед которой, скажу напоследок, обошли героев прежних публикаций и взяли с них заявления, что претензий к СИЗО и больнице они не имеют. И теперь эти заключенные прячут от нас глаза или мучительно выжимают из себя правду, к неудовольствию сотрудников, под видеорегистратор. И тогда мы понимаем, что они имеют право молчать. Мы — не имеем. Ради того, чтобы не было больше смертей.

Руководство МСЧФСИН: «От ваших публикаций один вред. Вы пишете чернуху — вот ни один врач и не пойдет к нам работать, такие гадости почитав. Просто испугается».

Да ладно... Все зло — от наших публикаций? А может, просто добиться того, чтоб тюремным врачам платили достойную зарплату? Учитывая реальную тяжесть нагрузки, добиваться заслуженных льгот? И тогда в медицину ФСИН потянутся человеческие профессионалы, которые не станут без осмотра направлять человека в суд за несколько часов до смерти? Вы — чиновники от медицины, не ваше ли дело этого добиваться? Как и современной ис-

правной техники, как и достаточного количества и ассортимента лекарств в учреждениях. А мы — поможем. Это полезнее и важнее попыток достучаться до небес.

По итогам посещения больницы и СИЗО-1 общественными наблюдателями

Кирой Лукьяновой,

Магомедом Мамилковым,

Анной Каретниковой.

Благодарю «Новую газету» за предоставленную возможность публикации, а также в завершение этой истории (но не темы медицины) хочу поделиться: через пару лет члены ОНК обменялись грустной шуткой. Шутка была такая: раньше мы писали и говорили про доктора Самсона Мадояна, что он — Доктор Смерть. Это потому, что мы других не знали. Теперь, когда доктор уволился, а мы остались и начали разбираться, — мы поняли, что он-то, Самсон Валерьевич, был Доктор Жизнь... Много докторов мы перевидали с тех пор. И так многое научились понимать...

5. Лекарства, лекарства... Краеугольный камень. Боль и слезы. По нашим приказам устроено вот как. В камеру лекарства выдавать нельзя. Лекарства заключенный должен принимать в присутствии медицинского работника, при ежедневном обходе им камер, согласно назначениям врача СИЗО. Да, но только есть маленький нюанс. У нас не хватает врачей (дураков нет, работать за нашу-то зарплату), и никакого ежедневного обхода камер давно не проводится. Чтоб попасть к врачу, необходимо написать заявление, а срок рассмотрения письменного заявления, согласно Правилам внутреннего распорядка СИЗО УИС, — десять дней (если оно никуда не потеряется). Еще, конечно, есть устные заявления, и их срок рассмотрения — один день, но об этом, как правило, не знают заключенные, да не особо помнят и сотрудники. Итак, если ты пишешь из камеры заявление «Терапевт! (Стоматолог! Хирург! Кардиолог!) Прими меня! Мне плохо!

Мне больно!» — ты попасть к нему можешь через десять дней. Закон не будет нарушен. За эти десять дней ты можешь либо самостоятельно, безо всяких лекарств, выздороветь, а можешь — умереть. Больная голова, как говорится, либо пройдет, либо отвалится. Но закон не будет нарушен.

На вопросы о лекарствах и медпомощи в СИЗО арестанты любят рассказать обычную тюремную байку, будто я ее не слышала пять тысяч раз: доктор разламывает на три части таблетку анальгина и выдает пациенту: это тебе — от головы, это — от ноги, а это — от задницы. Это не совсем байка. Это, скорей, правда.

Я устала повторять одно и то же: люди, ну подумайте. У нас же у всех дома есть аптечка... Если мы чувствуем недомогание, мы тянемся к ней, чтоб снять неприятные симптомы. Мне отвечают: ты не понимаешь, это тюрьма. Полно наркоманов. Хотят получить удовольствие, накопить таблеток и съесть побольше. Могут причинить себе вред, а врачам и сотрудникам — отвечать. Мы, члены ОНК, поинтересовались у медиков в женском изоляторе: почему не даете арестованным женщинам валерьянку, о которой они так просят? Нет ее, что ли, в медчасти? Если есть — так давайте!

«Валерьянку?! Вы думаете, можно безобидно и бесконтрольно употреблять валерьянку? А вы представляете, что будет, если заключенный скопит и разом примет... пять... или! Аaaa! О, ужас! ДЕСЯТЬ таблеток валерьянки?..»

Мудрая коллега Алла Яковлевна Покрас с живым интересом поглядела на доктора поверх очков. «Что будет? — действительно заинтригованно уточнила Алла Яковлевна. — Что с ним ужасное будет? Ну, выпитися, может, наконец-то... Хоть вряд ли: у валерианы — накопительный эффект. Или?..»

Доктора не нашлись, что ответить, и махнули на нас рукой со своим обычным: что взять с дилетантов, не имеющих медицинского образования... Страшные последствия передозировки валерианой остались скрытыми от нас, но мы заподозрили, что страшное случится разве такое: как водится, докторов заподозрят, что они растратили валерьянку, в системе принято всех ответственных лиц подозревать, что они что-то куда-то растратили.

Вот это действительно для них страшно. Куда страшней бессонницы и боли пациентов.

...Склонная к сиюминутным и действенным иногда театральным эффектам, я зашла как-то в кабинет руководителя «Бутырки» и на волне очередного эмоционального диалога о лекарствах для больных поинтересовалась: товарищ полковник, я нормально выгляжу? Ничего так? Младше своих лет? Мне все говорят. Работаю нормально? За поясницу, за голову не хватаюсь? Не охаю, не трясусь? На лестницах не спотыкаюсь, в обморок не заваливаюсь? А знаете, почему?

Начальник заинтригован, а я, перевернув, разом вывалила из сумочки на его стол ворох лекарств, тюбиков, таблеток, капель... «Вот эти таблетки и эти я выпила утром, — перечисляла я, — это я капнула в нос, в глаз и в ухо. Этим — помазала поясницу. Это — положила под язык. И видите, какая пришла к вам молодая и бодрая? Вы наговорили мне комплиментов! Товарищ полковник, мне 45 лет, я выгляжу на 35, а вы — старше меня. Что же, положив руку на сердце, вы скажете мне, что в вашем кабинете или комнате отдыха нет аптечки? Ну скажите мне это честно — и я тут же прекращу свой стон о лекарствах в камерах! Скажите, что у вас собственной аптечки нет!»

Он не сказал. Чуть улыбнулся. В тюрьме не говорят «я понял», потому что это предполагает элемент обещания, а ими злоупотреблять не следует. В тюрьме принято говорить: «я услышал».

Еще два года назад я написала этот текст. Я вынуждена с болью признать, что ситуация не изменилась.

Я счастливая, у меня есть градусник и таблетка...

О лекарствах в СИЗО.

may_antiwar

18 июля, 2015

Вхудшем (по субъективному оценочному мнению многих) СИЗО Москвы меня еще и простудили, потому что я там в вязаных сапожках по лужам вместе с коллегой Аллой под дождем бегала, переждать никто не предложил, это у них в порядке вещей, но не об

этом. Отработала вчера, сегодня в целях лечения проспала весь день, села отчет писать — что-то мне странно как-то. Беру градусник: о, температура. А надо сказать, что свежескупленное обезболивающее и жаропонижающее в красивых красных капсулках я оставила на днях в СИЗО для маленького парня, у которого сильно болел зуб, и он никак не мог попасть к стоматологу. «Что — такое хорошее дорогое лекарство оставишь?» — удивился сопровождавший нас офицер. Но у меня другого не было с собой, все заканчивается — и дешевые лекарства заканчиваются.

И я порылась дома по ящичкам, нашла еще три таблетки, одну съела, поэтому температура у меня сейчас, наверное, пройдет. И я нормальненько допишу отчет и пошлю его коллеге. Я вот об этом: поплохело? Сидя дома, мы протянем руку, возьмем градусник. О, температура. Тогда мы протянем другую руку и возьмем таблетку. После чего ляжем в кровать или сядем дальше работать, по состоянию. Проблем-то...

Если такое происходит в СИЗО, все многократно сложнее. Сначала надо каким-то образом увидеть врача. Можно заявления ему писать (срок их рассмотрения — 10 дней, вообще голова или сама пройдет, или отвалится). Есть еще устные заявления со сроком рассмотрения один день, есть предусмотренные законом заявления об ухудшении состояния здоровья, которые обязан немедленно довести до медработника любой сотрудник, но это в теории, которую до заключенных довести обычно забывают. Да и с практикой она серьезно расходится. Это нормально? Заболевший человек видит на проверке или случайно в коридоре врача, бросается к нему: доктор, мне плохо! Доктор: пиши заявление. Хочется спросить: доктор, ты дурак? Ты приказы свои ведомственные читал? Заявление уже прозвучало. Устное, со сроком исполнения «немедленно». Лечи давай. Неа... прямо при нас даже: «Пиши мне заявление». Медработники искренне считают, что это нормально. Законодательство, видимо, на взгляд докторов, писали идиоты.

То есть сначала пиши заявление, чтоб температуру померили, потом — чтоб таблетку дали... Мы уже рады аж таким медработникам, которые, если до кабинета врача удастся добраться хоть

кому-то одному из многоместной камеры, таблеток на больных в камере горсточку дадут. Не каких-нибудь там психотропных, а ЭЛЕМЕНТАРНЫХ: анальгина, парацетамола, аспирина... Черт с ним, с осмотром, — если подходить по закону, то каждого заболевшего должен на осмотр сотрудник сопровождать, сотрудников сокращают и сокращают, вести к врачу некому. Так разрешите хоть спокойно с воли получать от близких простейшие лекарства и никого не дергать!

Неа... Это и от СИЗО, и от конкретных врачей зависит. Одни разрешат, другие ничего не примут: у нас все есть, мы всем полностью укомплектованы. Угу... а что ж у вас люди криком от боли кричат? Что за странный садизм? Чему он служит? Цели сокрытия отсутствия медикаментов? Или это именно вот в чистом виде садизм?

Чем же доктора медчастей СИЗО укомплектованы? В СИЗО-3 (и 6, и 5) ЗАКРЫЛИ АПТЕКИ. Сократили единицу аптекаря, а аптеки опечатали и ждут какой-то ревизии. Это нормально? Свечи мы там больному попросили, АЛИСА, КАКИЕ СВЕЧИ?! У НАС НИЧЕГО НЕТ. Скажи им там: пусть нам кто-нибудь даст. Что нужно? Да все. Лечить нечем. В первую очередь обезболивающее, жаропонижающее, антибиотики. Вот это — очень нужно.

Нам бы разораться на медработников: что ж вы молчите, пока Великая МСЧ (наша медико-санитарная часть ФКУЗ МСЧ-77 ФСИН России) шлет нам формальные ответы: «У нас все есть!», но мы киваем и записываем. Мы благодарны не за помощь, за... правду. Хоть таким образом вытянутую. Хотя по большому счету: как же так? Людям плохо. Люди страдают... Медработники молчат. Своим чередом. В порядке вещей.

Нет. Это не в порядке вещей. Какие бы ни были у вас низкие зарплаты (как часто слышим это!), вы должны помогать больным. Или снимайте белые халаты и идите работать куда-нибудь еще. А мы будем необходимые медикаменты всем миром покупать. МСЧ слышит нас вообще? Так нехорошо. Так плохо. Так просто никуда не годится.

Можно понять, что лекарств в медчастях не хватает. Ни простейших, ни сложнейших. Ни валерьянки, ни обезболивающих, ни АРВТ-терапии для ВИЧ-инфицированных, ни гепатопротекторов, ни нафтизина. А что бы их хватало, если финансирование урезается? Это все ведь объяснимо: страна в кризисе, санкции, Крым наш, не лучшие времена, Москва и так в лучшем положении, затянем пояса, «денег нет, но вы держитесь там», как, войдя тем в историю, самовыразился однажды наш премьер-министр, и фраза, став крылатой, пошла в народ, прекрасная в своей простоте и доброжелательности. Нельзя понять другое. Почему лекарства, которые приобрета их за свой счет, готовы передать арестантам с воли родственники и друзья, тюремные медики принимают с такой неохотой, вычеркивая при попытках передачи большую часть наименований, повторяя вновь и вновь: «В СИЗО все есть»? Записавшиеся заранее и отстоявшие очередь на прием медиков близкие уходят домой с теми же лекарствами, что и пришли, так и не передав их тем, кто в них нуждается. «В СИЗО все есть». И совершенно другое слышат узники, обращающиеся к врачам: «У нас ничего нет. Заказывайте из дома». Они заказывают. У пришедших с лекарствами родственников эти лекарства не принимают. Замкнутый круг. Люди продолжают страдать от боли в тех ситуациях, которые нам бы и в голову не пришли: съел таблетку, капнул в нос — и порядок. Заключение унижают и умоляют о таблетке... о перевязке... о зеленке...

Медработников, которые честно решаются сказать проверяющим, что лекарств нет, наказывают и ругают. «Молчите, молчите! Не смей ничего говорить!» Доказать отсутствие необходимых медикаментов крайне сложно. Уже не в ОНК, уже в УФСИН я получила санкцию руководителя на проверки наличия медикаментов по формулярному перечню в медчастях и чемоданчиках фельдшеров, прибывающих на вызов. И в результате пары проведенных «спецопераций» нам удалось продемонстрировать руководству пустые фельдшерские чемоданы. А будучи наблюдателем, направляясь в третий следственный изолятор, я набивала сумку стерильными бинтами: для ран, для трофических язв. Раздавать

бинты (а заодно и капли в нос) было мне, может быть, нельзя, но в ситуации тотального стона боли сопровождавшие меня сотрудники стали закрывать на это глаза. Более того, сами приносили и раздавали что-нибудь. А что еще делать при виде заключенного с гноящейся и воняющей на всю камеру раной огромной площади поверхности? Иногда я покупала мази, капли и таблетки. Когда в первом изоляторе на вызов приходил фельдшер с пустым чемоданчиком, а из камер, заметивших на коридоре медика, начинали стучать и кричать, умоляя о помощи, я отдавала ему свои лекарства, он раздавал их нуждающимся. «Зачем ты вызвала меня? У меня ничего нет... зарплата нескоро», — говорил он и разводил скорбно руками. «У меня сегодня есть, зарплата вчера была, работаем, аптеку городскую посетила», — отзывалась я. «А, тогда работаем», — соглашался он, осматривал больных и давал им лекарства.

Кошмар ситуации в том, что, если не признать нехватки медикаментов, нет ни малейшей возможности потребовать, чтобы их стало больше. Зачем дополнительно финансировать то, чего и так в достатке? Как убедить в необходимости ФСИН России, которая неоднократно приходила к нам на помощь? Поэтому вот эта ложь (или это добросовестное заблуждение?) по поводу того, что лекарств хватает, стала самой возмутительной для меня, а война с этой ложью — самой священной и не знающей компромиссов. Мы ведем ее до сих пор, с переменным успехом. Мне очень хочется верить в победу.

А пока — так.

***СИЗО-4, «мой генерал» и терафлю.
И вообще — снова о лекарствах в СИЗО.***

may_antiwar

3 апреля, 2016

Вот он, апофеоз лекарственного обеспечения изоляторов... «Мой генерал», полковник МВД с Северо-Запада в отставке, уже слегка обжился, понял, где находится, и усвоил, что, чтобы попасть к терапевту, заявление надо писать именно терапевту. Ну правиль-

но, думаю, раньше такие вопросы за него в ведомственной клинике решали подчиненные. Мой генерал, с грустью: вот, заболел... Грудь, горло заложило. Жена принесла терафлю — не приняли. Сказали на медприеме: нам не нужно, все есть. А мне вот не продохнуть.

Члены ОНК: медработника, медработника, не позвать ли нам с лекарствами чудесного медработника?

Товарищ полковник в отставке, заинтригованно: а что, можно медработника?.. Обычно он не приходит. Стучи в дверь, не стучи...

Наши сопровождающие по СИЗО-4, кстати, очень корректные сегодня и помогающие нам: можно, можно, вызванный по рации вон уже спешит он к нам, чудесный медработник с чемоданчиком!

Чудесный медработник, веселый фельдшер, появляясь: больной, больной, где он, больной?.. Я фельдшер, я заботливый фельдшер, где же больной?

Члены ОНК и сотрудники СИЗО: вон там, вон там больной, он заболел, он простудился, как все чудесно, как мы вам рады, окажите помощь поскорей. Какой у вас объемный чемодан! Нельзя ли дать больному терафлю?

Добрый фельдшер: о-хо-хо-хо! а-ха-ха-ха! Какие вы шутники, остроумненькие члены ОНК Москвы! С глубокой радостью дам больному терафлю... если любезные члены ОНК Москвы СНАЧАЛА ДАДУТ МНЕ, заботливому фельдшеру, ЭТОТ САМЫЙ ТЕРАФЛЮ (или что-нибудь еще)! Или где я, по-вашему, его брать должен? А?

Вместо немой сцены все обнимаемся вновь, поскольку иного и не ожидали. Как мы все любим друг друга! Как хотим помочь немолодому больному! Но нет у нас с собой терафлю. Вот бинтами поделиться можем. Тоже в дефицит уходят иногда — вот и носим с собой десяточек.

6. Не меньше, чем лекарств, нам не хватает самих врачей. Врачей-специалистов. Вот у нас, например, в Москве в штате медико-санитарных частей всех наших учреждений нет отоларинголога, эндокринолога, травматолога, уролога. Элементарно нет специалиста, способного профессионально помочь заклю-

ченному, у которого разболелось ухо (сколько их, таких обращений!). На вашу жалобу, что больному не могут посмотреть и полечить воспалившееся ухо, вам, разумеется, ответят, что при необходимости больной будет вывезен для консультаций, операций и назначения лечения в учреждения гражданской медицины. Но это неправда, кроме случая экстренных показаний (это когда, напомним, больной может умереть и испортить нам статистику), больного никто никуда не повезет. Это не из вредности и упоения человеческими страданиями. Это потому, что каждого вывозимого в гражданскую поликлинику или больницу должны сопровождать четыре человека конвоем. Исключений из этого правила нет, везем ли мы беременную рожать или пожилую женщину для операции на сердце. Побег — самое страшное из чрезвычайных происшествий, ЧП, что может случиться. Ну, а четыре конвоира, которых мы на период вывоза оторвем от работы, — это режимные сотрудники, психологи, воспитатели, тыловики, бухгалтеры... Все тут в погонах, все поедут в конвой. Те, кто должен работать «на земле», выполнять свои обязанности, но выполнять их в этот период не будет. Один выехавший и вставший в больнице в караул — и заключенных с целого корпуса сегодня не поведут гулять: некому. Два караула, восемь человек, — и, возможно, жизнеобеспечение изолятора даст сбой. Три караула, двенадцать человек, — и работа учреждения полностью парализована. Нам не хватает сотрудников, я расскажу об этом позже, но пока вроде понятно, насколько катастрофичны для изоляторов вывозы больных в больницы. Поэтому больным до последнего будут ставить «вывоз на операцию в плановом порядке». «Вывоз в плановом порядке» приблизительно означает «когда-нибудь», а на самом деле — «никогда». Паховая грыжа? Вывоз в плановом порядке. Когда грыжа ущемится. А когда грыжа ущемится, говорят врачи, пациент может в худшем случае умереть, а в лучшем — испытает острый болевой шок, а еще, вполголоса поясняют врачи, ему придется с большой долей вероятности удалить часть кишечника... Но что мы можем сделать?

Ни один врач не напишет недрогнувшей рукой, пока нет самого реального риска для жизни: оперировать экстренно.

А, ну так у нас ведь есть своя больница... Филиал «Больница» МСЧ-77 ФСИН России, в СИЗО-1, в «Матросской Тишине». Та, о которой речь уже шла выше. Наша больница не оперирует, хоть называется больницей. Но я передумала, я лучше вернусь к этой, самой тяжелой, теме через некоторое время. Как и к историям о судьбах наших врачей. И к нашим лучшим врачам.

7. Поговорю-ка я о себе, о своих первых шагах в неволе. И о том, почему в специфику нашей пенитенциарной системы я вошла с легкостью, как нож в сливочное масло, умудрившись снискать, после периода снисходительной иронии, симпатии и уважение не только арестантов, но и сотрудников, что многим покажется невероятным, но так случилось. И так, ходили члены ОНК по камерам, им особо никто ни на что не жаловался, потому что такая она арестантская этика, что сор из избы выносить нельзя. Ну если совсем умирать еще только не начал. Тогда волей-неволей вопреки всякой этике проорешь: помогите, я умираю! Но это экстремальный, редкий случай. А так в основном: все хорошо, жалоб нет.

Тут мне пришлось победить свою природную доверчивость. На долгое время моим девизом стало: «Я никому не верю. Я ведь пришла, чтобы проверить». Нет, никому, ни арестантам, ни сотрудникам — лишь своим глазам и здравому смыслу. Ну, вряд ли у пятидесяти женщин, выстроившихся перед нами, нет ни одного самого скромного пожелания к проверяющей комиссии. Ну, вряд ли заключенному комфортно, как он сам почему-то уверяет, на железной кровати без матраса, подушки и простыней, которые забыли ему выдать. Вряд ли человек с гноящейся раной чувствует себя так уж хорошо в отсутствие бинтов и так уж благодарен врачам и администрации... Как только я позволила себе легкий, доброжелательный скепсис по этому поводу, я откуда-то из глубин замершей гигантской камеры ощутила легкий же отклик, пока

еще слабый импульс: да, вообще-то ты угадала... Теперь делай следующий шаг! Попробуй, если не шутишь. Впрочем, алгоритм взаимопонимания с сотрудниками был аналогичным. «Не смей говорить, что мы врем! — возмущался заместитель начальника «Бутырки». — Отвратительно читать! Мы — не врем. Мы... ну, скажем так: чуточку недоговариваем, капельку преувеличиваем, слегка преуменьшаем...» Ну что там, они же не вдали.

Конструктивное взаимодействие.

may_antiwar

13 ноября, 2015

Вот пример конструктивного взаимодействия с сотрудниками в СИЗО.

Член ОНК: так, а почему мы не идем к обратившемуся в ОНК обвиняемому Петрову?

Первый сотрудник: Петров? Хм, а он от нас три дня назад убыл...

Второй сотрудник: к тому же к нам вообще никогда не прибывал.

Третий сотрудник, подходя: Петров? Так его следователь на следственные вызвал! Теперь — до вечера.

Алиса: алло, товарищи, четвертая версия будет? Или будем довольствоваться тремя взаимоисключающими?

Сотрудники: а это вот точно тебе обязательно надо? Не по-временим? Может, в следующий раз?

Член ОНК: парни, мы всегда навстречу идем. Тут нельзя. Официальное обращение. Извините.

Сотрудники: плохо... ну ладно, пошли к Петрову. Что ж поделаешь, если вы такие недоверчивые... упорные такие...

...Здравствуйте, Петров. Мы пришли. Вы хотели нам что-то сказать? Говорите.

...Мне, как и всем наблюдателям, сначала арестанты ничего не говорили. Потом начали показывать взглядами. Говорить недомолвками. Проверая, естественно, на вшивость по тюремной традиции: выйдет от таких полужалоб толк или нет? Докажи свою

полезность — тогда и разговор пойдет. Я принялась доказывать, в соответствии со своими примитивными тогда еще соображениями о законодательстве, милосердии и справедливости. Дайте человеку матрас. Сделайте перевязку. Отсадите от хулиганов и вымогателей. Вызовите к врачу. Отведите на прогулку. Что непонятного-то?

«Они же не жалуются!» — победоносно, но и возмущенно оппонировали мне сотрудники СИЗО. «В камере нет ни одной жалобы! Это характеризует глубокую удовлетворенность спецконтингента и высокое качество нашей работы, которое необходимо отметить!» Э, нет... — уже начав о чем-то догадываться, возражала я. У меня в мандате, выданном Общественной палатой, не написано «общественный сборщик жалоб». У меня там написано, видели? — «общественный наблюдатель». Честное слово, хотите мандат покажу? И вот что я, товарищи, наблюдаю... А наблюдаю я почему-то вообще не то, что вы тут мне говорите...

Мне помогли два моих образования — розыскное и филологическое. О многом — позднее, но для начала — установить контакт с теми, кого мы называем арестанты, или спецконтингент, или ПОО (подозреваемые, обвиняемые, осужденные). Ну и хорошее чувство юмора. Уже позже, в помощь тем, кто придет за мной, я написала такую инструкцию, очень верную, и писала я ее, хохоча.

Открытый университет приводит запись в фейсбуке Анны Каретниковой, писательницы, правозащитницы, бывшего члена Общественной наблюдательной комиссии Москвы, с 2016 года — ведущего специалиста по отношениям с общественными организациями ФСИН РФ. Запись посвящена современному состоянию тюремного языка.

«Очень краткий курс тюремного словоупотребления для коллег, самое важное, а то и книги не хватит. Не секрет, что в тюрьме свой язык, где многие слова табуированы и подлежат замене, переходить членам ОНК на него совершенно не нужно, но кое-что не мешало бы знать, чтобы эффективней помогать и не попадать (и в особенности не ставить других) в смешные или неприятные

ситуации. В глубины лезть не буду, оставим их филологам и разведчикам; самые простейшие приемы и словозаменения.

Разберем простейший пример. Я уже говорила, что лучший способ ничего не узнать в камере и никому там не помочь — это ворваться в помещение, всех построить и с горящими глазами вопросить: «Ну что, мальчики? Жалобы есть? Или какие-нибудь вопросы? Только быстро: у нас времени мало! Вас администрация не обижает?! Только правду говорите!»

Оставим на потом спорное обращение «мальчики», но:

РАЗ. Забудьте слово «жалобы». Жалобы в замкнутом мире СИЗО не поощряются, причиняют окружающим неудобство, применяются в экстраординарных случаях, когда других выходов не остается и беспредел терпеть уже нельзя. Вопросы решаются на диалоге, жалоба — обоюдоострое, повторюсь, крайнее оружие. Не собирайте жалобы. Говорите: мы собираем пожелания, ваши сообщения об улучшении вашего быта, сомнения. Серьезные, острые жалобы, если они действительно есть (кто-то тяжело болен), вам расскажут и так, без ваших вопросов. (Кстати, если арестант говорит: я на вас жалобу написал, не следует начинать выяснять, что вы ему плохого сделали, — это означает, что он обратился на ваше имя.) Итак, избегайте слова «жалобы».

ДВА. Избегайте и слова «вопрос». Оно несет в СИЗО скорей негативную коннотацию. Спрашивают не про что-то, а «за что-то», равно как и отвечают. Типа сделано что-то неправильное, и «за это ты ответишь». В тюрьме не спрашивают, а интересуются. Тут негативного подтекста нет. «Можно я за качество отварного картофеля поинтересуюсь?» — «Да так, кстати, получше стало... А вот рыба, Анна Георгиевна... ой... а, да вот она, сами посмотрите...»

ТРИ. Уж особо никуда не торопитесь. Спросите у арестантов разрешения присесть и попросите разрешения у сотрудников присесть и арестантам. В диалоге куда удобней что-то понимать, чем у выстроившихся перед вами людей. Попросите уделить вам внимание (близкий оборот речи). Создайте атмосферу доверия. Шутите (только осторожно, выверяя и контролируя слова) — шутки очень ценятся. Но и часами расслаживаться не следует. Вы не те, кому нечем заняться.

ЧЕТЫРЕ. Забудьте слово «обижают». «Обиженные» — бесправная категория спецконтингента. Крайне негативная коннотация. Ну, это все, я думаю, без меня знают. Даже далекие от тюрьмы люди. Не употребляйте это слово. Выберите заменитель «огорчают». «А, телевизор из камеры вчера унесли... Я правильно поняла: именно это вас огорчает?»

ПЯТЬ. По не выясненным мною причинам в тюрьме табуировано и слово «правда». Может, потому что многие считают, что ее нет — иначе бы они и в заключении не находились. «Говорю как есть!» — слово-заменитель. «Ну и скажите мне как есть» — нормальная для наблюдателей фигура речи. Не надо добавлять «Не бойтесь!» (бояться — плохо. Этой неуместной добавкой вместо усиления эффекта вы можете отбить желание что-то вам сообщить). Правильней сказать: «Здесь не молчите, это важно. За больных — не молчите». (Точно так же, как с «на вас жалобу написал» вместо «вам», предлог «про» заменяется традиционно предлогом «за».)

Итак, несколько предложений — ПЯТЬ ошибок. Как минимум. Кто бы мог подумать, что слова так важны. Это не означает, что за неправильные обороты речи вам что-то плохое будет. Значит, что подумают: комиссия пришла некомпетентная, ни в чем тут не разбирается, польза от нее будет вряд ли, а вот вреда потом не оберешься, если скажешь, что у тебя зуб болит. Лучше промолчать.

Еще пара оборотов. Если бойкая старшая или говорливый смотрящий спешат рассказать, отталкивая и обрывая остальных, что в камере все расчудесно, больных нет, мягко (или шуткой) попросите такого человека «говорить за себя». А за других другие и скажут.

Не злоупотребляйте словом «проблемы». Помните, что проблемы не нужны никому. Вам «печаль» могут изложить или «беду», а также «ситуацию»... Ну, это оно самое и есть, чем вы интересовались.

Не допускайте сексуальных коннотаций, избегайте упоминаний из мира животных — козлов, петухов, быков, иных, что могут иметь нежелательное значение, не поминайте чертей... а вот что и меня удивило и позабавило — нежелательность упоминания также и форм, производных от числительного «шесть». (Хотела

посоветовать тут заменять... чем? «Пять плюс один»? — да сама же и расхохоталась.) Не нужно. Всего должно быть в меру.

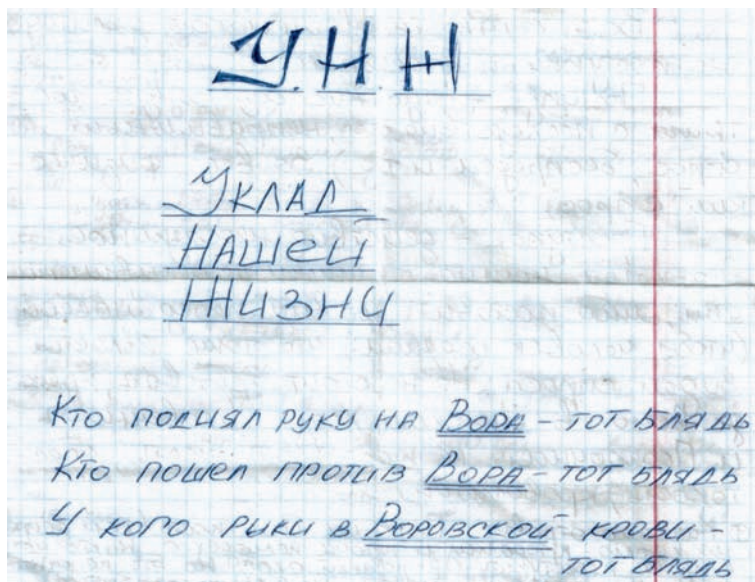
От себя лично, из опыта, совет. Слов, что я узнала за эти годы, специфических и внятных для тюрьмы, очень много, но, зная их, в общении со спецконтингентом не переходите на этот язык, не злоупотребляйте им, кроме крайне необходимых ситуаций. И не говорите на нем с сотрудниками (они его тоже, разумеется, прекрасно знают), кроме как для резкой экономии времени в экстремальных случаях. Во-первых, про вас же и скажут, что вы наблатыкались и правильную речь забыли. Во-вторых, всегда держите дистанцию и с заключенными, а ваша речь — это форма и сближения, и удержания дистанции. (Как и то, кстати, что я ВСЕГДА называю арестантов на «вы». Это и форма взаимного уважения, и сотрудникам хороший пример.) Если вы слушаете и повторяете, пытаетесь понять слова заключенного, не поправляйте, но давайте понять, что вы помните, как предметы и действия называются на самом деле.

«Так оказали вам доктор помощь, когда вы упали со шконаря (мы их обычно кроватями называем), а потом вся хата (здесь имеется в виду ваша камера, да?) сорок минут тормоза выносила (ага, понимаем, вы пытались привлечь внимание медработника стуком в дверь...) И как, успешно?..» Если разгневанный заключенный, не слушая ничего, кричит: «Начальник, верни весло!» — тихо-вежливо попросите сопровождающего сотрудника выдать в карцер ложку. Если шумит: «Начальник, так жалобы по проверке или баланде отдавать?» — поинтересуйтесь, в какое время ежедневно принимает инспектор на корпусе заявления спецконтингента... впрочем, лучше любезно попросите зарегистрировать обращение в вашем присутствии.

Не стесняйтесь вежливо попросить уточнить или перевести, если вы что-то недопоняли. Вам понятно объяснят. Впрочем, с вами и так будут стараться говорить на более-менее понятном для вас языке, иногда даже извиняясь за тюремное аргю. Вы вне тюрьмы, вы не живете по ее законам, не говорите на ее языке, но приблизительно, в общих чертах, понимаете и то, и другое. Мне кажется, это наилучший для наблюдателя баланс, оптимальный диалог со спецконтингентом и отчасти — с администрацией и сотрудниками. Понимать — но не вживаться, не увлекаться. Если к тому

же ваш язык состоит в том числе из грамотных правовых терминов — так это вообще замечательно. Ну и, конечно, из обычных нормальных человеческих теплых и добрых слов, которые ценятся в тюрьме, как на воле. Хе, но вам не скажут иногда «спасибо». Услышите: «От души».

Бывшие и действующие арестанты отозвались глубоким одобрением этого текста и максимальным перепостом. Ага, сообразила я, язык я разгадала, дискурс как внелингвистический контекст — возможно, тоже восприняла. У меня не было, к сожалению, практически времени изучать соответствующие справочники арго и автобиографические книги сидельцев. Хотя то, что рекомендовали, брала и прочитывала с удовольствием. Будь это художественный рассказ арестанта или сотрудника о жизни в неволе и ее обычаях, будь это кодекс УНЖ (уклад нашей жизни), что куда раньше ПВР (Правил внутреннего распорядка) попадает по волшебным веревкам в карантинные камеры для вновь поступивших вместе со списками смотрящих за тем-сем (оттуда мы его и взяли, честно говоря). Чтоб стало понятней, я его здесь размещу. Он описывает правила среды, в которую мы вторглись.

Вся бытность Нашенская делится
на поступки и проступки!

Поступок - действие осознанное, мор-
ское, т.е. земное, когда от человека
исходит вред всему и вся (злой умысел, ин-
триги с последствиями, неправильный
спрос, беспридел и т.д.). За все "физичес-
кий спрос".

Проступок - действие неосознанное.
Это, когда можно ограничиться извинени-
ями, либо поставить "на вид" перед массой
(чтобы человек осознал), что такое является
видами спроса. Но не стоит забывать, преж-
де всего в Морском Ходу Человечность
и Порядочность, не порождать муть, несе-
токость, кровосмешность.

- ① Касалась отравы. Вораши были поставлены запер-
та куплю-продажу и прочие неморские. Никто не
в праве преступить Вороской сказ. Но это не situa-
ция, что зуровым морям нельзя раскраснеться,
но не во вред ни мичману ни б
- ② Не наказывайте х. м. Такого спроса нет

Здесь нет ничего об обете молчания и запрете на жалобы. Но несколько раз мне приходилось схлестываться в камерах со смотрящими, буквально запрещающими больным жаловаться на свои болезни. Ничего особого тут нет, не побьет же меня смотрящий. Ну скажет свое: жалоб нет, обожаем администрацию, ступайте прочь, не мешайте смотреть телевизор... Лучший способ преодоления — подшутить и выставить его в смешном положении, не доводя до вражды, а это лучшее, что я умею. В камере всегда есть антилобби, антилидер. Против авторитарного смотрящего меня всегда поддерживали дружным смехом. Да, иногда мы ничего не успевали сделать, хоть прилагали массу усилий. Слишком поздно зашли, а до нас и некому было зайти и пробить стену молчания. Вот, я написала тогда об одном. Очень запомнился мне Киселев, Кисель... Его больше нет. Он умирал, держа меня за руку.

«Письма мертвого человека»

И «мы в схватке со смертью в пути». Прощай, Кисель

ПИСЬМЕННОЕ СОГЛАСИЕ (ЗАЯВЛЕНИЕ)

на ознакомление с медицинской документацией, отражающей состояние здоровья подозреваемого, обвиняемого осужденного, находящегося в местах лишения свободы (на основании п. 3 ст. 13, п. 22 «Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан», 323-ФЗ)

Я, Киселев Александр Викторович,
настоящим делаю письменное заявление, даю согласие и представляю г. Илья ОНХ
г. Илья ОНХ право
знакомится со всеми моими медицинскими документами, диагнозами, назначениями врачей, результатами консультаций и обследований, заключениями освидетельствований, а также запрашивать, получать и делать копии указанных документов, выписок из них, справок о состоянии здоровья во всех учреждениях здравоохранения РФ, представлять мои медицинские документы и их копии в любые учреждения, консультироваться с медицинскими работниками по поводу моего здоровья во всех медицинских учреждениях Российской Федерации, включая медицинские учреждения и медицинские части любых мест лишения свободы и отбывания наказания, ИК, ЛИУ, СИЗО, ИВС. Одновременно даю согласие на предоставление названной информации и документов другим медицинским сотрудникам и иным лицам по выбору и усмотрению лица, которому выдано настоящее согласие, для организации и проведения консультаций по поводу состояния моего здоровья и для других законных целей.

Данное письменное заявление (согласие) действительно на срок 5 (пять) лет

Киселев

21.10.2015 2015.

Звонили много из разных централов, я хватала бумажку, записывала на обороте: третий централ, четвертый, второй, пятый... Болеем, болеем, болеем! Помогите!

Потом перевернула листок: на чем это я пишу?.. хоть неважное что-то?

А это разрешение Киселя. От 21 мая. Дано на пять лет. А прожил он после него месяц... Ну да, значит, уже неважное. Все, что могли, мы сделали для него. Но не спасли. Но мы и не врачи. Но все спрашиваю себя: а может, могли мы что-то еще? Сколько у меня уже таких бумажек... Десятки? Сотни? Эту, я, как обычно, подписывала у ээка, стоя на коленках у его кровати. Встать он уже не мог тогда. Ускольких изголовий я сидела на коленях?

Турбович (это смертельный коктейль из СПИДа и туберкулеза)... как же он кричал тогда смотрящему: что ж ты говоришь, что в камере все хорошо, жалоб нет, — когда я умираю?! Тот швырял четки на шконку — так я и говорю: в камере все хорошо, жалоб нет, только вот Кисель умирает!.. Как же писал он бесконечно заявления: к врачу, к врачу, мне плохо... Но третий централ, «Пресня», игнорирует учетную дисциплину. Большинство заявлений к врачам там не регистрируется. Перед каждым приходом ОНК они, похоже, сжигают все свои неадекватные журналы учета на большом костре и немедленно заводят новые, для любимой проверки. Это возмутительно и необъяснимо.

Я устала говорить, что отсутствующая медицина и режим третьего изолятора совокупно убивают. Это не фигура речи, так — по факту. И Киселев не первый умерший, не сумевший без нашей помощи, как там говорится, «дотянуться до врача». И каждый — наша беда, боль и потеря.

На сборном отделении «Пресни», где мы с Аллой Яковлевной ближе к ночи заставляли фельдшера обратить внимание на больных, нам вдруг сказал с предъявой наглый и здоровый довольно на глазок арестант: ну и чего от вас? какая польза? Вот слышали — Кисель-то умер... Вот так! Умер ведь Кисель. И чего?

Хорошо, что нас растащила в стороны Алла Яковлевна. Потому что арестанта я, конечно, этого не побила, у членов ОНК нет таких

полномочий — заключенных лупить, но я почему-то вдруг вспомнила и очень правильно построила фразы, как там предъявлять надо по Укладу Ихней Жизни, лучше, чем ПВР помню наизусть, — и что он там нарушил, и к каким ворах я обращаюсь, и вопросы какие сформулирую, и каким это все плачевным результатом может для него обернуться, потому что, сказала я: я ж вас помню. Это вы Киселеву говорить не давали, жаловаться не разрешали. Когда он в вашей квартире помирал. Ничего себе... И У ВАС КО МНЕ вопросы сейчас?

Арестанта вдавило в стену потоком ненависти. «Да я ж ничего... я не это...» — пробормотал он, потерялся и побледнел. Но лучше бы побледнели медработники СИЗО-3 и МСЧ-77 ФСИН России, а также режимные сотрудники СИ-3, которые в происшедшем виновны ничуть не меньше, чем этот неумный АУЕшник. Более, более, более.

...На обороте обращения мертвого Киселева я записала много фамилий людей, которые еще живы в московских СИЗО. Они больны, им больно. И дешево, поскольку красиво, подумала: вот, даже умерший, а другим пользу приносит. Тем, кому еще можно помочь. И попыталась составить примерный график, когда куда я поеду. В своей вечной схватке со смертью, в которой мы побеждаем попеременно. То мы. То смерть.

«Пока бьется сердце — мы в схватке со смертью в пути».

8. Природная доверчивость быстро улетучивалась у меня, а природные любознательность и язвительность оставались и развивались. В неволе верить нельзя никому, и каждый стремится тебя использовать, видя в тебе «внешнего» человека, который мало в чем в неволе ориентируется, а следовательно — подвержен манипуляциям. При этом надо понимать, что изначально арестанты и сопровождающие сотрудники думают, что понимают друг друга куда лучше, чем присутствующие при их беседах наблюдатели (наблюдатели наивно полагают, что разговор ведется именно с ними, а это просто, используя их присутствие, обитатели и работники СИЗО говорят между собой. Между собой же и

торгуются). Для большинства диалогов «пришлые люди» — лишь фон, одновременно и средство манипуляции другой стороной. Что и в каком объеме будет сказано пришельцам, зависит от реакции истинного адресата, сотрудников, на которых рассчитаны все монологи и обращения. Приведу об этом текст (а так много текстов, напомним, я привожу, потому что они куда лучше, будучи написаны в реальном времени, иллюстрируют наше постепенное прозрение, чем я сделала бы это сейчас, из будущего).

Так выглядит хорошее посещение ОНК.

Хорошее, кроме шуток. «Иди и смотри».

may_antiwar

9 августа, 2015

Нормальное посещение членами ОНК заключенных выглядит вот так. СИ-8 (СИЗО-8 в нашем обиходе означает «СИЗО-неважно-какой». Изоляторов всего семь, СИ-8 — собирательный образ). Действующие лица: товарищ майор, он же заместитель начальника по режиму, арестант, арестанты, товарищ младший инспектор, члены ОНК местами в качестве греческого хора. Место действия: камера на двадцать человек, содержится, например, двадцать семь. Видно плохо: очень темно.

Младший инспектор: от двери отошли! Кому сказал — от двери! Обход администрации будет! Встали быстро все в угол! Дверь, что ли, заморозили? А нет, то ли ключ, что ли, неисправен... Че ты мне вопросы задаешь? Щас мало не покажется! Отошел, я тебе сказал! Раззанавесились все, спрыгнули, построились! Ой, какие вы тут... плохие...

Товарищ майор, входя: к вам в гости члены наблюдательной комиссии, жалобы есть?

Я, член ОНК: не-не-не-не-не-не-не... зачем нам жалобы? Ты чего это вдруг?

Товарищ майор: а, ну да, ладно. Говори сама тогда. Я только начну, по инструкции. Вас представляю. Так, это члены комиссии. Спросят ченть — отвечайте им, если хотите. А да, забыл. При-

саживайтесь, че встали? Не надо стоять тут столбом. Члены комиссии так хотят. Кому неинтересно — идите своими делами занимайтесь.

Члены ОНК: товарищи, какие есть сомнения, замечания, предложения, политические заявления... то есть, тьфу, конструктивные пожелания в сфере улучшения условий вашего быта?

Арестанты: жалоб нет, администрация понимающая, все отлично, на свободу бы, обожаем администрацию!

Члены ОНК: да-да-да-да-да. Мы тоже. И она нас. И вас. И вы нас. Можно сегодня сократить этот элемент обязательной программы? Нам еще десять камер обойти надо. И так?

Арестант: жалоб нет, администрация понимающая... а вот можно нам хоть одну лампочку починить? Очень хотелось бы, если возможность наличествует. Темно, ничего не видно вообще. Даже членов комиссии не видно.

Младший инспектор: да они небось сами лампочки перебили, открыли, они такие, вы их не знаете, они все врут и все портят. Вот знаете, такой случай был...

Члены ОНК: ууууууууу... прекрасный инспектор! мы угадаем! выкурили веник? разорвали одеяло? кстати, тут один случай был...

Товарищ майор, знакомый получше с нами и нашим неисчерпаемым коварством и язвительностью (жестом исключая продолжение неуместных воспоминаний и нами, и младшим инспектором): так, не надо, заткнитесь оба два... извините мой французский. Зэки, в чем проблема? Лампочка не горит? Заявление писали?

Арестанты: как не писать — писали. Восемнадцать. За два месяца. А она все не горит.

Члены ОНК: а вот, скажем, журнал для регистрации ваших заявлений вам приносили?

Арестанты: нет, вот это нам тут не приносят. Это только вы, Анна Григорьевна, его с собой носите, а больше никто. Только у вас в руках книгу эту видим. Мы тут подумали: откажемся, что ли, с проверки уходить, если опять журнал не принесут? Или на

голодовку, может, упасть? А то лампочка лампочкой, так тут половина больных в камере, холод собачий, врача две недели не видели, диету не носят, унитаз не работает, санузел заливает, в баню месяц не водят, белье в стирку не берут, гигиенические наборы в последний раз полгода как давали, а библиотека вообще про нас забыла. Еще и телевизор унесли, как мы за библиотеку качать начали. Мы и подумали: на диалоге не получается — пусть журнал учета заявлений наших несут. Будем все по правилам делать. Так? Да, гражданин начальник?

Товарищ майор, раздраженно: так, ты с чего начал? С лампочки? Вот и давай за лампочку. Лампочка тебе нужна или журнал? Зачем комиссию перегружаешь? Лампочка — это вообще не вопрос. Это я тебе говорю. Ты же меня знаешь?

Арестант, пристально взглядевшись и хорошо подумав: нет.

Товарищ майор (после паузы, слегка растерянно): что — нет?

Арестант (взглядом уточнив у остальных): нет, в смысле — не знаю тебя.

Товарищ майор, изумленно: почему?

Арестант: ну так вас тут много, и не представляется никто. В прошлый раз с комиссией старший по режиму приходил, тоже говорил: лампочка — не вопрос. Только она так и не появилась. Это в прошлом месяце было.

Товарищ майор: кто старший по режиму? Это я здесь старший по режиму.

Арестант, недоверчиво: мда? Ты старший? Тот-то был полковник... который лампочку третьим обещал. А до него подполковник... А старший ты, майор?

Члены ОНК (дружно кивая): так бывает! Прикиньте...

Товарищ майор: так, ладно. Плохо, что ты меня не знаешь, меня все знают, короче, слушай. Меня зовут Петренко Максим Антонович, заместитель начальника по режиму, ты понял? Вот поинтересуйся, тебе тут многие за меня расскажут, я человек здесь не последний. Ваши вопросы — не вопросы. Лампочку сегодня вкру-

тят. Унитаз починят по возможности, сейчас сантехник придет. Что еще? Врача тебе позвать? Щас придет. Глупостями комиссию грузишь. Надо было сразу мне сказать. Про телевизор я подумаю.

Арестант, недоверчиво: гражданин начальник, который полковник, тоже так говорил, когда с комиссией приходил. В прошлом месяце. Забыл про нас, наверное... А ведь в блокнотик, как ты, записывал...

Товарищ майор, раздраженно: мне не нужен блокнотик! Я все запомнил: лампочка, белье, стирка, унитаз, телевизор по возможности, книжечк вам... еще что-то... что там было? а, позовите им растакого фельдшера! На гигиенические наборы заявления напишите! Что — писали? Тоже 18 раз? СЕЙЧАС, при мне, садитесь и пишите! Что тебе еще?

Арестант: а... так гражданин начальник, а журнал? Заявления наши точковать-регистрировать?

Товарищ майор, удивленно, инспектору: ишь ты... все равно журнал хочет... упорный, ты б в журнале за дежурства так расписывался... Давай книгу им принеси! Какуууюю... Что — какую? Художественную, блин! Про Незнайку, например, на Луне! Стой, куда пошел? Это ирония была! Это библиотекарь принесет! Ты журнал их заявлений неси, вот такую книгу! Есть у тебя такая?.. на посту? Заявления будешь регистрировать, пробовал когда-нибудь?

Журнал приносят. Арестанты, списывая друг у друга, пишут заявления НА ВСЕ.

Арестант мне, негромко: это все хорошо, а лампочку-то хоть вкрутят, Анна Григорьевна, как думаете? Нам бы только лампочку... Ноги в темноте переломаем... Вы-то уйдете — а затем?..

Члены ОНК, пожимая плечами: с первых пяти раз не получилось. Два месяца уже к вам ходим. Ну, потом, может, с нами генерал ФСИН придет, с генералом, может, получится... Так ведь бывает...

Арестанты, встревоженно гудя: генерал? тут и генерал есть? Не, нам бы просто лампочку... Ну, и наш бы телевизор... и к врачу выйти бы больным...

Члены ОНК, философски: ну, если генерал придет, мы думаем, может, он принесет большую самую лампочку. Яркую, светлую... К вам прокурор-то приходил — лампочки не было с собой у него?

Товарищ майор недовольно: я сказал, будет к вечеру лампочка. Запомнили, как меня зовут? Сразу ко мне обращайтесь, если что. Знать надо, к кому обращаться. Как меня позвать? Ну... как-нибудь придумаете, позовете. Ну пойдёмте, пойдёмте, у вас же ещё десять камер, до утра небось справимся... Что, там тоже все так плохо, дорогие члены ОНК?.. Вы ж все наперед знаете... Плохо, если по чесноку? Или только тоже лампочка?

Члены ОНК: нуууууууууууу... пойдём вместе, пойдём вперед, маршрут подскажет, посмотрим, увидим, мы узнаем.

Арестанты, встрепенувшись, радостным хором, вспомнив: а вообще у нас жалоб нет, администрация понимающая, входит в положение по возможности... про телевизор не забудете? администрация заботливая... лучше, чем дома...

Товарищ майор, поморщившись: хватит, надоело, сколько можно... Устроили тут цирк, предатели, лицемеры. Заботишься тут о вас, а вы... Постыдились бы! (Инспектору): Давай, следующую открывай.

С момента осознания нами простейших манипуляций, совершающихся на наших глазах и с нашим участием, процесс усвоения, осознания и использования пройденного материала пошел куда динамичней, и мы становились эффективней с каждым следующим маршрутом. Сотрудники, измученные проверками, но проверками формальными, отчитывающимися недостатками, тарасили на нас глаза и в сторону матерились, с трудом начиная распознавать нашу нацеленность именно на «вживание», погружение в среду, желание нырнуть до дна и посмотреть, где там оно. А затем — оттолкнуться и всплыть. Разумеется, сотрудники по старинке норовили недостатки прятать и не признавать. Мы ввели в обиход крылатое «на разводку отвечаем разведкой». «Зачем вы убегаете? — Так вы догоняете! — А зачем вы догоняете? — Так вы ж убегаете!» Умнейшие из сотрудников

прекрасно все поняли: устранение недостатков на месте и наше благодарное молчание о том, что встретили на маршруте, — мы не те, кто пришел «разрушать до основания». А, к сожалению, реальность СИЗО такова, что десятков грубейших нарушений за посещение там не встретить невозможно. Но мы же ввели и обязательное правило «критикуя — предлагай». Не «нет лампочек, потому что нет денег», а «не попробовать ли изыскать средства вон там?» Не «врач не желает лечить», а «пойдемте, попробуем поговорить с этим врачом и понять его проблемы, быть может, что-то можно сделать».

Когда прошел восторг неофитов «Мы понимаем! Мы слышим! С нами говорят стены!», — мы не отчитывались больше недостатками, не предлагая путей решения. И в этом было наше радикальное отличие от проверок ведомственных и проверок прокурорских. Нам важен был не отчет, а результат. Пагубность отчета недостатками в том и заключается, что проверяющий точно так же регламентирован, как и проверяемый, его дело представить своему начальству отчет: «выявлено десять недостатков». И что это будут за недостатки в каждой проверяемой области — в принципе руководству безразлично. Хоть заявление о пытках, хоть веревка или кошка в камере (при этом второе — предпочтительней, так как безопасней). На нас такой обязанности не лежало, мы могли вообще не представлять отчет, если чувствовали, что нас слышат, если недостатки устранялись немедленно и при нас. Если они не признавались, то высмеивались и фиксировались. И что из этого было хуже, сложно сказать: к недостаткам (хоть мы открыли глаза на многие) на верхних этажах и в прокуратуре привыкли, а вот смех над собой система традиционно воспринимала крайне болезненно. Ее «ответки» и «обратки», о которых расскажу позднее, как правило, вызывались не многостраничными отчетами, а вот именно высмеиванием на публичных площадках. Постепенно я стала уходить от него, оставляя крайним средством против хамства, патологического нежелания работать, грубейших нарушений прав человека. Во всех остальных случаях был шанс договориться и сохранить все

перипетии многочисленных «маршрутов» в тишине, сосредоточившись на главном.

Итак, мы ввели, повторяюсь, в обиход образы «разведки в ответ на разводку», «экипажа» как группы членов ОНК, «маршрута» как совокупности пройденного и увиденного за посещение, образ СИЗО-8 — как собирательный образ посещенного изолятора, а вслед за ними уже и я для себя, и для читателей из Каретниковой Анны Георгиевны насовсем превратилась в «Алису в Зазеркалье», хоть оно, царство абсурда, постепенно становилось для меня органичной и комфортной средой обитания. Образ «зла» — он и был образом зла, тем, что неприемлемо ни при каком глубинном понимании и ни при каких обстоятельствах. Что до манипуляций — так мы к ним привыкли, научились улыбаться... и сами ответили на должном, высоком, соответствующем уровне. Манипуляция в условиях непрозрачной среды не признак вредности, лишь средство продержаться и выжить. И мы приняли это как данность, учились не раздражаться и относились снисходительно. Вот тогдашний пост об этом (он же заодно — ответ на вопрос, что я носила с собой в СИЗО в своих необъятных сумках).

Пишем оперу. «Приходи на меня посмотреть».

may_antiwar

29 февраля, 2016

После семичасового изматывающего путешествия по СИЗО-8 в одиннадцатом часу вечера мы вышли как-то на улицу с режимного корпуса и стояли в темном дворе, втягивая табачный дым и предвесенний морозный воздух. Кругом кипела жизнь. Одни камеры кричали, что они дома, другие еще какими-то соображениями из окон обменивались. Кто-то подтверждал свою преданность идеалам АУЕ. «Анечка, а это тебя», — сказал, прислушавшись к гулу голосов, коллега. «Что — меня?» — спросила я, задумавшись о своем. «Тебя зовут, — подтвердил и товарищ подполковник. — Слышишь, кричат: Анна Петровна!»

— А, — сказала я, — раз Петровна, то точно я. Но что кричать бесполу, пусть номер камеры назовут. Скажите им наверх. Я не могу на морозе орать, я слабенькая.

— Камера! — закричали куда-то вверх мои верные спутники, офицеры УИС. — Кто Петровну звал? Хату комиссии назови!

— Пятьсот седьмая! — отозвались сверху.

— А, — сказала я, — пятьсот седьмая... Это Сидоров, знаю, социальная категория. Крикните ему, что придем потом.

— А что он, кстати, хочет? — заинтересовался товарищ подполковник.

— Хочет... — я сосредоточилась. — Чаю хочет, сигарет, кроссвордов, бумаги, ручек, конвертов... кипятильник, может, новый. Шоколадку... Может, очки — книжку читать. Ну, все, как обычно.

— И чего? — спросил офицер.

Я пожала плечами: «Надо будет отнести. У меня есть».

— А если не отнести? — уточнил офицер.

— А если не отнести, — пояснила я, все думая о приближающейся весне, — тогда Сидоров напишет жалобу в ОНК, что сотрудники СИЗО его бьют и насилуют.

— Зачем? — вздрогнул от неожиданности, как от удара, сотрудник. — ЗАЧЕМ он такое напишет?! Он плохой, злой?

— Ну, — сказала я, — в целом не, он хороший, добрый. Просто у него нет ни черта. Но человек с понятиями, хоть и социальщик. Ему же неудобно писать в ОНК: прошу прибыть ко мне с кроссвордами, сигаретами и кипятильником. Поэтому он пишет: прошу прибыть ко мне с прокурором и выслушать жалобы на вопиющие нарушения моих прав. Что сотрудники меня бьют и насилуют. Сидоров всегда так пишет.

— Тогда лучше отнести, — встревоженно заметил офицер. — Тогда он что?

— Лучше отнести, — кивнули мы. — Тогда не напишет.

— Может, прямо сейчас и отнести? — уточнил сотрудник. — Пойдем и отнесем!

— Не, — покачали мы головами, — сейчас не надо. Не надо частить. Во-первых, сколько у нас этих сигарет и кипятильников? А во-вторых, он сначала оперативному сотруднику напишет, потом начальнику напишет, а потом в ОНК на них всех сразу напишет. Он так всегда делает. Тут-то мы и придем с кроссвордами. И он все свои претензии сразу снимет. И всем будет приятно. И нам, и вам, и Сидорову.

— Действительно! — согласились мы все и ушли в административный корпус, временно предоставив ночной жизни идти своим чередом.

* * *

Теперь я лучше поговорю о самой неволе, а то я ее как-то вам и не представила. Следственные изоляторы Московского управления, числом семь, но один, седьмой, «Капотня», — на ремонте, там строят уже два года новый корпус. Итак, СИЗО 1, 2, 3, 4, 5 и 6. Первый, «Матроска», «Матросская Тишина», — моя альма-матер, как я уже писала, там я училась быть наблюдателем. Второй — пожалуй, самый нелюбимый мною, легендарная «Бутырка» (древние стены, дух истории), самый черный в плане мастей колоды из московских централов, где движением рулят малолетние и некомпетентные оперативники и лютые «пиковые» авторитеты. Слишком чеченский. Самый свободный относительно послаблений режима и запрещенных предметов в камерах, но свобода эта очень условна, опасна и непредсказуема. Она обходится в много денежек и слез родственников арестантов. Я вижу перемены, я верю, что вскоре смогу сказать о нем иные слова. Пусть станет лучше! Третий — «Пресня», бывшая пересылка, самый красный (Мы — «Красная Пресня»! КРАСНАЯ!). Правда, сейчас его покрасили, освежили (я имею в виду внешнюю отделку фасада), и он стал какой-то, скорей, малиновый. Самый бардачный, где ключи не открывают двери и решетки, всё и все теряются в неведомых направлениях, где редко оказывают медпомощь и хронически не ведут журналы учета заявлений, по рациям разговаривают матом, а на головы падают куски штукатурки, это о нем наблюдатели оставляли записи в журналах посещений: «Спасибо. Было любопытно побывать в

сумасшедшем доме». Но при этом — вполне приемлемый с точки зрения сбалансированности режима, не выходящий из-под контроля. Более прозрачный и человечный. Четвертый — «Медведь», «Медведково». Оттуда на заключенных и членов ОНК долгое время смотрели пушки вражды и непонимания. С этим изолятором на бой вышли многие члены ОНК, и самой последовательной из них была журналистка «Новой газеты», член ОНК третьего созыва Елена Масюк, ее публикации остро обозначили проблемы четвертого централа в тот период. Там убивали и запугивали людей. Сейчас, с новой командой руководства, с Владимиром Машкиным во главе, четвертый — один из моих любимых изоляторов. Огромный неповоротливый «Титаник», где еще неизвестно, что возьмет верх: добро или зло (эти понятия в неволе, разумеется, условны). Я возлагаю надежды. Пятый, «Водник». Элитарный. Считался образцовым, находясь через забор от Управления, нашего УФСИН, после ряда событий (то ли убийства, то ли суицида известного бизнесмена) практически по всем показателям рухнул на одно из последних мест. А что делать, если после событий уволили всех сотрудников, либо они сами ушли, не желая повторений? А кому интересно оказаться стрелочником? Нам сейчас очень сложно в пятом... Шестой, «Печатники», женский. После нашего, ОНК, наскока позапрошлым летом он волшебным образом изменился. Женщины больше не спят на полу под лавками. Да и после смены руководства как-то все вообще пошло на лад. Кроме женщин в СИЗО-6 содержится еще и категория мужчин — бывших сотрудников правоохранительных и правоприменительных органов. Прошлым летом главным нашим достижением стал вывоз части мужчин-сотрудников в другие СИЗО. Тогда в СИЗО-6 с нашей подачи пришли высокие чиновники ФСИН России, чтоб узнать, что же это за ад, не обманываем ли мы, когда пишем, что наши сестры и матери спят здесь на полу. Заодно тогда, по итогам этого посещения, в СИЗО разрешили передавать самые разные фрукты, кроме вечных апельсинов и яблок, зелень, за которую мы столько боролись, рыбу, морепродукты, и вообще круг разрешенного был очень сильно расширен. За это нас встречали в

камерах аплодисментами. За это нас благодарят до сих пор, и мы переадресуем эти благодарности ФСИН России. Это была общая победа — ФСИН, ОНК... Стало чуть лучше, чуть легче. Мы сделали шаг в Эру Милосердия.

Итак, наши семь изоляторов. Есть еще два, федеральных, так называемых специзоляторов, но о них когда-нибудь в другой раз и, наверное, в другой книге, они сильно отличаются от наших семи и друг от друга, и проблемы у них специфические, не такие, как у всех. А главные наши московские проблемы сейчас как были, так и остаются две, первая из них — перелимит. Правильно это называется «превышение лимита наполнения следственных изоляторов». Это когда не просто не соблюдается норма четыре квадратных метра в камере на человека, а когда у многих могут отсутствовать личные спальные места, свои кровати. Заключенные тогда спят по очереди (это в «людских» камерах). В женских камерах и камерах «красной» категории заключенные спят на полу. Я выделила женские и «красные» не случайно: как бы там ни было, «порядочный» арестант-мужчина ни при каких обстоятельствах не ляжет спать на полу, это недопустимо и опустит его на ступень в субкультурной иерархии. Он лучше вообще не ляжет спать. Ну, а тем, кто спит на полу, мы просим выдавать раскладушки. Если их нет или их негде ставить, мы просим выдавать на пол хотя бы вторые матрасы. Чаще всего — просим безрезультатно.

Перелимит возникает от того, что у нашего следствия и наших судов арестный уклон. Они берут под стражу тех, кого, на наш консолидированный взгляд, часто не имеет смысла брать под стражу. Коммерсантов, бухгалтеров, легкостатейников, мигрантов, мелких воришек, наркоманов-потребителей... И держат их в следственных изоляторах не только месяцами, но и годами. Неоднократно видела тех, кто просидел в тесной душной камере не меньше трех лет. Их нервы были на пределе, здоровье подорвано. Следственные изоляторы не предназначены для столь долгого содержания арестантов. Иногда арестант освобождается из следственного изолятора, уже успев отбыть за время пребывания там свой пустяковый срок.

Но нашим следователям и судьям это как-то все равно. Поместив однажды следственным арестованного в СИЗО, они вновь и вновь продлевают заключение, не соглашаясь ни на подписку о невыезде, ни на залог, ни на домашний арест, пользуясь тем, что формального нарушения закона в этом нет, выдумывая абсурднейшие причины для продления «стражи»: арестованный может скрыться от следствия, так как имеет заграничный паспорт и друзей за границей в Фейсбуке, имеет прописку в другом городе, может продолжить заниматься преступной деятельностью (особенно глупо это звучало в случае с арестованным строителем метрополитена, обвиняемого в том, что он допустил халатность, и поезд сошел с рельсов. «Будет, видимо, дальше эшелоны под откос пускать», — грустно шутили коллеги по ОНК и УИС, углубившись на минутку в витиеватое постановление о продлении ареста фигуранту).

Мы ввели в нашей борьбе с необоснованным переполнением СИЗО лозунг «Хватит сажать!». Под этим бессменным тэгом мы публиковали истории о самых безумных, абсурдных посадках в камеры следственных изоляторов людей, которые там явно лишние. Еще это называлось «тот, без кого нам в тюрьме было бы очень скучно». Безусловным лидером в нашем рейтинге выступила прекрасная беременная африканка, гражданка Конго. Когда ее взяли под стражу, она была на третьем месяце беременности, а арестована она была за то, что хотела уехать рожать к себе на родину, и что-то с ее паспортом или визой оказалось не так. Обратите внимание: она хотела уехать, а не незаконно въехать. И, казалось бы, стоило бы помахать ей у трапа рукой, подарить на прощание недорогие цветы, но нет: она была взята под стражу и помещена в шестой женский следственный изолятор. Где и просидела практически до родов. Затем ее освободили. Мы с коллегой Аллой Покрас выскакивали через КПП на улицу (лишь там можно пользоваться мобильными телефонами) и звонили ее брату, чтобы он приехал и забрал у СИЗО черную женщину волшебной красоты и с огромным животом: суд приговорил ее в результате к... штрафу в 10 000 рублей. Что же она полгода делала

в изоляторе? Она ждала приговора. Я даже не обсуждаю сейчас психическую травму, которую получила эта почти не говорящая по-русски женщина, планировавшая ожидать разрешения от бремени дома, а вместо этого внезапно оказавшаяся в камере на 50 женщин. Я просто подсчитала, что за период ее содержания государство потратило на ее питание, медосмотры (какие уж ни есть), вещевое довольствие — многократно больше! И никто не ответит за эту глупость, все происходило в рамках закона, но отнюдь не в рамках здравого смысла. Ведь у нее не было прописки в Москве? Значит, она могла скрыться! Ну, черная, ну, беременная — а какая кому разница? Сказали сидеть — сиди.

В сравнении с этой историей хоть насколько-то обоснованной выглядит нарицательная сага о Кате-на-самокате: милую арестованную молодую пьянчужку Катю благодаря нашему вниманию и стараниям врачей и сокамерниц удалось подлечить (цирроз печени — не шутка) и приодеть. Кате дали полгода лишения свободы, из них бóльшую часть времени она провела в СИЗО. Преступлением Кати была кража, угон самоката. Как-то Катя угнала самокат при таких обстоятельствах, что выпивала на вписке с друзьями (Катя бомжевала, меняя вписки, никого особо не задевая и не раздражая, ее знали на районе и относились беззлобно). Ночью она была направлена отдыхающим коллективом в магазин за водкой, за добавкой, а у Кати были недавно по зиме отморожены ножки. Катя вышла на лестничную площадку и увидела соседский самокат. Она решила, что с больными ногами на самокате за водкой поехать ей будет куда сподручней и увлекательней. Прихватив самокат, она устремилась в кабину лифта. Когда она прибыла на первый этаж, то была немедленно встречена и принята (задержана) группой полицейских, которые на самом деле направлялись по вызову в совершенно другую квартиру по поводу шума в ночное время. «Ни фиги же себе у них, наверное, лица были, — бормотали члены ОНК и сокамерницы Кати, вслух читая обвинительное заключение вновь поступившей, — когда двери кабины открываются, а там, внутри... Да брось ты!.. Да кто там»? А!!! Внезапно Катя! На самокате! Пьяная! Босиком!! За водкой!! Да что ты? В феврале!!!»

Как уже говорилось, в камерах соседствуют с настоящими преступниками, разбойниками и убийцами, не отрицающими порой своей вины, похитители сыра и шампуней в сетевых супермаркетах (так называемые дети «Ашана» ошибившиеся или подставленные немолодые женщины-бухгалтеры, наркоманы-потребители «на кумарах» (в состоянии абстинентного синдрома), огромное количество гостей из ближайшего зарубежья, которые вообще толком не могут объяснить, что с ними произошло, и еще толпа разношерстной публики. Все они должны влиться в многоголосую тюремную семью, принять для себя одновременно и правила внутреннего распорядка, и процитированный выше так называемый Уклад Нашей Жизни. Оба уклада. Официальный и теневой. Эта безумная дихотомия исковеркает их судьбы, отравит их души, вряд ли когда-то забудется. Переступив порог СИЗО, они становятся частью колоды. Так за них решено.

В камере СИЗО может быть четыре индивидуальных спальных места (шконки, шконаря, чаще всего они — двухъярусные), а может быть и 44. До сих пор в московских СИЗО есть камеры, которые перенаселены вдвое (!). А еще меньше года назад в третьем изоляторе общий перелимит составлял около 70%. Тогда арестанты стали массово причинять себе увечья (порезы рук, горла), после этого я находила их при покамерных обходах в психиатрической больнице «Бутырки», так называемом КД, «Кошкином доме», и опрашивала, как обычно, желая понять мотивацию членовредительства и суицидальных попыток. Обычно они типичны: либо это действительно душевное заболевание, либо — несогласие с арестом, следствием, судом, невозможность смириться с содеянным самим арестантом, чувство вины, издевательства сокамерников, вымогательство. Но прибывшие в психбольницу из третьего изолятора говорили о причинах монотонно и однообразно: мне было некуда не только прилечь, мне было некуда присесть. Целый день я ходил от стены к стене камеры, от стены к стене, потом — ночь, от стены к стене. Потом я... замкнулся в себе. Я взял мойку (лезвие от станка) и порезал себе вены. Руки, горло... (Это «замкнулся в себе» — синоним

предсуицидального состояния). Вам стало лучше здесь? — задаю вопрос. — Вам оказывают необходимую помощь? Ответ: да. Здесь у меня есть своя кровать. Мне больше ничего не нужно, спасибо. Только чуть-чуть... отдохнуть. Просто — СВОЯ КРОВАТЬ! Можно я полежу? Отдохну?

По настойчивым просьбам и рекомендациям правозащитников УФСИН по Москве перераспределило по следственным изоляторам арестантов, из задыхающегося СИЗО-3 было вывезено более сотни человек, сейчас там более-менее возможно выжить и дышать. Прокуратуре спасибо и ура! Тогда нам на наш бой в колокола, истерическую череду отчетов о катастрофическом положении в «Пресне» ответили так:

**ПРОКУРАТУРА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
**ПРОКУРАТУРА
г. МОСКВЫ**
пл. Крестьянская Застава, д. 1,
Москва, 109992

Общественная наблюдательная
комиссия г. Москвы
Каретниковой А.Г.
М. Каретный пер., д. 12, г. Москва,
127051

29.08.2016 № 17-25-375/161369

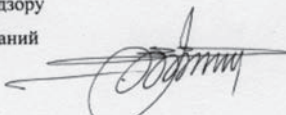
На № _____

Ваши рекомендации, изложенные в отчетах по результатам посещения ФКУ СИЗО-3 УФСИН по г. Москве, приняты к сведению и используются при осуществлении надзорной деятельности.

Проведено территориальное перераспределение районов обслуживания учреждения, в связи с чем в течении месяца наполняемость ФКУ СИЗО-3 УФСИН России по г. Москве снизился на 14%. Всем указанным в отчете лицам оказана медицинская помощь.

С уважением,
И.о. начальника отдела по надзору
за соблюдением законов при
исполнении уголовных наказаний

Е.В. Захаров

АБ 0214803

Зачем следователи и суды помещают столько арестантов в совершенно неприспособленные для этого камеры? Об этом неоднократно писали и продолжают писать мои замечательные коллеги — члены ОНК Зоя Светова и Ева Меркачева. Так проще сломить волю взятых под стражу, заставить их признать свою вину. Не под давлением неопровержимых улик, не благодаря качественному ведению следствия, а просто чтоб вырваться из душной многолюдной камеры, где провел месяцы, — хоть куда, хоть в колонию, хоть к черту на кулички, лишь бы отсюда! Одно дело — защищать себя, оставаясь на свободе, имея возможность в удобное время согласовывать позицию с адвокатом, изучая законодательство, составляя за компьютером тексты в свою защиту, нормально питаюсь и не расставаясь с родными, ведя привычную жизнь у себя дома, хоть и будучи ограниченным в перемещениях. Только ведь так можно и, не дай Бог, переиграть следователя, разгромить версию обвинения, вырваться на свободу, потребовать реабилитации... Разве такое нужно следователю, давно отвыкшему при нашей «палочной системе» от нормальной профессиональной работы? И вот арестант водворяется в СИЗО, где душ для него доступен раз в неделю, где нет доступа ни к компьютеру с принтером для работы по делу, ни к ксероксу, ни к телефону, где адвокат будет стоять в безумно длинной очереди в следственные кабинеты, где подготовиться к защите из-за переполненности и неприспособленности к этому камер практически невозможно, где транспортировать тебя в суд, грязного и потного, станут долгими часами в душном прокуренном автозаке. Затем поместят в малюсенький бокс в конвойном помещении суда, и тебе повезет, если конвоиры не обматерят, а дадут кипятка заварить выданный с собой сухпак (ИРП, индивидуальный рацион питания). А в зале заседаний тебя, такого вот неприглядного, больного, не спавшего эту ночь ни минуты и всклокоченного, в мятой одежде, встретит гладко выбритый, аккуратно одетый и позавтракавший с утра, вполне себе выспавшийся следователь, прибывший продлевать твой арест на личном автомобиле. И точно такой же прокурор, поддерживающий обвинение. Хочешь не хочешь — а у тебя

уже вид уголовного и маргинала, такое впечатление произведет это и на судью. Ты будешь запинаться, говоря в свою защиту, пытаясь в сделанных от руки в темной камере записях (если их не отобрали), мучаясь от усталости и головной боли. Следователь будет в ответ оперировать набранными на компьютере и выведенными на принтер документами, извлекая их из пронумерованных папок. Ты — извлекать из кармана в свою защиту мятые листы в клеточку. Судья будет смотреть на тебя с безразличностью и опаской. Скорей всего ты изначально проиграл. Ты, арестант. А ведь для следователя это всего лишь одно раскрытое дело, палка в отчетности, в сущности — пустяк, о котором он забудет через неделю. Для тебя — твоя жизнь и судьба.

Поместить в крайне тяжелые условия. Сломить волю. Получить «палку». Состряпать дело. «Профессионально состояться», пойти на повышение. Ты, арестант, — расходный материал, лишь ступенька в лестнице карьерного роста человека-следователя, с которым совершенно случайно свела тебя судьба, того, кто, сломав твою судьбу, модернизирует свою. «Палочная система», иными словами — система отчетности раскрытыми преступлениями по разным категориям — то, что уничтожает нашу следственную систему. Она — та причина, по которой я, окончившая кафедру уголовного процесса и криминалистики с хорошими показателями и завидными перспективами, не пошла работать в следствие. Не пошли и многие мои друзья и однокашники. Да, но ведь многие туда пошли...

Перелимит — проблема в первую очередь крупных городов. Ему подвержены следственные изоляторы более двадцати регионов России. Тридцать человек в камере — один унитаз. Пятьдесят человек в камере — два унитаза. Я сейчас не о высоком. Просто представьте себе утро в такой камере, очередь в туалет. Представьте себе в ней себя. Жизнь уже не станет такой, как прежде.

9. Вторая, сопряженная и противоположно направленная вектору превышения лимита наполнения СИЗО тенденция — уменьшение числа сотрудников следственных изоляторов. Сокращения. В то время как заключенных становилось все больше,

сотрудников становилось все меньше. Проект «оптимизация», наверняка имевший в виду хорошее, предусматривал сокращение числа сотрудников УИС, повышение заработной платы для тех, кто работать в системе остался, оснащение изоляторов современной техникой, которая отчасти сможет заменить труд сотрудников. Возможно, я ошибаюсь, но концепция оказалась неудачной. Что имелось здесь в виду? Какая техника должна была заменить руки и ноги, труд живых, выполняющих свои обязанности на участках работы сотрудников СИЗО? К сожалению, из технических новшеств видим преимущественно одно: постепенно внедряемые видеокамеры и носимые видеорегистраторы. То есть — средства видеофиксации. Да, они могут быть полезны во многих случаях. Видеозаписи смогут подтвердить факты правонарушений, как со стороны арестантов, так и со стороны сотрудников, коль скоро такие случатся. И, опасаясь этих записей, и те и другие, должно быть, станут держать себя в рамках. Впрочем, почему-то при возникновении спорной ситуации слишком часто так случается, что регистраторы были отключены, упали, разбились или их на месте событий по необъяснимым причинам не оказалось вообще. Но, и об этом писала Ева Меркачева после трагической гибели в СИЗО сотрудника Роскосмоса Евдокимова в камере СИЗО-5, видеокамеры даже в идеале могут всего лишь рассказать нам, один ли погибший вошел в санузел или за ним последовало еще восемь человек, то есть убийство это или самоубийство. Но послушайте, видеокамеры не раздают баланду, не разносят посылки, книги из библиотеки, не выводят арестантов в баню, на прогулки и следственные действия, они даже не в состоянии предотвратить суицид, заметив повесившегося и перерезав веревку ножом с закругленным концом. Видеокамеры бессильны, если «на том конце», за монитором, нет сотрудника, который примет немедленные меры к выправлению ситуации. А в СИЗО этих сотрудников остается все меньше и меньше.

Меньше — это сотрудников режима, тыла, воспитателей, социальных работников, психологов, врачей. Охрана еще держится, хоть, подсказывают мне, и в ней зияют «человеческие» бреши,

нехватка личсостава. Когда сократили должности начальников корпусных отделений (НКО), возник вопрос: кто же и как теперь должен собирать заявления арестантов? К врачам, к начальнику СИЗО на прием, на ремонт электрики и сантехники, на оформление доверенностей? Эти заявления собирали и регистрировали в журналах учета как раз сокращенные НКО. Младшие инспектора, оставшиеся на корпусах (арестанты называют их «продольные»), если следовать Приказу 204 о несении режимной службы, не имеют права собирать никакие заявления, получать за них в специальный журнал никакие подписи. Более того — им прямо запрещено вступать в любые разговоры с заключенными (сотрудники называют заключенных «спецконтингент». Еще одна аббревиатура для их обозначения: «ПОиО» — подозреваемые, обвиняемые и осужденные). И это — лишь один из фронтов работы, что был зачищен и оставлен без тех, кто должен эту работу выполнять. А ведь те журналы учета заявлений, которые я беспрестанно упоминаю, — важнейшая, на мой взгляд, сфера учетной дисциплины. Записи в них — единственное доказательство того, что больной неоднократно обращался к врачу, заключенный — к начальнику, подвергшийся насилию и вымогательству — к оперативникам. Если заявление зарегистрировано за подписью арестанта — факт обращения был. Если нет... Я неоднократно повторяла инспекторам: «Принес журнал — спас жизнь». «Не утай журнал учета от ближнего своего», — вторил вновь изобретенной заповедью сотрудник режима нашего Управления.

...Когда я только пришла в СИЗО в качестве члена ОНК, девять лет назад, сотрудников было еще довольно много. Я помню, что их было много. Мне даже казалось порой, что их слишком много, чересчур — и все для того, чтоб такой толпой мешать нормально работать членам нашей комиссии. Через несколько лет, когда сотрудники стали не мешать, а помогать, а я научилась различать кто из них кто и чем тут занят, сотрудников было уже очень мало. Их не хватало катастрофически. «Один инспектор заступает на два поста», — разводя руками, отвечали нам, когда мы выражали недовольство тем, что слишком долго стоим у камеры,

ожидая прихода инспектора, который только и может открыть для нас камерную дверь. Это означает, что на два этажа — один инспектор. На два огромных коридора, где за десятками дверей — сотни людей. Люди в камерах беспомощны, поскольку лишены свободы передвижения и не могут совершить тех простейших и иногда жизненно необходимых действий, для которых на воле нам не нужен ни помощник, ни сопровождающий. Позвонить в полицию, вызвать «скорую помощь», сходить на почту за своей корреспонденцией, вызвать по телефону электрика или сантехника. За каждой из этих необходимостей арестанты вынуждены обращаться к инспектору. А он — один на два этажа, на десятки дел и просьб. Он не может разорваться на части.

Полезным мог бы стать иной опыт, как раз лежащий в русле замены человеческого ресурса электроникой. Я лишь раз за свою жизнь побывала в иностранной тюрьме, в Лондоне (за что моя благодарность бывшим коллегам по ОНК Любове Волковой и Валерию Борщеву), но, как читала я потом, этот опыт воспринят и в европейских следственных изоляторах. Там, для того чтоб заключенный направился куда-то по своим законным потребностям, далеко не всегда нужен сопровождающий сотрудник. Двери камер запираются лишь на ночь, днем арестанты свободно выходят в коридор (у нас это называется «продол», и выход туда заключенных без сопровождающего сотрудника недопустим). В лондонской тюрьме в широком коридоре размещены для арестантов настольный хоккей и «воздушный теннис», а главное — если заключенному нужно пойти в баню или на следственные действия, то на этот случай ему выдается пластиковая карточка, запрограммированная на проход конкретного человека в конкретное место. Он просто прикладывает свою карту к считывающему устройству и следует по своим нуждам. К адвокату, к телефону, в душ, в библиотеку... Он не отрывает от работы сотрудника СИЗО. И, разумеется, за ним следит электроника.

Я неоднократно делилась этими своими наблюдениями с начальниками московских СИЗО. Внедрение такого новшества от них не зависит, но мне важно было услышать от руководителей

их мнение о плюсах, минусах, подводных камнях и иных противопоказаниях. «Менталитет другой, — говорили мне. — Там люди дисциплинированные, европейцы, куда им сказали, туда и идут. А у нас что будет? Навымогают друг у друга карт этих проходных, в картишки карточек напроигрывают и разбредутся по всему следственному изолятору, рассредоточатся... Где их потом искать? Хотя — идея-то неплоха... Это сколько же рабочих рук можно высвободить, если и в баню они сами, и к адвокатам, и на прогулку... Ну, это мечты. Опять ты фантазируешь, Алиса...»

Мечты, возможно, разобьются о финансовые возможности. Потому что довод о том, что все заключенные немедленно поместятся местами и вместо бани пойдут, например, в библиотеку, мне представляется не слишком состоятельным: ведь при освождении заключенных из СИЗО в ряде из них применяются современные системы распознавания личности, в частности — системы Папилон, Синергет, способные считывать отпечатки пальцев, идентифицировать лицо, зрачок. Если человек с карточкой не сможет подтвердить свою идентичность, не будет системой распознан, то она его никуда и не пустит, невзирая на карточку. Было бы здорово, если когда-нибудь удалось бы перенять этот опыт.

А пока одним из кошмаров, преследующим меня по ночам, остаются пустые коридоры. Бесконечные коридоры, бесконечные ряды камерных дверей. В каждой камере должна быть (но далеко не всегда исправна) кнопка вызывной сигнализации, на тот случай, когда без сотрудника СИЗО своих проблем не решить. Когда нажимаешь на кнопку, над дверью или на посту инспектора загорается лампочка (ты зачем «клопа» зажег?), иногда раздается и звуковой сигнал. Сейчас звуковых сигналов почти нет: иначе бы в условиях дефицита сотрудников обитатели СИЗО с ума сошли от вечного, непрерывного звона. И мне видится это: бесконечный коридор, вспыхивают лампы вызова, грохочут в двери из камер, но коридоры пусты... В них нет сотрудника, и некому услышать сигнал бедствия. За запертыми дверями может происходить что угодно, и в лучшем случае это зафиксирует лишь бесстрастная видеокамера. Пусть исправная,

но не умеющая принимать немедленные меры, разнимать драки, делать искусственное дыхание и оказывать иную, доступную человеку, но не технике, помощь.

В шестом СИЗО, женском, в случае необходимости оказания срочной медицинской помощи заключенным разрешили кричать в окна. За это не наказывают, в отличие от попыток любых других форм общения через окно. «108-я, врача!» «305-я, врача, срочно!» — несутся над централом, выстроенным квадратом, звонкие и встревоженные девичьи голоса.

В мужских изоляторах в острых ситуациях, как уже сказано было выше, «выносят тормоза», то есть изо всех сил стучат в двери и кричат о причине срочного вызова: кому-то плохо. Камеру поддерживают соседние. Если врач или сотрудник не приходят, то присоединяются все новые и новые камеры на разных этажах, в надежде достучаться (в тюрьме не говорят «стучат», говорят «цинкуют») до того, кто может оказать помощь. Если удастся, врачу или сотруднику через дверь или форточку для подачи пищи сообщают номер камеры, где его ждут. Сотрудник тянется к радиации или телефону, врач или фельдшер спешит с чемоданчиком. Грохот прекращается. Вот такая вызывная сигнализация.

Сокращения среди личного состава — не единственная причина некомплекта сотрудников в СИЗО. Об остальных я расскажу несколько позже, пока что мне хочется рассказать, как живут арестанты за закрытыми дверями камер.

10. Камера. Кровати двухъярусные — шконки (по-нашему — КДК, койки двухъярусные камерные), умывальник, унитаз (приватность, санузел), стол-дубок, лавки якобы по числу сидячих мест, таз для целей гигиенических, ведро для мусора, посуда отныне пластиковая, бак для воды питьевой (пережиток времени), белье условно белое, чаще — заношенное и пожелтевшее, матрасы невыносимо ветхие и тонкие, со свалевшейся ватной начинкой (вечный камень преткновения, боль и грусть), ложки алюминиевые (вилки не полагается, ножи, ножницы, иглы

швейные — под контролем сотрудников), потрепанные книги из библиотеки, материалы уголовных дел, фотографии близких (законодатель разрешил!) Все, остальное, многое такое нужное законодатель запретил. Элементарные вещи запретил: сушилки, например, для одежды (веревка ведь запрещена! Это потому, что на ней повеситься можно). Когда прокурор приходит в СИЗО, он отметит в качестве недостатков каждую веревку, на которой сушатся носки, трусы и футболки арестантов. Однажды я вошла в клинч с надзирающим прокурором: вы опять оборвали все веревки, выгнали из камер запрещенных животных — кошек (если их нет, то по арестантам бегают мыши, а то и крысы) и внесли представление администрации о нарушении режима содержания. За эти клятые веревки. Зачем? Прокурор: чтоб не повесились. Я: послушайте, но двое последних московских самоубийц повесились в камерах на собственных брюках. Отчего не потребуете отобрать у арестантов штаны для перемещений по изолятору? Во имя безопасности пусть в труселях рассекают?! Промолчал, как всегда недовольно глянув на меня, надзирающий прокурор. У нас традиционно были непростые отношения с прокуратурой.

Камера. Скатерть-клеенка на стол, терка пластиковая, для овощей доска разделочная — под запретом. Предмет торга с оперативными работниками. Камера, от пяти до пятидесяти мужчин или женщин на один или два унитаза, одну или две раковины. Запрет на цветные ручки (чтоб не делали татуировки), карандаши, белую замазку-стирку для текстов, копировальную бумагу. Запрет на приемники-транзисторы, запрет на электронные игры, электронные книги (их вроде разрешили, но что это, как этим пользоваться — не дали пояснений выпущенные методические рекомендации). Официальный закон камеры — перечень разрешенных в ней предметов, содержащийся в Приложении 1 к Приказу 189 Министерства юстиции. Все, что прямо не разрешено, — запрещено. Все, чего нет в перечне, — запрещенные предметы. При обыске (он здесь называется «шмон») их вышвырнут из камеры в коридор. (Могут вышвырнуть, а могут и не вышвырнуть.) За наличие запрещенных предметов могут водворить

в карцер, наложить взыскание. Если будут взыскания — из колонии не уйдете по УДО (условно-досрочному освобождению). Все понятно? Все понятно, граждане начальники.

Мне вот непонятно. Непонятно и многим другим правозащитникам, включая членов общественных наблюдательных комиссий. Зачем лишать людей совершенно безобидных и так необходимых предметов быта? Чтобы сделать из каждой запрещенной по необъяснимым причинам мелочи предмет торга? Чтобы, повторяюсь, сделать жизнь узников исключительно тяжелой, склонить их к признанию вины и тем облегчить труд следователей? Или просто из инертности и косности? Правозащитники неоднократно готовили предложения о расширении списка разрешенного в камере, но последние изменения в приказ Минюста разрешили лишь немного из предлагавшегося. А кое-что вышло прямо-таки по незабвенному «хотели как лучше, а получилось как всегда». Так, до внесения изменений в перечень разрешенных предметов допускался лишь кипятильник (незаменимая вещь, им не только кипятят чай, но и разогревают еду, поместив ее в таз с водой, а можно и жарить что-то в масле: в тюрьме заключенные страдают от отсутствия жареного. Открытый огонь в камерах разводить запрещено). Но и чайник — вещь полезная. И, понимая, что живем мы все же в XXI веке, администрации учреждений и даже надзирающие прокуроры закрывали глаза на наличие в камерах чайников. И вот Минюст услышал нас, правозащитников, пошел навстречу и внес в перечень разрешенного чайники! Но... Мощностью не более 0,6 киловатт. Это что за чайник такой? А это — небольшая такая кружка со шнуром для втыкания в розетку (если поднапрячься, родственники могут найти в торговых сетях и большой чайник такой мощности. Но пользовательское свойство его такое, что, если утром его поставить разогреваться, где-то к вечеру он закипит). А? Что? 0,6 киловатт. Зато разрешен каждому арестанту. И хватаются за голову тыловики изоляторов: в камере может быть и 30, и 50 человек. Как выдержать электрической проводке, если каждый из пятидесяти арестантов по очереди станет втыкать в розетку свой лич-

ный чайник? Не лучше ли было, когда заключенные кипятили себе воду в одном-двух обычных чайниках на всех? Ну, вот такая кривая улыбка законодателя. Не сказать бы — насмешка. А скорей — плод творчества тех, кто никогда в жизни не бывал в следственных изоляторах, для которых изобретает свои новшества. Как вариант — внесли в перечень разрешенного электробритву, а вот машинку для стрижки — не внесли. Теперь эти машинки в камерах держать нельзя, и чем стричься арестантам? И чем машинка для стрижки опасней электробритвы?

Не удержусь и помещу сюда полностью нехудожественный элемент — пресловутое приложение номер два: что можно иметь при себе и хранить в камере. Это для того, чтоб вы сами могли подумать о том, чего из совершенно очевидно необходимых в быту предметов вам бы в СИЗО особенно не хватало.

Приложение № 2
к Правилам внутреннего распорядка следственных
изоляторов уголовно-исполнительной системы

Перечень

предметов первой необходимости, обуви, одежды и других промышленных товаров, а также продуктов питания, которые подозреваемые и обвиняемые могут иметь при себе, хранить, получать в посылках и передачах и приобретать по безналичному расчету

Подозреваемые и обвиняемые могут иметь при себе, хранить, получать в посылках, передачах и приобретать по безналичному расчету:

— одежду в одном комплекте (в том числе установленного образца) без поясных ремней, подтяжек и галстуков, обувь без супинаторов, металлических набоек:

рубашку;

костюм (пиджак), брюки;

платье;

юбку, шорты;

*свитер (кофту);
куртку летнюю/демисезонную;
куртку зимнюю (пальто, дубленку, шубу);
спортивный костюм или домашний халат для женщин;
шапку спортивную (кепку, бейсболку) демисезонную, косынку;
шапку (кепку, бейсболку) зимнюю;
перчатки (варежки);
обувь летнюю/демисезонную;
обувь зимнюю;
обувь спортивную;
тапочки;*

— нательное белье не более 4 комплектов:

трусы;

носки (гольфы);

бюстгальтер;

майку (футболку);

чулки (колготки), рейтузы;

— носовые (трикотажные, бумажные) платки;

— туалетные принадлежности (туалетное, хозяйственное мыло, зубная паста (порошок), зубная нить, зубная щетка, пластмассовые футляры для мыла и зубной щетки, гребень, расческа, щипчики для ногтей без колюще-режущих элементов и пилочек, ватные палочки, ватные диски);

— бритву электрическую, бритвы безопасные разового пользования;

— вещевой мешок или сумку;

— очки и пластмассовые футляры для очков;

— крем для рук (лица, тела), марлю, заколки, вазелин, вату, гигиенические тампоны, прокладки, косметические принадлежности, бигуди пластмассовые (для женщин);

— костыли, деревянные трости, протезы (по разрешению врача);

— электрокипятильник бытовой заводского изготовления или чайник электрический мощностью не более 0,6 кВт;

— по разрешению врача электрический тонометр, глюкометр, слуховой аппарат, расходные материалы и батарейки к ним;

- мочалку или губку, поролоновую губку для мытья посуды;
- шариковую или гелевую авторучку, стержни к ней (черного, фиолетового, синего цвета), простой карандаш;
- бумагу для письма, тетради, пластиковые файлы или папки, почтовые конверты, открытки, почтовые марки;
- туалетную бумагу, в том числе выданную либо приобретенную в магазине (ларьке) СИЗО;
- предметы религиозного культа для нательного или карманного ношения;
- однотонное постельное белье белого или бежевого цвета в одном комплекте (две простыни и наволочка), полотенца (не более 2 шт.), маску из текстиля для сна, беруши;
- литературу и издания периодической печати из библиотеки СИЗО либо приобретенные через администрацию СИЗО в торговой сети, за исключением материалов экстремистского, эротического и порнографического содержания;
- фотокарточки;
- настольные игры (шашки, шахматы, домино, нарды);
- пластиковую либо алюминиевую кружку, пластиковые тарелку, ложку, вилку (пластиковая кружка и столовые приборы должны быть предназначены для горячих блюд и многократного использования);
- подгузники, в том числе одноразовые, одноразовые пеленки;
- предметы ухода за детьми, детскую одежду (женщинам, имеющим при себе детей в возрасте до трех лет).

Кроме указанных товаров подозреваемым и обвиняемым разрешается иметь при себе и хранить телефонные карты, а также следующие промышленные товары, за исключением спиртосодержащих и в аэрозольных баллонах, в том числе приобретенные в магазине (ларьке) СИЗО: зубную пасту (порошок), крем (гель) для бритья, косметические средства, предназначенные для применения после бритья, дезодорант, жидкое мыло, гель для душа, шампунь, стиральный порошок, жидкость для мытья посуды.

Подозреваемые и обвиняемые могут иметь при себе, хранить, получать в посылках и передачах, приобретать в магазине (ларьке)

СИЗО продукты питания, кроме расфасованных в железную либо стеклянную тару, требующих тепловой обработки, скоропортящихся, с истекшим сроком хранения либо дату изготовления которых установить не представляется возможным, а также дрожжей, алкогольных напитков и пива.

Продукты питания в вакуумной упаковке промышленного изготовления с указанием сроков годности подозреваемые и обвиняемые могут получать в посылках и передачах.

Подозреваемым и обвиняемым разрешается иметь при себе, хранить и другие продукты питания, приобретенные в магазине (ларьке) СИЗО. Кроме того, им, за исключением несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, разрешается иметь табачные изделия и спички, в том числе приобретенные в магазине (ларьке) СИЗО, а также получать данные предметы в посылках и передачах.

При наличии технических возможностей подозреваемые и обвиняемые могут приобретать продукты питания, предметы первой необходимости и другие не запрещенные к хранению и использованию промышленные товары по безналичному расчету с использованием электронных терминалов.

Лекарственные препараты и витамины принимаются в СИЗО по назначению врача СИЗО.

Перечень продуктов питания может быть ограничен по предписанию санитарно-эпидемиологической службы.

Общий вес вещей и продуктов питания, которые подозреваемый или обвиняемый может хранить в камере, не должен превышать 50 кг.

Помимо перечисленного подозреваемым и обвиняемым разрешается иметь при себе и хранить документы и записи, относящиеся к уголовному делу либо касающиеся вопросов реализации их прав и законных интересов, а также бланки почтовых отправок, квитанции на сданные на хранение деньги, ценности, документы.

Последний пункт разрешил хранить документы и записи, касающиеся вопросов реализации прав и законных интересов арестантов. Это стало большим прорывом. Раньше у заключен-

ного могли отобрать копии его собственных заявлений и жалоб, если те не касались уголовного дела, а касались, например, условий содержания. Хоть до сих пор непонятно, имеет ли право арестант хранить при себе личный дневник. Или, скажем, сочиненные им стихи. Ах да, и ответы на жалобы из компетентных органов. До сих пор они... не выдаются на руки заключенным, а «оглашаются», а затем приобщаются к материалам личного дела. Как вести дальше переписку с вышестоящими органами? Как обжаловать, жаловаться, спорить? Копию ответа на руки получить можно лишь в том случае, если у тебя есть... деньги на лицевом счету. Необходимо оплатить услугу ксерокопирования, а фактически — купить у учреждения ответ на свою собственную жалобу, скажем, в прокуратуру. Кстати, я считаю эту норму закона грубо антиконституционной и удивлена тем, что никто еще не обжаловал ее в Конституционном суде. Опасаюсь, это потому, что тем, у кого нет денег на лицевых счетах, оплата представительства в этом суде не по карману.

Камера. Чем она живет, чем дышит? Для многих мечта — телевизор. Камера должна быть оснащена лишь радиодинамиком, радиоточкой (что тоже давно не соблюдается, например, в «Бутырке»), телевизор администрацией предоставляется «при наличии возможности». Телевизор — недостижимая мечта очень многих камер... Что такое это «наличие возможности»? Быть может, хорошая договоренность с оперативными сотрудниками? Тогда — есть шанс надеяться на телевизор? Телевизор (в некоторой степени и холодильник) — всегда предмет манипуляций. О, как подробно, будто полудуркам, объясняют комиссиям арестанты: понимаете... у нас — информационный голод... мы не знаем, что происходит в стране... в мире... новые инициативы нашего президента. А холодильник.... Ну, еда же портится (здесь говорят «пропадает»). Близкие покупают нам ее за большие деньги. Мы не успеваем принять ее в пищу... У нас в камере язвенники, диабетик...

Сказав однажды, многократно я повторяла: парни... мне 45 лет. У меня два высших образования. Нет смысла рассказывать мне, зачем нужны холодильник и телевизор... Я уже давно

догадалась, исходя из жизненного опыта, что один — холодит, а другой — показывает.

Унести из камеры телевизор — первоочередное наказание. Ведь телевизор — это преимущество, бонус. Их уносят, найдя в камере запрещенные мобильные телефоны и зарядки к ним (будто бы кто-то не знает, что они там есть. Их уносят, чтоб у арестантов был стимул выпрашивать эти бонусы вновь. Впрочем, любой оперативник на условиях конфиденциальности скажет вам, что слишком длительное отсутствие телефона губительно скажется на психологической атмосфере в камере. Но следует притворяться, что их там нет). В камерах периодически проводятся обысковые мероприятия именно с этой целью. Нашли запреты? Брагу (называется «бражная жидкость»), мобильник, зарядку? Прощай, телевизор. Холодильник, возможно, тоже «до свидания». Ну, а кто-то, кроме того, отправится в карцер.

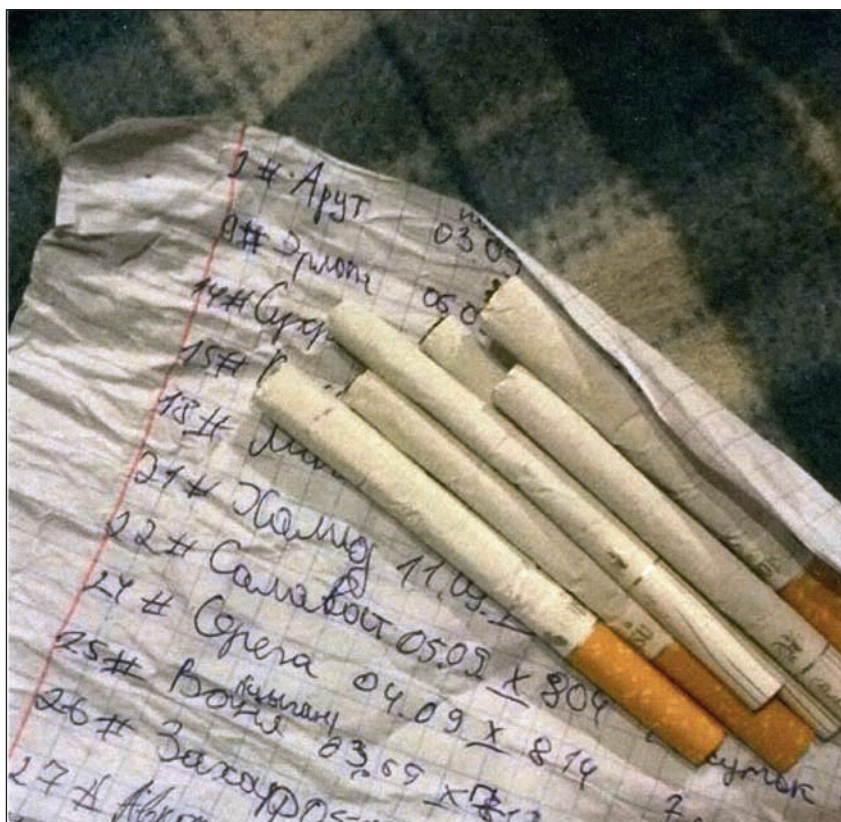
11. Карцер — маленькое одиночное полуподвальное, как правило, помещение, куда водворяют за нарушение правил внутреннего распорядка. Там кровать на день пристегивается к стене, и тебе остается лишь сидеть на узком табурете либо бродить из угла в недалекий, пять шагов, противоположный угол. В карцере запрещено курить (самое страшное наказание для курящих!), остальное — по мелочи: получать посылки и письма, заказы из так называемого интернет-магазина. Раньше в карцере также было запрещено читать любую литературу, кроме религиозной. Но в законодательство еще несколько лет назад были внесены изменения, тут я особенно злилась и всегда требовала, чтобы сотрудники эти изменения прочли и выдавали в карцеры нормальную художественную литературу. Теперь художественную литературу можно попросить в карцере любого московского СИЗО, для этого там, как и в карантинных отделениях для вновь прибывших, созданы специальные библиотечки, спасибо тем, кто нас услышал. В карцере переодевают в специальную черную одежду-спецовку с надписью «карцер». На мой взгляд, это тоже

незаконно: статья 40 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» специально обозначает, что перечень ограничений для водворенного в карцер является исчерпывающим, и ничего о переодевании и запрете курения там нет. Руководители подразделений говорили мне: послушай... допустим, ты права, но в чем же тогда будет наказание? Если разрешить курить и не переодеваться? Как же нам тогда запугивать этим карцером злостных нарушителей?

Один новый, прибывший из региона начальник СИЗО, будучи за что-то недоволен спецконтингентом, рассердился и... запретил водворенным в карцер ходить по нему в тапочках. Мотивировав это тем, что раз надо переодеваться в специальную карцерную одежду, то пусть и свои тапочки сдают, а ходят по карцеру в старых чужих растоптанных ботинках, которые выдаются узникам карцера на время прогулок. Арестанты, естественно, в ботинках в помещении ходить отказались, стали ходить босиком и обратились ко мне с многочисленными жалобами. Я действительно с таким раньше не сталкивалась и, засев за законодательство, разразилась довольно обстоятельной правовой позицией на пяти страницах, из которой следовало, каким пунктам действующего законодательства отбирание тапочек противоречит, а из каких следует, что тапочки надо немедленно вернуть. УФСИН по Москве восприняло мою позицию, тапочки вернули, а фраза «Хамят? а ты у них тапочки отбери!» употребляется теперь иногда в качестве ироничного пожелания совершения неразумных и незаконных действий из вредности или от обиды (употребляя запрещенный в тюрьме термин, но по сути — так).

Хоть в принципе отсюда видно, что особо страшным наказанием в московских СИЗО карцер (на языке арестантов называется «кича») не является. Ну а арестанты из числа лиц, стремящихся к повышению своего авторитета на субкультурной иерархической лестнице, даже и должны некоторое время проводить в карцере. Более того, в условиях перелимита в карцере есть и свои плюсы — возможность некоторое время провести в одиночестве, получить хотя бы на ночь свое собственное индивидуальное спальное место (койка в карцере пристегивается к стене и опускается лишь на

период с 22 вечера до 6 утра), а также увидеть врача: карцер, как и спецблок, — редкие места, куда врач по утрам хоть иногда, но заглядывает. Мусульмане, добившиеся оставления в карцерном помещении моленного коврика, могут поспать на нем зачастую и днем, на полу. На период водворения в карцер за заключенным сохраняются права на ежедневную прогулку, еженедельный душ, встречи с адвокатом. Ограничения на переписку, свидания и отоваривание неприятны, но переносимы, и злостных нарушителей режима содержания пугают не очень. Сигареты можно попробовать добыть у других арестантов на прогулке, а в некоторых СИЗО мне встречались тележки баландеров, заодно развозившие от солидарных арестантов связки сигарет с пометкой «карцер». Ну, или сигареты спускаются от солидарной братвы по веревкам. Вот так.

Я размещала в социальных сетях коротенький смешной текст о том, как на комиссии по водворению в карцер руководитель пытается немного сгустить «ужасы» карцера, описывая их провинившемуся и не очень хорошо понимающему происходящее гостю из ближнего зарубежья.

Полет фантазии.

may_antiwar

24 июня, 2015

Начальник СИЗО: Все! Иди. Ограничимся профилактической беседой. Но если будешь еще так делать, я тебя в карцер посажу! Понял? В карцер! А у меня там крысы, воды по колено... вообще ужас. Мечтательно: крысы там... Что еще там у меня?

Алиса, подсказывает услужливо: Змеи...

Начальник: Змеи там у меня! Понял? Э, Алиса... какие змеи?

Алиса: Водяные. Того... анаконды, раз водяные. Ну, раз воды по колено... тогда водяные заводятся.

Начальник: Того... не перегибай! не кошмарь! Нет там змей водяных! Всего в меру надо, а то перенервничает. Так, ты понял? Домой иди, домой. А то будет тебе! Не делай так больше...

В карцер можно водворить не более чем на 15 суток. Но если кого надо наказать как следует, то применяется следующая схема: после 15 суток арестанта на одну ночь «поднимают» в камеру — и затем водворяют обратно, снова на 15 суток. Такую схему называют по-разному, часто — «через матрас», — имея в виду, что одну ночь он проспал на своем матрасе в общей камере. В таких случаях мы, члены ОНК, всегда обозначали позицию: подобное неприемлемо. Хотя, в принципе, и не является прямым нарушением закона, оставляющего администрации право использовать такую простую уловку.

Карцер, как и выговор, считается взысканием. Это будет актуальным уже в колонии, если осужденный рассчитывает подать документы на условно-досрочное освобождение. При наличии

многих взысканий по УДО он не выйдет — вот это, повторюсь, основное негативное последствие всегда подчеркивает администрация, пытаясь воздействовать на арестанта — нарушителя правил.

Ну, и нельзя не сказать о возможности досрочного освобождения из карцера решением начальника СИЗО, так называемой карцерной амнистии. При подаче водворенным соответствующего заявления он может быть освобожден. Однако заявления подают редко, потому что местная субкультура вообще не приветствует написания каких-либо заявлений, в особенности — с просьбами к администрации о снисхождении. Именно поэтому члены ОНК почти всегда, когда водворенный в карцер подавал заявление на карцерную амнистию, считали правильным поддерживать такое ходатайство перед администрацией. В качестве позитивного стимулирования, воспитательной функции, возложенной на УИС, и как минимальную попытку примирения, диалога между сторонами, которые по большому счету являются воюющими (с массой усложнений, условностей, о которых я расскажу позже, но — воюющими).

Тот, кто обращался к нам и руководству СИЗО за обжалованием несправедливого водворения в карцер, чаще движим был не бытовыми неудобствами, а несправедливостью наложенного взыскания. Вот этот камень преткновения: росписи в журналах дежурств, точнее — отказ от них. Два отказа — два выговора, на третий раз возможен и карцер «по совокупности нарушений». А как согласиться, если смотрящий за корпусом расписываться не велел? Если криминальная субкультура возвела на пьедестал этот самый отказ от росписи? Если согласившись, ты нарушишь традицию и подвергнешься гонениям? Ну, а как быть сотрудникам, с которых теперь любая проверка спросит за эти самые «отказы», проверит, сколько взысканий за эти «отказы» наложено? Такими абсурдными, на мой взгляд, дровами подпитывается костер вечной войны, ставящей арестанта в условия глупого и жестокого по сути выбора. Стать изгоем или получить шанс на УДО? Ты с субкультурой или с администрацией? Прими решение! А ведь никто не отказывается от уборки в камере, в людской камере люди и живут

по-людски, не портят, где живут, о быте беспокоятся. Но смысл-то не в этом, а в росписи в журнале, или в запрете, наложенном субкультурой на нее. Кто перетянет этот канат?..

12. Для того чтобы понять, за что еще можно угодить в описанный выше карцер, необходимо вернуться в камеру и посмотреть, как там живут арестанты, чем они заняты днем и ночью. Формально они должны следовать распорядку дня, как, например, в армии или в детском саду.

Приложение № 1 к Приказу Минюста № 189 регламентирует то, что обязан делать заключенный, и то, на что он не имеет права (за этим может последовать наказание). Итак.

Подозреваемым и обвиняемым запрещается:

- вести переговоры, осуществлять передачу каких-либо предметов лицам, содержащимся в других камерах или иных помещениях СИЗО, перестукиваться или переписываться с ними;*
- без разрешения администрации выходить из камер и других помещений режимных корпусов;*
- нарушать линию охраны объектов СИЗО;*
- изготавливать и употреблять алкогольные напитки, употреблять наркотические, психотропные и другие запрещенные к употреблению вещества;*
- играть в настольные игры с целью извлечения материальной или иной выгоды;*
- наносить себе или иным лицам татуировки;*
- занавешивать и менять без разрешения администрации спальные места;*
- пользоваться самодельными электроприборами;*
- разводить открытый огонь в камере;*
- содержать животных;*

— без разрешения администрации производить ремонт сантехники, осветительных и других приборов или регулировку освещения в камере;

— засорять санузлы в камерах;

— причинять вред имуществу, находящемуся в камере;

— снимать со стен камер информацию об основных правах и обязанностях подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в СИЗО;

— оклеивать стены, камерный инвентарь бумагой, фотографиями, рисунками, вырезками из газет и журналов, наносить на них надписи и рисунки;

— при движении по территории СИЗО выходить из строя, курить, разговаривать, заглядывать в камерные глазки, поднимать какие-либо предметы, нажимать кнопки тревожной сигнализации;

— выбрасывать что-либо из окон, взбираться на подоконник, высовываться в форточку, подходить вплотную к «глазку» двери, закрывать «глазок»;

— закрывать объектив видеокамеры либо иными способами препятствовать осуществлению надзора с использованием видеотехники;

— при общении с другими лицами использовать нецензурные, угрожающие, оскорбительные или клеветнические выражения, жаргон;

— отчуждать или передавать в пользование свои личные вещи, а также приобретать их у других лиц, одалживать или брать во временное пользование с нарушением установленного порядка;

— вести переписку с нарушением установленных требований;

— накрывать и занавешивать светильники дневного и ночного освещения;

— нарушать режим лечения;

— принимать лекарственные препараты без предписания врача СИЗО, иметь их в камере больше, чем выдано на один день, за исключением случаев, когда имеется иное предписание врача СИЗО.

Следует честно признать, что бо́льшую часть времени заключенные в камерах как раз и заняты нарушением приведенных норм ПВР. Происходит это потому, что, во-первых, эти нормы приходят в абсолютное противоречие с нормами процитированного выше Уклада нашей жизни, УНЖ, который, конкурируя с ПВР, однозначно требует эти нормы нарушать, а, во-вторых, при абсолютном соблюдении данных норм довольно сложно вести нормальную жизнь, даже и не будучи злостным нарушителем режима, желающим досадить администрации. Разумеется, заключенные будут общаться с арестантами из других камер, передавать и получать в пользование свои и чужие личные вещи, накрывать и занавешивать, а то и выкручивать дневные светильники (поскольку люди вынуждены спать в две смены), будут использовать таинственные «угрожающие» выражения, потому что люди всегда так общаются, будут наклеивать что-то на стены — и постеры из журналов, и фотографии близких, и собственные рисунки, потому что хочется как-то украсить унылое помещение (иногда — сильно нуждающееся в ремонте), изготавливать и употреблять алкогольные напитки (а что остается, когда вместо пары месяцев проводишь в СИЗО пару лет? И сохрани нас Всевышний от излишне активного трафика наркотиков: не раз арестанты погибали от передоза), будут разводить «открытый огонь» перед иконами и просто так (а как иначе от спичек прикуривать?), будут содержать домашних животных (чаще всего кошек, а там, где доступ кошкам в камеры запрещен, — то и пойманных и помещенных в пластиковые бутылки дрессированных мышей), будут смотреть после отбоя телевизор и занавешивать свое спальное место, чтоб отгородиться от других и хоть немного поспать днем, раз нет индивидуального места для сна ночью. Ну а ночь — она будет полностью посвящена запрещенному межкамерному общению, звонкам по запрещенным мобильным телефонам родным и близким (хорошо, если своим, а не чужим, с целью вымогательства денежных средств), а также — «дороге». О, дорога — это точно дорога жизни. Стены большинства наших следственных изоляторов опутаны паутиной веревок, срывают

эту паутину лишь перед большими ФСИНовскими или прокурорскими проверками, дорога — это кровеносная система арестантского уклада, по ней идет беспрестанный обмен новостями, «поисковыми», «постановами», запрещенными мобильными телефонами и другими подарочками, по ней в карантин и карцер передадут чай и сигареты, по ней предупредят, что в вашу камеру (хату, Х) заехал нежелательный провинившийся перед «обществом» элемент, по ней воры, их присные и смотрящие дадут наставления... хоть последнее они скорей сделают все же по запрещенному мобильному телефону. Но телефон, если вас вызовут на связь, вам с большой долей вероятности передадут, опять же по дороге. «Дорожники» — это те, кто стоит у окна по ночам и держит связь, «гоняет коней», «конь» — это палка с крючком, которой притягивают к себе веревочную часть «дороги». Они, дорожники, обладают высокой виртуозностью «наладки трассы», они ставят сначала «контрольки», затем по дороге идет «груз». Они, будто дикие индейцы, умеют пулять из специальной трубочки не только по прямой, но и за угол, умело обходя препятствия. Иногда и среди дня случается увидеть, например в «Бутырке», небольшой, всего килограмма на три, целлофановый пакет с чем-то важным и неотложным, ползущий по веревкам с этажа на этаж. Не останавливается трасса ни ночью, ни днем... Дорога — это то, что нарушает все мыслимые предписания. Дорога — это то, что помогает выжить, но и корежит судьбы.

И, не останавливаясь, ползут по дороге такие вот поисковые и другие всякие вводные, как я размещаю ниже. Кого-то ищут. Что-то провозглашают. Удивительная дисциплина, не сравнить с полуотсутствующими росписями арестантов в журналах назначения дежурных по камере. Тюремная этика в них расписываться запрещает. Не расписался — получил выговор. Неоднократные выговоры — и ты в карцере. Мало кого это смущает, а вот в поисковых, ползущих по веревкам дороги, нет прочерков в графах ответа от камер. Вот в таких документах.

Л. У. Е.
Жизнь Верам!

Мир и благополучия Д. Н. О.!
Прозвездать и крепнуть всему
Людскому и Ходу Воровскому!

Арестанты, поводом написания данной (П) послужили следующие, а именно помогите найти людей:

1. Л. [redacted] 75 г.р. с/с Тоджики
стана г. Яйки с/с 291 г.? Более о нём ничего не известно

2. С [redacted] сам Арест с/с Сарии ранее проживал в г. 220.

Если эти люди находятся в Вашей Х., то пусть
отметятся в данной (П) и отпишутся на нас на д. На

этом stop пожелаю Вам скорейшего освобождения и
всего самого светлого от Господа Бога!

За счёту на трассе от Души!

С Укр. # 96. и бр. 6° x 109

Start: x 109

x 800 =>

x 131 =>

x 142 =>

x 141 =>

x 150 =>

x 119 =>

были переведены на другой (П)

x 137 - т.к. у

x 136 - Нелу!

x 135 - т.к. у

x 134 - Нелу!

= Диагноз:

= Никита =

= Миша =

= Воробей =

x 124 => Цени

x 106 => Нелу!

x 105 => Нелу!

x 104 => Нелу!

АУЕ

Жизнь Ворот

Мира добра и благополучия Доту Намету Обще-
му Хору Воровскому. Быть и процветать во
Все Времени. Ареванты наворот для написания

① Стали следующие обстоятельства, и именно
если есть в Вашей кате такой человек пусть
отпишется в ржаной Орисковой!

П Более о Нам ничего неизвестно. На
этот ограничуе пометов, Вот Нам Всего Святого
оли Господа Бога!

С Иск. Ар УВ x133

START ⇒ x133

x144 ⇒ Иск!	x124 ⇒ Нет!	x259 ⇒ Нам!
x122 ⇒ Нет макс!	x135 ⇒ Нет!	x258 ⇒ Нам!
x111 ⇒ Нет!	x136 ⇒ Нет!	x254 ⇒ Нет!
x101 ⇒ Нет!	x137 ⇒ Нет!	x236 ⇒ Нет!
x110 ⇒ Нет!	x138 ⇒ Нет!	x237 ⇒ Нет!
x182 ⇒ Нам!	x139 ⇒ Нам!	
x123 ⇒ Нет!	x128 ⇒ Нам!	
x112 ⇒ Нам!	x117 ⇒ Нам!	
x101 ⇒ Нам!	x106 ⇒ Нам!	
x102 ⇒ Нам!	x105 ⇒ Нам!	
x103 ⇒ Нам!	x104 ⇒ Нам!	
x114 ⇒ Нам!	x115 ⇒ Нам!	
x115 ⇒ Нам!	x112 ⇒ Нам!	
x113 ⇒ Нам!	x237 ⇒ Нам!	
	x238 ⇒ Нам!	
	x218 ⇒ Нам!	

✓100% ⊙ x133

Эта пионерская «Зарница» криминалитета может убивать, а может и воскрешать, спасать. Точней, делает она и то и другое одновременно. И о том и о другом нужно говорить.

Тюремная субкультура как форма самозащиты и спасения.

may_antiwar

13 июля, 2015

Может, это плохо мне тут гимны межкамерной связи слагать, далека я от этого, а у тюремной субкультуры есть масса минусов, писала о них неоднократно, но как наблюдатель (мне ж велено обществом наблюдать?) не могу не поделиться своими некоторыми наблюдениями. Я так с одним начальником СИЗО поделилась: а ведь в межкамерной связи, вот в этой части незабвенного АУЕ не только минусы есть, но и плюсы, верно? Во всех этих дурацких восклицаниях из окон, веревках, поисковых?.. Он сначала сгоряча нам: «Да что ж там хорошего, кроме...» Мы: «Кроме? Ну, взаимопомощи, так скажем, да?» Он: «Ну, вот, кроме этого. Хорошо. Если это не принудилровка — тогда да... А еще-то?» Я тогда сказала: «Досуг. Досуг как форма сопротивления изменившимся обстоятельствам. Я не угадала?» Он сказал: «Хм, досуг... ну да, это есть. Пусть так, ты снова угадала. На ходу ловишь, Алиса. Но совет: держи язык за зубами».

...Зловредная и запрещенная законодательством межкамерная связь, самостоятельная организация досуга, вообще самоорганизация, кажется нам, спасают от десятков и сотен суицидов. И надо, наверное, мне как-то это здесь сформулировать, даже если это кому-то и не понравится. Вот представьте себе человека, быть может, на воле — достаточно сложившегося, быть может — успешного, который волею судеб оказался в камере следственного изолятора. За дело, не за дело — неважно. Главное, что вся его былая жизнь пошла лесом, он — в совершенно незнакомых, гнетущих обстоятельствах, все уже никогда не станет так, как прежде. Он не вполне понимает, что произошло, он, может быть, подавлен, а то и раздавлен произошедшим, он не понимает, как жить и как

ориентироваться, теперь ему сержант начальник и барин, теперь таблетку анальгина придется выпрашивать со слезами, все прошлое, весь жизненный опыт восстает против такой метаморфозы, жить не хочется, будущее подернуто мраком, судьба превратилась в безликий номер дела, он один против всех, его горе уникально. Так думает впервые попавший в тюрьму, первоход, которого каждый новый день неволи отрывает, удаляет от той благополучной жизни, что жил он раньше. Итог: ужас, страдание, оторопь, отчаяние, «замкнулся в себе», попытка суицида. И не в воле и силах тюремных психологов прийти на помощь каждому, они формально соберут с вновь прибывшего анкету с довольно беспомощными, на наш взгляд, тестами-вопросами (а потом еще и на профучет по результатам, не дай Бог, поставят). Одна женщина при нас сердилась в СИЗО: я не стала заполнять анкету! Я не боюсь профучета, но мне 55 лет, меня задержали ни за что, привезли прямо из офиса, где я работала много лет, у меня гипертония, мне плохо, ПОЧЕМУ Я ДОЛЖНА ИМ ОТВЕЧАТЬ, ЛЮБЛЮ ЛИ Я ГУЛЯТЬ ПОД БЕРЕЗАМИ?! Это шутка такая?! Они больше меня ни о чем не хотят спросить? КАКИЕ БЕРЕЗЫ? Пусть дадут книжку, целую ложку, не рваную простыню, тапочки и сделают укол от давления! Неа... они мне про березы... им интересно... ИНТЕРЕСНО ИМ, ВИДИШЬ, ПРО БЕРЕЗЫ! Это как? Это зачем?

И вот деморализованный человек оглядывается по сторонам... и что же ему предлагает его новый, враз и навсегда изменившийся мир? Нужна таблетка — пиши заявление, нужен адвокат — ищи деньги, кругом — несправедливость, кругом — непонятное, кругом — чужие люди, мрак и безнадежность, света в конце туннеля нет. И тогда мир в лице сокамерников предлагает выход. Пресловутый алгоритм действий, сложившуюся иерархическую и действенную систему. Со сложившимся же распределением ролей, отработанными способами выживания, достижения тех или иных результатов. Внимание: систему НЕ ПОХОЖУЮ на все, что было раньше. И именно этим, непохожестью, в том числе ценную. Позволяющую выбрать для себя и осознать: так, этот период моей жизни будет не похож на другие, я приму его правила и буду действовать вот

так или сая. И это, как писал вождь мирового пролетариата, архиважно.

Это позволяет не сломаться, а уйти в другие, новые правила. Где каждое действие — средство достижения чего-либо. Где все отлажено, предусмотрено, отрегулировано. Где ты как бы совсем уже другой человек. Ты подстраиваешься под обстоятельства — и выживаешь. Ты просто выбираешь правила — и меняешь свою жизнь кардинально. На какой-то срок (или, что хуже, — навсегда).

Ну, и ответ на давление — сопротивление — еще никто не отменял. Сопротивление, или игра в сопротивление. Ролевая игра организует досуг и спасает жизнь и психику от крушения.

Это один умный адвокат, с которым летели мы на самолете в далекую Читу к моему арестованному внезапно другу, объяснял ему на свидании: ты просто должен отнестись к этому как к турпоходу. Представь себя в походе. Там свои правила. Ты ведь не варишь дома себе кашу в котле на костре? А там, в походе, — варишь, и тебя это не удручает. Как и еловые иглы и прочий мусор в каше. Ну вот так к этому и относиться. Пока мы тут тебя с Алисой вытаскиваем, ты соберись, да... живи иначе.

Они плетут свои веревки. И учатся многому. Совсем не всегда хорошему, это необходимо отметить. Потому что метод коллективного и индивидуального выживания неотделим, к сожалению, от богатой криминальной традиции России. В которой, повторюсь, негативного много и много. Где много преступников, там много и преступлений в стенах самой же тюрьмы. И насилие, и рукоприкладство, и вымогательство, и шантаж, и даже убийства... Почему надо бояться говорить об этом? Я не раз повторяла: «Если бы в тюрьме сидели в основном маляры — они бы стены на радость администрации красили. Но там концентрируется много преступников, и им свойственно, где бы они ни находились, продолжать совершать преступления».

Но есть ли альтернатива? Это вам не английская или испанская тюрьма, где вот тебе познавательные книги, вот курсы, вот йога, вот тренинги, вот бесплатный спортзал, вот еще

что-нибудь, где главной ценностью бывшие арестанты называют уважение к тебе тюремщиков как к человеку, человеческой единице, не потерявшей свою ценность от того, что оказался в заключении. Это — тюрьма московская, называемая традиционно «централ». Еще не худшая в России. Но тоже такая, где для государства твоя ценность сведена почти к нулю. Твой шанс и твоя ценность — только в сложившейся арестантской иерархии. Лишь там ты ценен, замечен, эффективен и ищешь понимания и пути решения вопросов. Как быть, если страна, не администрация, не предложила другого?

Еще один плюс, он же минус — АУЕ, как ваххабизм, интернационален. С определенными этническими преференциями, но это не главное. Таджикиские и узбекские арестанты пишут на стене его знак прежде, чем по-русски-то говорить научились. Они криминализируются таким образом? Возможно. Но так они и выживают. И дополнительный бонус: твоя беда не уникальна. Таких много. Ты один из всех. Шестеренка в механизме, но и самоценная среди прочих личность.

Еще один минус — все сотрудники СИЗО, от администрации до младшего инспектора, знают, что так есть. Знают про простыни, знают про распушенные на «дороги», бережно передававшиеся мамой свитера, знают про телефоны, имеют к этому, возможно, определенное отношение, а поскольку в этом участвуют все — наказать можно любого. За то, что делают все. И это будет абсолютно в рамках закона, а фактически — таким образом возможны пристрастность и дифференциация уже в отношении к этому сотрудников. Не просто возможны, а так есть. Ну, как и в самой системе: если нарушают все, то хватать можно любого, а это подразумевает избирательность. Кто не понравился — того и хватай. Что, конечно, порочный путь. Вережку тyani — жалобу не пиши. Ну, как обычно.

Да, в этом много плохого. Но в период сна системы мы не боимся сказать, как многих вот эта порочно-полукриминальная система спасла от петли. От крушения жизни и надежд. Сколько веревок, протянутых между камерами, отменили те веревки, ко-

торые свиваются петлей вокруг горла арестантов. Скольким эта система помогла выжить. При всех своих страшных и уродливых извращениях и перегибах.

Когда наступит Эра Милосердия, все будет иначе. Арестанты перестанут тянуть веревки и побегут в спортзал и библиотеку. А пока цели жизни — щипчики для ногтей, одна кровать на одного, а не на двоих, а то и троих, таблетка парацетамола и моленные коврики для мусульман. Мы не можем погрешить против истины. Мы не можем не сказать: да, у этого есть плюс. Да, оно спасает жизни. Горько сказать это, но так. Пусть так. Мы не расставляем акценты, мы — наблюдаем.

...Когда-то давно мы зашли в психиатрическую больницу «Бутырки». С прокурором. И пациенты нам и говорят: а вы принесли тетрадок? Нам очень нужны тетрадки! Ведь на листочках из них мы пишем наши заявления. Прокурор с пониманием закончил фразу: и, наверное, отдаете их сотрудникам СИЗО? «Конечно же нет! — возразили пациенты больницы. — Наши заявления мы отдаем вот сюда, по веревкам, в окно. И по нашим заявлениям нам в это окно по веревкам присылают чай, сигареты, сладкое, ну, в общем, все, в чем мы нуждаемся. Очень важное это дело — иметь бумагу для наших заявлений»...

Прокурор расширил глаза, но нашел в себе мудрость промолчать. Что с психов взять? Им — можно... Место такое.

В любой камере роли распределены: кто на дороге стоит, кто у тормозов, кто на тряпке ездит (убирает за всеми в камере), кто челобитные за всех пишет. Лодырей нет. И за всем, разумеется, наблюдает смотрящий. За смотрящим — смотрящий рангом выше, ответственный за больший участок работы. В принципе это повторяет распределение ролей и иерархию внутри самой УИС, если не во всем обществе, просто здесь это наиболее зримо, выпукло. Вместе с УНЖ (Укладом нашей жизни) в карантин быстрой ПВР (Правил внутреннего распорядка) прибывают списки смотрящих за централом и его отдельными корпусами. Так конкурируют эти нормы, ПВР и УНЖ. И если наказание за проступок против правил внутреннего распорядка — выговор или карцер,

то наказание за нарушение внутреннего уклада может быть куда серьезней — попадание в касту изгоев, неприкасаемых, клеймо, которое уже никогда не удастся с себя смыть.

Если сосуществование с сокамерниками стало для тебя по каким-то причинам невыносимым, ты можешь обратиться к оперативным сотрудникам с просьбой о переводе. Но не факт, что ты не окажешься в неоплатном долгу и эта твоя просьба не будет использована против тебя. И что оперативный сотрудник немедленно не расскажет об этой твоей просьбе всему продолу (коридору). Или что она вообще будет услышана, если оперативник занят. Выйти из камеры самостоятельно, «выломиться», отказаться туда заходить вновь — неминуемо понизить свой иерархический статус. Так из «людских» камер попадают в «красные» и в «шерсть», в «ломовые».

Низшая каста — это «обж», обиженка. Как ни странно, там тоже есть свои герои и изгои, есть, как ни странно, и популярные борцы с системой. А ведь есть случаи, когда нельзя промолчать. Когда все плюсы субкультурного уклада перекрываются его огромными криминальными минусами, когда счет идет на человеческие потерянные жизни. Когда субкультура не спасает, а калечит и отнимает жизни. Так было в четвертом следственном изоляторе в период смертей, войны и пушек. И с этим мириться было нельзя уже никак. Тогда мы не молчали. Этот монолог заключенного, попытавшегося покончить с собой и вывезенного в связи с этим в психиатрическую больницу «Бутырки», мы слушали с коллегами по ОНК Сергеем Сорокиным и Зоей Световой. Мы просили сохранить и передать в компетентные органы видеозапись разговора, сделанную на регистратор сотрудника. Как и обычно, через некоторое время нам было сказано, что запись не удалась, так как у видеорегистратора разрядилась батарея. Предвидя такой исход, я села после посещения к компьютеру и воспроизвела монолог близко к тому, как он звучал при нашей встрече.

Доигрались... Это — Москва, 2015. «Отведите меня к вору!».

may_antiwar

29 декабря, 2015

Уважаемый изолятор Москвы, сколько раз вам, уважаемый руководитель, и уже бывшему вашему заместителю по оперативной работе говорено о том, что свободно перемещающиеся по учреждению в сопровождении ваших сотрудников «смотрящий» вашего СИЗО и его веселые друзья избивают ваших заключенных и вымогают у них деньги? Сколько раз называли вам камеры и имена, сколько цитировали обращений к нам на горячую линию? Сколько раз вы округляли глаза в плане «такого не может быть!», а сколько раз после этого обещали разобраться и принять меры?.. И мы верили в вашу добрую волю и кивали головами. Думаю, сейчас все узнают изолятор. Не говорите, что не узнали.

...Из разговора членов ОНК с заключенным. Видеозапись с регистратора мы просим сохранить и немедленно передать в УСБ ФСИН, а также в прокуратуру и Следственный комитет для проведения проверки. И прошу считать данный текст официальным обращением. Те, от кого это зависит, думаю, прекрасно сейчас поймут, о ком идет речь. Просим обеспечить безопасность этого человека — в первую очередь.

Ч.: По статье 228, ч. 5 мне дали двадцать лет. Следователь приходил, хотел только денег, я на него в УСБ написал, его закрыли. А теперь думаю, не писал бы — дали бы десять. Поэтому не знаю, польза мне от общения с вами или вред?.. Но я уже больше не знаю, к кому обратиться, жизни не будет все равно. Вас я знаю, видел не раз. Вы меня не помните? Давайте поговорим, я согласен.

Члены ОНК: Вы пытались перерезать себе горло, доктор говорит, что это чудо, что вас спасли. Вас подтолкнул к этому огромный срок?

Ч.: Нет, приговор был вынесен еще в июне. Подтолкнуло меня к этому вымогательство в СИЗО, мне не оставили другого выхода. Когда Моток сказал, что меня опре делят в петушатник, если я не заплачу 500 тысяч... сунул мне телефон, сказал: звони сестре...

или — бегом в петушатник... что я должен был делать? Он — положенец, ему все верят... Он при всех уже сказал...

Члены ОНК: Можно угадаем? Игорь Мотков и Дима Сергеев?

Ч.: А, вы их знаете... да, они. Моток и этот... При Леше-небуди такого не было... Я исправно всегда, сколько мог, на общее платил, уделял внимание. Сестра восемь тысяч клала, три мне, а пять — ну, на проекты по озеленению Луны. Леша с пониманием относился, беспредела не было такого при нем.

Сотрудник СИЗО: Леша — это в смысле... да?

Члены ОНК: Да. Алексей Алексеевич. У него наколка «Не буди!» на веках, помните? Ч., расскажите, пожалуйста, как все происходило.

Ч.: Началось, когда в камере укололись трое метадонном, а на метадон на централе запрет поставлен, не администрацией, конечно, а положенцами... то есть не запрет, а как его, — ограничение. Нет... воздержание это называется. Не потому, что ширево плохо, а тянут его потому, что через передачи... ну там родственники страдают, это все не по-людски якобы, поэтому ограничение такое. И приходит в нашу хату Моток, изругал их... Но не наказал. Меня увидел, тут же переключился: давай, мол, 200 тысяч. Статья у тебя такая, барыжная. За статью плати. А у меня таких денег нет. Он говорит: дело твое. Ушел я тогда из той квартиры в красную. Ну не могу я столько уделить! Уже из соображений безопасности ушел. Сидел нормально. Но тут новая ситуация...

Члены ОНК: А что значит — Моток к вам пришел? Он сам как-то по камерам ходит, без сотрудников?

Ч.: Да вы же все знаете, а издеваетесь... Ну как по централу можно ходить без сотрудников? Это же Моток! Он — положенец! Кто его водить будет, кто двери открывать? Приведут и оставят на разговор, если ему нужно. Сами выйдут, подождут. Или к нему в хату отведут. Ну вот. Как-то напились все в нашей квартире сильно, в красной этой, один не протрезвел, бухой на проверку вышел, там женщина, медсестра, а он ее обматерил, штаны свои стянул, гениталии показал. Некрасивый, конечно, поступок, но он сильно

пьяный был. Но она-то тоже... первым делом к Мотку побежала, чтоб того краснопузого наказали. Моток приходит в хату к нам, разговор повел, увидел меня опять. И теперь говорит: с тебя уже 500 тысяч, иначе пойдешь в петушатник. Ты уже, мол, такой. Там тебе место. И при них он все это сказал. В общем, и из той хаты мне пришлось уйти.

Члены ОНК: Он сказал — они поверили?

Ч.: Он — положенец. Положенцы от воров шагают. От лица воров как бы... Хата не захотела мне больше домом быть. Если бы это жуликам нашим, ворах рассказать, как было... Но до них-то как мне дойти?

Члены ОНК: Вор один у вас сейчас остался...

Ч.: Один? Было двое. А какой остался? Хвост?

Члены ОНК: Продолжайте.

Ч.: Ну вот, и из той хаты мне пришлось уйти. Они мне сказали уйти, красные теперь. И я уже сотрудникам: ведите меня к вору! Больше никуда не пойду! Пусть он рассудит, пусть решает! А они: к вору нельзя. Пойдешь к Мотку обсуждать, туда, где котловая хата, к нему пойдешь? Или в петушатник. Так Моток сказал. Я кричу: ведите к вору! Посадили меня в бокс. Приходит Моток. Алчный он, беспредельщик. 500 тысяч, говорит, или петушатник сейчас. И телефон мне сует — сестре звони. Если что, скажи, мы вопросы со сроком твоим порешать готовы. Отвели меня в хату к нему, там их человек уже восемь, может, десять... Я не стал звонить. Порезался прямо там. Горло порезал я себе, чтоб не платить. Ну откуда такие деньги у сестры? Алчный он слишком... Сами говорят: «уголь черный, сахар белый», а сам, чтоб получить деньги, готов в петушатник загнать. А какой выход? Двадцать лет — петухом? А я всегда, сколько мог, уделял...

Члены ОНК: Подскажите нам: чем мы можем вам помочь в такой ситуации? Как лучше поступить?

Ч.: Вы только расскажите вору! В известность просто поставьте, что беспределят они, Игорь с Димой. Он же и не знает ничего, он же на изоляции, ну, это надо еще, чтоб он с вами раз-

говаривать захотел, но если он услышит — он защитит меня, вы слова мои передайте! Что быют они, что вот так, по беспределу, петухом объявляют... Это же и на него тень бросит, ему такое терпеть нельзя. Если вот так, по беспределу...

Члены ОНК: А вы не пытались выйти на администрацию учреждения? А не на воров. За защитой?

Ч.: Смысл? Ну, скажет мне оперативник, а, хорошо, переведу тебя в другую камеру. Ну, и туда Моток с Димой придут. С другими оперативниками придут. Раз они и к красным, как к себе домой... Я же много раз видел вас, хоть вы меня не помните, знаю: вы все понимаете. Нет, выхода два. Или тут меня до этапа оставить... хоть слава ведь эта и на этап долетит... мда... нет, лучше просто до вора вы доведете, он решит. Мне тогда жить дадут. А других выходов как-то, получается, и нет... Вчера я тут коллегам вашим эту историю рассказывал, не так, как вам... коротенько, так меня и здесь, в психушке, в другую камеру попросили, чтоб лишнего не говорил, на всех тень не бросал. Нет, не сотрудники. Смотрящий их, что ли... Ну, типа до выяснения всех обстоятельств... Сейчас я вам все рассказал, как было. Выясняйте.

Москва, 2015 год. СИЗО... СИЗО-8?

*Мы попросили в журнале посещений сохранить видеозапись беседы. Просим сохранить и передать в компетентные органы для проведения проверки и, желательно, возбуждения уголовного дела. И, главное, **МЫ ПРОСИМ ОБЕСПЕЧИТЬ БЕЗОПАСНОСТЬ ЗАКЛЮЧЕННОГО!** Услышьте нас, пожалуйста!*

...А то к вору за правдой идти придется... Да? Да или нет?

Мы, кстати, сходили. Пришлось нам сходить к вору. Но об этом будет в другой книге.

...Где большой разброс в условиях содержания — ну есть же разница, четыре человека в камере или 40? — там и простор для коррупции. Ухудшать условия содержания, совершенно в рамках закона, можно разными путями. Перевести из камеры на четыре человека в камеру на 40 (или наоборот, но без вожделенного мобильного телефона). Поместить на спецблок, в условия почти

полной изоляции. Поместить славянина-националиста в камеру на 30 мусульман-кавказцев (ну, или возможен обратный вариант). Простор для манипуляций весьма велик. Причиной манипуляции могут стать требования следователя, твой собственный конфликтный характер, неумение решать вопросы на диалоге, соответствующая или не соответствующая действительности поступившая информация о твоём и близких финансовом достатке.

13. Тут, наверное, надо отвлечься ненадолго от арестантов и их печалей и вернуться к членам ОНК, в частности — ко мне самой. Я все же не сидела в камерах, я по ним ходила. Маршрут (иди и смотри!) — это создаваемый до начала посещения список камер (и вообще любых объектов, включая библиотеку, храм, склады, интернет-магазин, бухгалтерию, сборное помещение, душевые и пищеблок), которые запланировано посетить. Он выстраивается из поступивших в адрес членов ОНК обращений разных заключенных и их родственников. Затем он, разумеется, видоизменяется на ходу. От криков, зова из камер, от внимательного изучения журналов регистрации заявлений, от совершенно непонятных сопровождающему офицеру внешних веяний, нам опытом и интуицией подсказываемых признаков он видоизменяется. Этого никто не мог понять: мы заходили именно туда, где были нужны, где нас ждали, сами не зная об этом. Чутье выработывалось с опытом.

А кто была я? Алиса, немолодая совсем уже девочка со светлыми, искусно якобы выгоревшими под калифорнийским солнцем волосами, в джинсах и клетчатой рубашке, с двумя тяжелыми сумками (там лежали нормативная база и благотворительность), излишне худощавая и потому выглядящая намного младше своих лет. С каким усилием, преодолевая себя, руководители учреждений, мои ровесники, называли меня на «вы». Потом бросили эту затею, и я стала для них «ты», а они для меня — навсегда остались «вы». «Ты» — это были лишь те сотрудники, с которыми пуд соли вместе съели, мои братики, и никогда — арестанты. За девять

лет «на ты» не назвала я ни одного, даже тех, кто годился мне в сыновья. Будете смеяться, но это очень важно. Это дистанция, это — самозащита и безопасность, это — знак.

Анна Геннадьевна, нет, Анна Григорьевна... нет... (почему-то заключенным решительно не удавалось мое простое отчество «Георгиевна»). Ань, ну ты послушай... ты меня узнаешь? Давно я не встречала камеры, где меня не узнал бы хоть один арестант. Помните? Мы встречались в седьмом! В третьем! В пятом! В «Бутырке»! Это же вы перевели меня сюда, в больницу: я болел! Вы ведь не можете меня не помнить! На это я заученно отшучиваюсь: простите... но я помню лишь тех, у кого нет руки или ноги. Ну, или головы, не приведи Всевышний. Не судите строго, я хожу в СИЗО каждый день, я стала забывать. Но я рада вас видеть и готова услышать ваши пожелания.

Да, у меня были, что называется, «хорошие рекомендации». Это потому, что мы заглядывали и к вора на спецблоках, и по мере сил пытались помочь и им, разумеется — лишь в законном русле: по здоровью, по условиям содержания. Но дело-то было не в этом... Актуальней была наша эффективность. О ней стали ходить легенды.

Стену молчания мы сломали. Бывало так, что пришли в камеру 300, по негласным обращениям. Нам никто ничего не говорит — все отлично, обожаем администрацию. Ну ладно, странно, сами ведь звали... ну и Бог с вами, пошли в более знакомую камеру 301. Говорим: что-то в камере 300 с нами никто не стал разговаривать. А, сейчас... Бух-бух-бух. Стучат, то есть цинкуют в стену. И затем, после коротких перестуков, нам: «Не могли бы вы вернуться в камеру 300, там к вам много обращений, врача люди месяц ждут. Они просто растерялись... Раньше не знали вас». Ну, мы возвращались. «А, так вы — такие-то? Вы — не обычная комиссия? Мы так вас ждали, вы так нам нужны!» А еще — учились обращать внимание на, казалось бы, совершенно непонятные по первости сигналы замкнутой среды. Это было особо актуально, учитывая, что все разговоры с арестантами члены ОНК могут вести лишь в зоне видимости и слышимости сотрудников и, разумеется, под прицелом видеорегистратора. Он может быть и подспорьем, и врагом, пугающим арестантов.

**Знак. Работа в замкнутой среде.
Сколько пальцев я показываю обычно?**

may_antiwar

23 июня, 2015

Вот интересно, как они этому учатся? Ведь никто этому не учит, у меня нет ни времени, ни возможности азы такие объяснять, но это — как бросить в окно табуретку, разбив стекло, чтобы дать знать, что в доме бандиты, а ты взят в заложники. Если ты не можешь по каким-то причинам говорить — дай знак, неси чушь. Чушь — она будет знак, будет пароль. Если ты сломан и деморализован, если нужна помощь — давай кодовое слово. Говори странное. Мы готовы замечать. Взглядом показывай.

Ань, все хорошо у меня, сам на все согласился. Нет вопросов к администрации... Кстати, а не зайдешь послезавтра? Вообще не по этой ситуации, я хочу про другое, за колонию в Ставрополе.

В Ставрополе? Хе... да ты ж никогда не отбывал в Ставрополе. Да я же помню, ты там не отбывал... Хорошо. Я тебя услышала. Я зайду.

Анна Георгиевна, все нормально, ситуация разрешилась, наручниками больше не пристегивают, жалоб нет, мы обо всем договорились. Но не придете ли вы на днях, я хотел посоветоваться, как оформить доверенность на маму?.. — Маму? маму... но ведь ты сирота, я помню, какая мама... А, мама... конечно, доверенность. Хорошо, мы придем.

Члены ОНК, а не заглянете на следующей недельке еще раз? Подготовлюсь получше, помните, мы с вами говорили об этом... — Об этом? Нет, мы об этом никогда не говорили на самом-то деле. Мы НИКОГДА об этом с тобой не говорили. Ну что ж, придется заглянуть.

И вот нерв не дрогнет на щеке наблюдателя, получившего СИГНАЛ. Ставрополь — так Ставрополь. Мама — так мама. Говорили — так говорили. Что ж... Что тут странного?

Интересно шифруется крик о помощи. А принимающей шифровки стороне вместо головы надо реально иметь компьютер. Ре-

спект и спасибо моим коллегам, кто слышит и фильтрует то, что иногда от усталости пропускаю я. «Ань... а ты заметила?..» Нет. Я так устаю иногда, что могу и пропустить. Спасибо вам! Отдыхай, Алиса...

...Сколько пальцев я показываю обычно?.. :)

Мне так хочется верить: закончится разведка когда-нибудь и наступит Эра Милосердия и не нужны станут навыки работы в закрытой и замкнутой среде. А пока — говорите! Мы слушаем, говорите.

Или еще смешней, из моих раздумий пару лет назад:

...Очень интересно, что все три высокие стороны: наблюдатели, представители администрации и заключенные — обладают в СИЗО-7 высоким же искусством подсказок друг другу с помощью жестов, в частности — числа незаметно, как всем кажется, показанных пальцев (кстати, я обычно показываю один, и это не неприличный жест, и не утверждение о том, что Един Всевышний, и не жест одобрения большим пальцем. Другой немного знак). И каждый думает, что это удалось сделать незаметно, и третья сторона как бы этого не замечает. :))) Иногда все стороны согласованное число пальцев якобы незаметно демонстрируют друг другу одновременно, и поэтому начинают, не разобравшись, какой знак к кому относится, путаться в показаниях, явках и паролях, а потом смотрят друг на друга изумленно, сообразив, что только что явно сказали что-то не то, потому что смотрели не туда, и непонятно, что теперь с полученным результатом опроса делать. Немая сцена возникает, занятно. Но и достаточно плодотворно, все ведь тоже друг друга понимают в результате и концентрируются на позитивных улучшениях. Коль скоро мы не враги.

Огромные женские камеры СИЗО-6 — это отдельная история. Из такой камеры можно не выходить часами: женщины не отпустят. Когда прошла пора этого молчаливого стояния перед нами немой стеной, настало время слез и откровенности: о судьбе, о болезнях, о потерявшихся личных вещах и посылках, о конфликтах между собой, с сотрудниками и администрацией, о невыносимых условиях конвоирования. Действительно, часами

мы не могли уйти из кухни (в худшие времена прямо под ногами у нас, под лавками спали женщины), и за один маршрут, посетив несколько камер, я исписывала тетрадь на 48 страниц. Далее следовало весь полученный объем информации, приехав домой, рассортировать, перевести в печатный вид, снабдить ссылками на действующее нарушенное законодательство, внести исполнимые рекомендации (всего один такой отчет мог занимать до двадцати страниц), распечатать восемь раз, вложить в восемь конвертов и направить в восемь разных адресов контролирующих и надзирающих органов.

За мной прочно зацепились клички «девочка, которая никогда не спит» и «девочка, которая никогда не ест». Я действительно лишь курила и пила кофе. График был почти смертельный, но я почти не болела: организм изыскал где-то резервы, было слишком много больных, чтоб позволить себе завалиться самой. Ну, хуже стала видеть, хуже слышать... Ну, от тяжелых сумок уже бесконечно болела поясница. Это не имело никакого значения. Боль я переношу легко. В неделю я посещала практически каждый день по изолятору. На почту запечатанные и надписанные конверты относил мой сын и отправлял с уведомлением, выстаивая каждый раз огромную очередь. Еще отчеты я по ночам размещала в социальных сетях, убрав из текста, разумеется, персональные данные заявителей. Там же я размещала сначала длинные, нудные и эмоциональные рассказы о посещениях СИЗО, затем они становились живей, многозначительней и часто лаконичней, затем... но об этой, очень важной части работы я расскажу позднее. Пока приведу один свой рассказ в соцсети о посещении СИЗО-6 в «плохие» времена, незадолго до того, как ФСИН России пошла нам встречу и услышала внезапно наш вопль: «Сделайте же что-нибудь!»

2 мая, 2016

СИЗО-шесть-это-ЖЕСТЬ! Прочтите, пожалуйста, и распространите. Вы знаете, нет больше ни одного, наверное, СИЗО в Москве, где на меня норовит нахлынуть чувство отчаяния. Мы

видим на деле полное нежелание действующего руководства СИЗО что-либо менять. Мы видим безразличие сопровождающих нас сотрудников к нуждам и тяготам арестованных женщин (хоть бы в блокнотик что-нибудь записали... неа. Им неинтересны даже слезные просьбы. Самые пустячные. Нет. Спокойствие и безразличие. Неумение или нежелание отвечать на простейшие вопросы). Абсолютный по факту отказ действующего руководства от диалога с ОНК. И это — на фоне стремительного роста перелимита. На 20 человек больше стало в изоляторе за неделю. Камеры криком кричат. Давайте дадим одной из них слово. Я попытаюсь воспроизвести по памяти и записям, а администрацию СИЗО прошу сохранить видеозапись сегодняшнего посещения.

...Начинает говорить старшая, спокойная и не очень молодая женщина. Сколько помню ее, всегда обращалась к администрации с просьбой помочь в решении той или иной проблемы, использовала приход ОНК как удачный повод к диалогу именно с сотрудниками. Сейчас женщины в камере будто в упор не видят вошедших сотрудников, обращаются только к ОНК, будто администрация для них... ну, мягко говоря, потеряна. Это серьезная смена вектора.

— Аня... Ань... — обращается старшая. — Ты скажи, куда это годится? О чем ты спрашиваешь — ты посмотри, СКОЛЬКО НАС! Это что, нормально?! О, смотри, вот они, новенькие! Во, приехали! Это до каких же пор нас уплотнять можно? Девчонки под скамейками спят, из-под стола по утрам вылезают... да я уже даже не знаю, честно говоря, ОТКУДА ОНИ ВСЕ ВЫЛЕЗАЮТ! Сама не верю... Теперь их на 12 уже больше, чем кроватей! А, нет — на 13! Откуда у тебя 9? А, старый отчет, недельный, читаешь? Да пора уже новый писать, ты пиши, что нас теперь 54! Мест — 41. Беременная вон на сломанной раскладушке спала, нашли место, переложили беременную... Старуха на пол ради нее легла. Сколько народу сюда можно натолкать?

Так, теперь скажи: что нам теперь делать с шампунем? Через передачи его запретили, кто это придумал? Девчонки есть нищие, как они будут эту «Чистую линию» за 150 рублей в интернет-магазине покупать? Вот она... у нее папа-пенсионер в Энской области,

пенсия десять тысяч... ей что делать? Беременная... Ей как этот шампу-у-унь по цене боинга покупать?.. Аня, почему укроп запретили принимать, зелень? Мы сидим тут ГОДАМИ! Нам витамины откуда брать? Они молочку запретили всю, кисломолочное!.. Аня, ты не поверишь: в камере 54 человека, у нас **ВООБЩЕ НЕТ СИГАРЕТ!** Их просто нет! Из интернет-магазина этого с 17 апреля что заказано — ничего не принесли! Ты можешь что-то сделать с этим? Почему так над нами издеваются?!

...Бумаги туалетной нет. Из магазина не несут. В передачах запретили. Наборы не дают. Мы женщины, мы не хотим заср...ми быть! И они к нам пришли до праздников, администрация (снова презрительный взгляд поверх голов сотрудников), говорят: проблемы есть у вас? Мы начали о проблемах... а они в ответ: ну все, девочки, счастливой вам Пасхи. Развернулись, дверь закрыли и ушли.

...Мы им вслед: стойте! куда же вы! проблемы! у нас нет туалетной бумаги!.. Вы же спросили сами, мы же начали говорить!..

Аня, они даже слушать не стали. На полуслове просто ушли. С праздниками, говорят, девочки... Да как же это так? Даже не дослушали! Когда такое было, чтоб **ДАЖЕ НЕ ВЫСЛУШАЛИ?**!

Какой еще гинеколог всех вновь поступающих осмотрел? Что это ты такое нам вслух читаешь? Хм, ответ из прокуратуры на наши обращения? Интересно... О, новенькие, кто тут — ты, ты, ты? Кого гинеколог осмотрел при поступлении? Тебя осмотрел? Нет. Иди. Тебя? Нет. Ясно. Аня, что ты спрашиваешь, ты не знаешь, что два месяца не было гинеколога вообще? А, тебе для отчета «с наших слов» надо... Ну да, мы понимаем. Вот, записывай фамилии, не осмотрел их никто. Ошибается твоя прокурату-у-уура...

У нас в камере были виши, Аня, виши! Мы к сотрудникам, к врачам, а они: брейтесь наголо, мази нет! Вот и вся помощь. Счастливой Пасхи. Брейтесь наголо. Но мы ведь женщины, как и они?.. Это как же так — брейтесь наголо?..

...Вот этот гинеколог, который типа всех при поступлении «осмотрел», — он, может, примет хоть тех, кто ему заявления

подавал? Надеемся, спасибо большое. У одной кровотечение какой-то месяц... другой спираль вынуть надо... Вот беременная не спит, мучается... Да пойдешь сюда! Скажи как есть!

На зов старшей выходит хрупкая, невесомая, визуально — явно анемичная девушка, худенькая блондинка. Какой месяц? Восьмой. Гинеколога видела где-то месяц назад, очень просится на прием к врачу. Вы попросите? Можно? Спина болит... невыносимо. Пальцы немеют на ногах и руках. А можно попросить, чтоб через передачи хоть рыбу разрешили передать? Так хочется ведь что-то есть! По дополнительному питанию яйцо дают... молоко иногда... масло... Но разве этого ребеночку хватит на целый день? Одного яйца? А другое... каша утром. А ДРУГОЕ (на глазах, похоже, выступают слезы), ДРУГОЕ Я ЕСТЬ НЕ МОГУ! Я пытаюсь! Но вы его... попробуйте. Тошнит... эта рыба... запах этой капусты... от него одного такая изжога... (Капусту я пробую, простите, но сегодня она действительно отвратительна. Камеры ее практически не берут, но куда деваться от запаха?)

Женщины: Да скажи ты как есть! Скажи ты им, что в обморок падаешь! Чего уж молчать? О ребенке подумай!

22 года. Первая беременность. Восьмой месяц. Им с будущим ребеночком нужно что-то есть, чтоб остаться и родиться здоровенькими.

Аня... Аня... (нарастает гул). Аня... спрашиваешь, почему мы заявления в выходные не подаем? КОМУ?! КТО У НАС ИХ ВОЗЬМЕТ?! (это потом подтвердят все опрошенные камеры). Сотрудники не принимают заявления в выходные. Только в последний день перед рабочим (грубейшее нарушение 189-го Приказа). Что ты опять подписи сравниваешь? Ты же знаешь, что они сами за нас расписываются! Нас врач не принимает, а они за нас расписываются, что якобы принял! Справки про здоровье для суда просили... ничего не выдали. Когда вы приходите — они хоть что-то делают. А так... сплошное «Счастливой Пасхи!»

А долго они будут нас унижать? «Голым днем» своим? Что им до наших желез этих молочных? Что они там ищут у нас? А, татуировки, кожные высыпания, следы побоев? А что — это все только

на грудных железах бывает? Больше нигде? А, еще голени иногда смотрят. Понятно, вши их не заинтересовали, им до грудных желез интересно очень. Пусть в медкабинет ведут. Не хотим раздеваться в коридоре... Есть и хуже этого. Почему нас перед судом и после заставляют трусы снимать и приседать? Кто это разрешил? Это не издевательство? У нас нет человеческого достоинства? Они как больные — дай только наши трусы посмотреть! Прокладки заставляют отклеивать, прости, Аня, но тампоны ОТТУДА вынимать! Пятидесятилетняя женщина трусы снять должна перед ними и приседать! Это что — нормально? Ты как считаешь — нормально это?! (В СИЗО-6, подтверждают сотрудники, до сих пор нет современной досмотровой установки, как в большинстве изоляторов Москвы, которая позволила снять вечный конфликт с полными обысками). Елена Степановна, тебе после майских в суд ехать, скажи, ты будешь для них трусы снимать?

Пожилая седая стройная женщина спокойно и даже как-то обреченно качает головой. Нет, я не буду. Я ведь сказала: НЕ БУДУ. Не буду ни снимать трусы, ни приседать. Пусть делают, что хотят. В карцер — так в карцер.

Аня... ну, они нас не слушают, послушайте вы. У нас ничего уже нет. Кроватей — нет, здоровья и лечения — нет, прав — нет, еды для беременной — нет. Сигарет, бумаги туалетной, зелени, витаминов у нас нет. Но чувство собственного, женского достоинства у нас есть. И мы хотим его отстоять. Так больше нельзя. НАС 54 ЧЕЛОВЕКА! 11 спят НА ПОЛУ! Так нельзя с нами... а они поулыбались и ушли. Просто расскажи всем, сколько нас здесь. Что здесь с нами происходит.

...Мы уходили из одной камеры, нас окликнули: а можно еще один вопрос? Можно смотреть Всенощную службу? — Я: в каком смысле? — Ну... по телевизору. Так можно, нельзя? — Я рявкнула: Давайте по сути! Что за загадки?

...Одна верующая православная женщина смотрела в ночь Пасхи службу по телевизору. Тихо, никому не мешая. И вместе с ней смотрела вся камера. Пришли сотрудники и составили на нее рапорт. Хоть она просила, пыталась объяснить, как это важно для нее...

...Мы уж промолчим, какими они словами обозвали нас при этом, — негромко, но довольно зло, точнее, нет — просто опять с этим непонятно откуда возникшим вдруг у арестанток презрением говорит одна из сокамерниц.

Ну да... и составили на нее рапорт за просмотр телепередач в ночное время. Теперь выговор. Вы знаете, вся камера написала объяснительную... за эту молодую женщину (назовем ее Мария). А сотрудники посмеялись и эту объяснительную разорвали. Оставили только от нее одной. Вы не подумайте, что это отмазка такая, чтоб телевизор по ночам смотреть... Мы знаем правила, мы соблюдаем. Но она по-честному постилась. 40 дней. И это — Всенощная служба! А смотрели мы все!

Мария: Да... я не первый год в СИЗО этом. Каждый пост держала, и службу смотрела всегда. Мне это было так важно... Нам никогда не запрещали, всегда входили в положение, ведь это важный для многих праздник. Окончание поста. Важный для верующих день. И никогда не было, чтоб вот так... я не ожидала, что это, посмотреть службу, — такое серьезное нарушение... Нет, виновата — так виновата. Просто девочки расстроились из-за меня. Им кажется, что это несправедливо — отвечать мне одной. Но администрации видней.

Женщины: вы попросите, чтоб Марию не наказывали? Ведь никто не спал, она никому не мешала, мы все смотрели! Почему наказывают только ее?

Мы: Да, мы попросим, чтоб ее не наказывали.

Уважаемая администрация, вы редко снисходите до общения с общественными наблюдателями (в другой камере: а как мне попасть на прием к руководству? Члены ОНК: кажется, ничем не можем вам помочь. С некоторых пор тоже, к сожалению, не знаем, как нам в СИЗО-6 попасть на прием к руководству). Но вот обращаемся: мы так поняли, что большинство проблем спецконтингента рассматривать и решать вы не можете или не хотите — это стало слишком сложно для вас. Но вы можете сделать хотя бы пустяк. Не требующий больших финансовых затрат, как написано в инструк-

ции ФСИН по взаимодействию с ОНК. Не наказывайте Марию. За просмотр по ТВ Всенощной Пасхальной Службы. Или?..

Ну, вы же пожелали девочкам, отмахнувшись от их проблем и закрыв за собой дверь переполненной камеры, «счастливой Пасхи»? Вы ведь не издевались?

Ну, а хотите — наказывайте. Наверное, мы уже на том рубеже в СИЗО-6, где «чем хуже — тем лучше».

И я повторю вам тысячу раз, лично для вас песенку «То не море-океан — стонут души россиян». В вашем. Изоляторе. Стонут. Души и тела женщин. Эта песенка ваша, и нет для вас у нас другой песенки. (Надеюсь, когда-нибудь кто-то за это ответит.)

Не знаю, удалось ли мне полностью отразить атмосферу в камерах женского СИЗО на тот период. Свою публикацию о нем моя коллега по ОНК журналистка Ева Меркачева назвала «СИЗО-666». Ну, а официальный призыв о помощи выглядел так:

Директору ФСИН России Корниенко Г.А.

Заместителю прокурора г. Москвы Маркову Б.П.

*От заместителя председателя ОНК г. Москвы Меркачевой Е.М.,
заместителя председателя ОНК г. Москвы Мамилова М.Б.,
членов ОНК г. Москвы Бабушкина А.В., Масюк Е.В.,
Каретниковой А.Г., Абдуллаевой Е.В., Световой З.Ф.,
Пешкова М.Р., Покрас А.Я., Сорокина С.Е.*

Уважаемый Геннадий Александрович!

Уважаемый Борис Петрович!

Вынуждены довести до Вашего сведения информацию о критической ситуации с соблюдением прав человека в ФКУ СИЗО-6 УФСИН России по г. Москве, грубейших нарушениях действующего законодательства, которые видят и фиксируют члены ОНК при посещениях на протяжении марта—апреля 2016 года.

Согласно п.10 статьи 17 ФЗ-103, «подозреваемые и обвиняемые имеют право на восьмичасовой сон в ночное время», а также,

согласно ст. 23 ФЗ-103, «Подозреваемым и обвиняемым предоставляется индивидуальное спальное место».

Согласно ст. 23 ФЗ-103 от 15.07.95 г. «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», «...норма санитарной площади в камере на одного человека устанавливается в размере четырех квадратных метров».

Однако на 15 апреля 2016 года при лимите наполнения СИЗО-6 892 человека фактически в СИЗО, по информации, представленной администрацией, содержалось 1415 человек. Таким образом, превышение лимита содержания составляло 58,6 процента.

В то же время следует отметить, что сам лимит наполнения в СИЗО-6 существенно завышен. Ранее лимит содержания в СИЗО-6, по словам сотрудников СИЗО, составлял не 892, а 600 человек, согласно нормам площади. Таким образом, скрытый, латентный перелимит существенно выше.

Это можно проиллюстрировать на примере произвольно выбранной камеры 301. Данная камера имеет метраж 124 кв. метра (82 кв. м «спальной» площади, 21 кв. м кухня, 14 кв. м — санузел). При соблюдении нормы ФЗ-103 4 кв. м на человека метраж камеры должен составлять не 124, а 184 кв. м, то есть на 60 кв. м больше. Фактическое наполнение камеры на 16.04.16 — 53 человека, женщины. При таком наполнении метраж помещения должен составлять 212 кв. м., то есть на сто метров квадратных больше фактически наличествующего.

Тем не менее при площади 124 кв. м камера оборудована 46 кроватями, индивидуальными спальными местами на обоих ярусах. Таким образом, даже при нахождении в камере лишь лиц, обеспеченных индивидуальными спальными местами, латентный перелимит из расчета по 4 кв. метра на человека превышает лимит содержания в полтора раза. При нахождении в камере 53 женщин лимит содержания в камере 301 превышен на 71 (!) процент.

Фактически на одну арестованную женщину в камере 301 приходится не 4, а 2,33 кв. м, то есть почти в два раза меньше, чем гарантировано законом.

На практике это означает, что арестованные женщины не могут осуществлять свои законные права, включая право на защиту, на гигиену, на охрану здоровья, они спят на полу, на сквозняке у окон, в душном помещении отсека для приема пищи, в камере отсутствуют скамейки у столов по числу лиц, содержащихся в камере, негде писать, в том числе — ходатайства и апелляционные жалобы, работать с документами. Третий этаж основного режимного корпуса заражен тараканами, и тараканы в больших количествах ходят по спящим женщинам, попадают в пищу.

В силу огромной скученности возрастает угроза эпидемий, включая такое социально значимое заболевание, как туберкулез. Нередки случаи попадания лиц с выделяющей формой туберкулеза в общие перенаселенные камеры, в результате чего десятки женщин, включая беременных, были поставлены на ГДУ-4 как контактировавшие с лицами с выделяющей формой туберкулеза. Имели место случаи заражения педикулезом.

Данная ситуация является возмутительной, критической и грубо нарушающей закон. 523 человека незаконно сверх лимита содержатся в камерах ФКУ СИЗО-6 г. Москвы свыше и так завышенного (как было продемонстрировано цифрами ранее) лимита наполнения изолятора! Грубо нарушаются права всех 1415 человек, находящихся в следственном изоляторе!

Кровати раскладные в достаточном количестве отсутствуют даже в тех камерах, где они могли бы быть размещены по метражу. Ситуация навеивает неприятные воспоминания о Гражданской войне двадцатых годов двадцатого века и тифозных бараках. Условия содержания женщин, чьих-то матерей, жен и сестер, являются антигигиеническими, противозаконными, противоестественными и практически пыточными. Одежда тонкие и не греют, матрасы изношены, однако заменить их на более целые по просьбам женщин, обращающихся с заявлениями, практически не представляется возможным. Мы полагаем, что сложившаяся в столице нашей Родины (!), в московском изоляторе ситуация является бесчеловечной, антигуманной, позорит нашу страну.

Исполняющий обязанности начальника ФКУ СИЗО-6 майор внутренней службы Обухов уклоняется от устных ответов на вопросы, какие меры предпринимаются администрацией для выправления ситуации, соблюдения действующего законодательства, рекомендуя членам ОНК формулировать их запросы в письменной форме и цинично утверждая, что законность в СИЗО-6 соблюдена в полном объеме, а наша «писанина» ему «ничем не грозит». В такой ситуации мы вынуждены обратиться в прокуратуру, ФСИН России, а также в средства массовой информации для привлечения внимания общественности и принятия мер реагирования на массовые и вопиющие нарушения действующего законодательства в СИЗО-6.

Санитарная норма представляет собой размер жилой площади, достаточной для нормальной жизнедеятельности человека. Таким образом, 1415 человек в московском СИЗО-6 лишены права на нормальную жизнедеятельность, грубо нарушены их первейшие права.

В соответствии со ст. 23 ФЗ-103 «подозреваемым и обвиняемым создаются бытовые условия, отвечающие требованиям гигиены, санитарии и пожарной безопасности».

В соответствии со ст. 23 ФЗ-103 «подозреваемым и обвиняемым предоставляется индивидуальное спальное место».

В соответствии с п. 10 ст. 17 ФЗ-103 «...норма санитарной площади в камере на одного человека устанавливается в размере четырех квадратных метров».

Данные положения закона в ФКУ СИЗО-6 УФСИН России по г. Москве, по мнению членов ОНК, грубейшим образом нарушены.

В связи с вышеизложенным, просим:

1. В кратчайшие сроки провести совместную с ОНК г. Москвы и санитарной службой ФСИН комплексную проверку СИЗО № 6 с изучением покамерного плана, выездом на место, фиксацией (включая фото и видео) количества содержащихся в камерах лиц, разместить данные о результатах проверки на официальных сайтах ФСИН, прокуратуры г. Москвы, УФСИН России по г. Москве

в открытом доступе, проинформировать о сложившейся ситуации председателей Мосгорсуда и районных судов г. Москвы, уведомить о дате проведения проверки.

2. Принять в пределах своей компетенции меры к устранению нарушений действующего законодательства в ФКУ СИЗО-6 УФСИН России по г. Москве, устранить возмутительные и вопиющие нарушения закона.

3. Назначить проведение проверки в порядке ст.ст.144-145 УПК РФ в отношении исполняющего обязанности начальника ФКУ СИЗО-6 УФСИН России по г. Москве майора внутренней службы Обухова А.В. по признакам преступлений, предусмотренных ст.ст.125, 285, 286, 293 УК РФ, при подтверждении изложенных фактов привлечь Обухова А.В. к предусмотренной законом ответственности за допущенные нарушения.

4. О принятом решении подробно и по существу поставленных вопросов уведомить председателя ОНК г. Москвы, а также заявителя, члена ОНК г. Москвы Каретникову А.Г.

Члены ОНК г. Москвы.

Не знаю, что уж произвело большее впечатление — эти всегда с трудом дававшиеся мне расчеты или публикации в СМИ, но, как я уже писала, после широкого общественного резонанса случилось очередное чудо: состоялось большое общее посещение шестого следственного изолятора, ситуация в скором времени была исправлена, и с этого начался новый, куда более конструктивный этап нашего взаимодействия с ФСИН России и УФСИН по г. Москве. Разрешили овощи и фрукты!

**ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА
ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ**

УПРАВЛЕНИЕ ПО Г. МОСКВЕ

(УФСИН РОССИИ ПО Г. МОСКВЕ)

Нарвская ул., 15-а, г. Москва, 125130

тел. (495) 450-53-83, факс (495) 450-53-72,

e-mail: fsin99@mail.ru

Начальникам
ФКУ СИЗО-1, 2, 3, 4, 5, 6

24.06.2016 № 50/ТО/1/27-450

На № _____

О направлении информации

Информируем Вас о том, что УФСИН России по г. Москве получено предписание начальника ФКУЗ ЦГГСЭН ФСИН России от 24.06.2016 №58, согласно которому необходимо:

1. Отменить рекомендуемый, ассортиментный перечень продуктов питания, разрешенных для передачи в следственный изолятор, утвержденный начальником УФСИН России по г. Москве полковником внутренней службы А.Н. Тихомировым и согласованный главным государственным санитарным врачом УФСИН России по г. Москве капитаном внутренней службы Н.Б. Панфиловой от 06.05.2013.

Срок: немедленно.

2. При приеме продуктов питания руководствоваться приложением №2 к приказу Минюста России от 14.10.2005 №189 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов УИС», запретив к приему: продукты, расфасованные в железную либо стеклянную тару, требующие тепловую обработку, скоропортящихся (продукты питания с ограниченным сроком реализации (менее 72 часов)) и подлежащие хранению при низких температурах (не выше +4 градусов С), а также все продукты с истекшим сроком годности либо с датой изготовления, которую не возможно определить.

Срок: немедленно.

3. Не рекомендовать при приеме в учреждение ограничения ассортимента фруктов и овощей (овощей, не требующих тепловой обработки), а также фрукты и овощи должны быть целыми, не нарезанными, без признаков порчи, в упаковке с указанием даты упаковки (или срока годности).

Срок: немедленно.

4. Соблюдать, чтобы все продукты были в упаковке промышленного изготовления с указанием сроков годности.

Комментарий в Facebook от Евы Меркачевой:

Много лет заключенные московских СИЗО не могли получать в передачах и посылках огурцы, помидоры, зелень. С чем это было связано? Вот с этим документом (отмененный приказ), где написано «категорически запрещается» и который, уж простите, хочется назвать обыкновенной дуростью. Еще не принимали груши и бананы почему-то... Во время совместной проверки СИЗО-6 членами ОНК и руководства ФСИН заключенные и рассказали об этом зам директора. Он так удивился, когда узнал. И вот появился новый документ — «не рекомендовать ограничение овощей и фруктов». То есть будут теперь все овощи и все фрукты без ограничения! Ура!! Это победа!!! Спасибо Анне Каретниковой, спасибо Кристине Белосусовой и особая благодарность замдиректора ФСИН Валерию Максименко. Если бы такими людьми чести и слова были все офицеры, многое бы было по-другому.

Ааааа! и еще P.S. из Facebook. Пусть так! :))

Александр Редькин:

Ева, сегодня при посещении СИЗО мне мой подзащитный гордо заявил — Вы знаете, нам теперь разрешают огурцы, помидоры и т.д., и этого добился наш «Положенец», он наехал на администрацию, и они разрешили! Я долго смеялся, но потом рассказал ему, кто действительно добился этих разрешений. Так вот мой подзащитный, по-моему, так и не поверил и думает, что это их «Положенец»! Вот такие байки распускают эти положенцы среди заключенных, приписывая себе чужие заслуги! Подло, ну и хрен с ними! Главное — мы знаем, кто и что делает!

Меркачева Ева: Главное — дело сделано!! :))

Именно так. Какая разница — кто.

Стало не так страшно и беспросветно, на наши отчеты, что я писала по ночам, стали отвечать (и даже иногда добавлять в оконцовочке «с уважением», я смеялась: не то, что раньше — «с глубоким отвращением»), да и вообще сказали: а что вы по

телефону-то не звоните? Вот вам телефонные номера, вы набирайте сразу, если что... Но это уже было почти что завершение моего третьего срока в ОНК. Улучшениям предшествовало восемь лет работы в «ручном режиме», когда мы выстраивали отношения с руководством каждого изолятора (иногда они не выстраивались), доказывали свой профессионализм (он неуклонно повышался), ссорились, мирились, допускали ошибки и пытались их исправлять. Порой приходилось и руки выкручивать друг другу, разумеется. Являясь сотрудником УИС, я не готова до сих пор говорить об этом откровенно, но вот, например, выразительный пример такого нашего аллегорически зашифрованного взаимодействия:

«Ищи вчерашние будете? Тогда приходите завтра».
О несостоявшихся публикациях.

may_antiwar

20 октября, 2016

Разговор двух неглупых людей.

Член ОНК: Как же вы достали, КАК ЖЕ ВЫ ДОСТАЛИ! Опять вымогательство у вас, подозрение на коррупционную составляющую, крики родственников, жалобы, бардак!

Руководитель СИЗО (якобы недоуменно): Ты это откуда взяла?

Я: Да это во всех газетах, в новостях написано!

Руководитель (вкрадчиво): В каких, Алиса, газетах?

Я: В каких?! А вот в таких! В ЗАВТРАШНИХ!!

Руководитель: Хм... так в ЗАВТРАШНИХ? А, подожди. (Берет блокнот и ручку.) Ну что ж, завтрашние публикации можно и обсудить. Возможно, еще успеем внести кое-какие коррективы, верно?

Я, доставая записи: Конечно, давайте попробуем. Я совершенно не против.

...А вот и еще пример конструктивного и всем сторонам полезного диалога:

Правильный заход.

may_antiwar

30 мая, 2016

Я, по телефону: уважаемый Иван Петрович, прощения прошу, что тревожу дома в выходной, но мы к вам в домик-изоляторчик пришли, а у вас вот тут в камерке голодающий, говорит, что ему медпомощь не оказывают, и вообще, похоже, на голову больной, заиграл, кукушечка рядом пролетала-запела, к тому же эпи-синдромчик, таблеточки ему не дают, нельзя ли его на «Бутырку», в психиатрическую больницу, в наш сумасшедший домик? Его бы там полечили...

Начальник учреждения: тьфу на тебя, опять начинается, он вообще здоровый, подъездает, понятно, по ночам, из-за дурака машину вызывать не буду, в выходные дергаешь, пусть себе в удовольствие голодает.

Я: ой, Иван Петрович, ну поверьте мне, он вообще псих, он тако-о-ое рассказывает... ой...

Начальник учреждения: да какой он псих, здоровей меня. Не повезу в дурку, сказал! Дай отдохнуть! А что он там тебе, кстати, рассказывает?

*Я: ой, он рассказывает... такие глупости рассказывает... смеяться будете... ну он рассказывает, что в его камере *** Абдул с Ефимом в картишечки играют, со всех коммерсов денежки вымогают, а чтоб он этого никому не говорил, так ему по поручению оперативных сотрудников смотрящий и криминалитет передние зубы выбили, еще одному пацанчику ногу сломали, а сами дальше денежки у родственников вымогают... ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ??? Он и жалобу в прокуратуру написал...*

Начальник учреждения, изменившимся голосом: ДА ЭТО ЖЕ ПСИХ! Надо НЕМЕДЛЕННО вызвать психовозку! Ты оттуда звонишь? С поста? Из кабинета? Где ДПНСИ? Пусть машину вызывает, в дурку увозит. Срочно! Немедленно! Передай там трубку кому-нибудь ответственному!

Я: спасибо большое. Нате, нате трубку...:)

Ну и с любой мотивацией добрые дела всегда были актуальны, даже если воспринималась она не совсем так, как мы ее себе представляли.

Цена вопроса.

may_antiwar

12 октября, 2015

Вот очень частая ситуация. Парень-арестант в осужденке сидит, этапа ждет. А куртку в общей камере забыл. Холодно.

Члены ОНК сотруднику СИЗО: а давай ему куртку принесем? Позвони, скомандуй.

Сотрудник, безразлично: а зачем? Сам забыл, сам и виноват.

Члены ОНК: ну, понимаешь, вот принесут ему куртку, он в ней поедет на этап, не замерзнет и будет добрым словом всегда вспоминать майора такого-то и члена ОНК такую-то, будет думать, что не все мы тут гады, с ним, может, осознание от этого случится, от доброго дела, он на путь исправления встанет, и нам всем приятно будет, цена вопроса такая... Понял?

Сотрудник, воодушевленно: а, я тебя понял! Снимает телефонную трубку. Петров! Слышишь? Куртку сейчас из камеры такой-то заberi и отнеси в такую-то такому-то. Что — зачем? Потому что я сказал. Опять — зачем? непонятливый ты какой... Цена вопроса такая: тут у меня в кабинете члены ОНК сидят и в журнал запись пишут. И они либо гадость сейчас какую-нибудь напишут... либо не напишут. Наоборот, хорошо про нас напишут. А Управление — почитает. Понял, нет? Да побыстрей, отчитайся потом, они ждут. Зачем... Спрашивает он меня еще... Всем понятно, зачем...

Главк на плоды мои ночных бдений иногда отвечал так:

МИНЮСТ РОССИИ
ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА
ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ
ПРАВОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ
(ПУ ФСИН РОССИИ)

Житная ул., 14, Москва, ГСП-1, 119991
тел. (495) 983-90-11, факс (495) 983-90-76

18.08.15 № УСК-13-52468

На № _____

Члену общественной
наблюдательной комиссии
г. Москвы

А.Г. Каретниковой

м. Каретный пер., д.12
г. Москва, 127051

Правовым управлением Федеральной службы исполнения наказаний рассмотрен Ваш отчет от 13.07.2015 исх. № 64\СИ8\па-2015 по итогам посещения ФКУ СИЗО-8 УФСИН России по г. Москве (далее – СИЗО-8, учреждение), в которой отражены рекомендации к устранению выявленных недостатков.

Согласно информации, представленной территориальным органом ФСИН России, значительная часть замечаний к деятельности СИЗО-8 в настоящее время устранена. Кроме этого, за допущенные нарушения в служебной деятельности заместитель начальника учреждения [REDACTED] привлечен к дисциплинарной ответственности.

Выражаем Вам благодарность за активное участие в осуществлении общественного контроля в местах принудительного содержания, и информируем, что иные рекомендации, изложенные в справке, приняты к сведению и будут учтены в организации работы СИЗО-8.

Начальник

Л.Л. Климаков

14. А вот взаимопонимания с УФСИН по г. Москве достичь не удавалось. Даже то условное, эфемерное, что существовало в пору руководства Управлением Анатолием Николаевичем Тихомировым, при смене руководителя куда-то исчезло. Мне не хотелось бы сейчас подробно останавливаться на этом. Когда мы только пришли в СИЗО, сотрудники видели в нас этакий казус, затем они увидели врагов, которые явно намерены выносить сор из избы. И еще чуть позже эти «враги», наблюдатели, показали зубки и обозначили намерение наглотать. Оказалось, что от них не так просто отмахнуться. Правозащитник Андрей Бабушкин однажды смешно описал привычный, «парадный» визит «комиссии» в исправительную колонию, перескажу своими словами: *вот, комиссия приехала, с офицерами по дорожкам прошлась, посмотрела: так, травка ровно выкрашена-подстрижена? Заключенные по росту все перед нами выстроились? Жалоб, разумеется, нет? Ну, все, приняли в кабинете руководителя под конфетки по сто граммчиков за права человек, сели в машины и уехали*. Нормальная ситуация, вестимо. И тут сотрудники стали понимать, что мы — не такая комиссия. Кому-то это нравилось, кому-то — нет. Чаще не нравилось, конечно. И система включала рычаги противодействия.

«Ты меня ругаешь, что я стал другим... — говорит нам условный начальник оперчасти Петров, — а что ты хочешь — я заместитель. Мой другой начальник стал с вами курить, обедать, кофе пить, говорил, что вы нормальные, рекомендуете — по делу, помощь привозите, заступиться за нас, сотрудников, можете, помогаете... А новый начальник пришел — его первый зам из Управления накрутил: мол, не слушай ОНК, не слушай Каретникову, воли ей не давай, плюй на них, будет классно. Я говорил, что это неправильно, кажется, добром не кончится, у нее тысячи фоловеров и завязки черт знает где, но кто я — а кто он? Тот — и.о. начальника УФСИН. Я предупреждал... что я еще делать должен был?..»

И — да! Как умели поддержать меня коллеги!

...За что обожаю своих коллег. Выйдя из одного СИЗО, злобно жахаю по своей машине: тьфу ты, отнимают наше время, болтают невесть и абы что...

Коллега Сергей Егорович: Анечка, да брось ты, лучший изолятор, здесь дают для осмысления столько информации...

Я: коллега, какой информации? Нас заваливают здесь дезинформацией!

Коллега: но разве ты не знаешь, что дезинформация — лучшая на свете информация для того, кто хочет услышать и обладает минимальным аналитическим инструментарием? Алиса, не психуй, будь рациональна!

Я: ну да, все так.

Коллега: тогда чем ты недовольна?

Ну так как... мирозданием. Но о другом. Вы полностью правы, коллега, как обычно.

Мы всегда работали «под прицелом видеорегистратора» (так, по-моему, называлась статья члена ОНК журналистки Елены Масюк в «Новой газете»). По записям этих регистраторов, если бы кто-то захотел, можно было бы снять фильм, и это был бы главный кинолента моей жизни, а может, — обучающая программа. Носимый видеорегистратор, закрепленный на форменной одежде сотрудника, — вещь важная и полезная, она актуальна и в спорной или конфликтной ситуации, и если вдруг заключенный решится изложить важные сведения о нарушениях, вымогательстве, насилии. Не факт, что он повторит это еще раз. В то же время регистратор заставляет и арестантов, и членов ОНК, и сотрудников СИЗО держать себя в рамках и не увлекаться в горячей полемике. Но ими, регистраторами, можно оказывать и давление. Если три сопровождающих сотрудника на вытянутой руке буквально суют тебе или арестантам в лицо эти самые видеорегистраторы, не помогая в консультировании, а буквально и демонстративно конвоируя тебя, — регистратор из друга превращается во врага. Записи

немедленно передавались то ли в Управление, то ли в ФСИН и потом демонстрировались: вот тут член ОНК позволил себе нецензурное слово, тут — повысил голос... а вот тут в не отведенное для этого место курить пошел... Себя сотрудники СИЗО в неоднозначных ситуациях, разумеется, не снимали. Спасибо руководству одного из учреждений, мне на мои возмущения и протесты официально прислали оттуда инструкцию по применению видеорегистраторов носимых, я внимательно ее изучила и смогла уже с полным правом требовать при входе в камеру: прекратите совать регистратор в лицо заключенным, вы оказываете на них психологическое давление. В соответствии с пунктом таким-то закрепите регистратор на кармане форменной одежды. Дело пошло на лад.

Правда, и с закрепленным на форменной одежде регистратором однажды случился казус, в результате которого я на один глаз наполовину потеряла зрение, и это оказалось невосстановимым. Сопровождавший нас сотрудник не умел выключить белый свет на недавно поступившем в СИЗО регистраторе, и так этот ночной белый свет (как у фотовспышки) на протяжении восьми часов маршрута светил мне в глаза. Потому что сотруднику было интересно, он хотел принимать участие в консультировании и, мне кажется, без злого умысла все время вставал напротив. У меня потекли слезы, мне стало больно, глаза жгло как огнем, и уже коллега Сергей Сорокин сначала вежливо просил, а потом уже и кричал на сотрудника: да отойди же ты! Не видишь, что происходит? Посмотри на нее! Мы продолжали посещение, я умывалась слезами и терла глаза, а по завершении его сотрудник сказал: блин... оказывается, это нужно было отключить. Тут, оказывается, кнопка. Офтальмолог, поинтересовавшийся у меня впоследствии, как это мне удалось заполучить «эффект дуги», когда я добралась до него и спросила, отчего я так плохо стала видеть, посоветовал мне подать в суд: этот глаз уже не вылечить. Я, конечно, ни в какой суд подавать не стала, потому что не думаю, что сотрудник делал это нарочно. Просто с тех пор я ношу очки и всегда контролирую, горит ли на регистраторе этот белый

свет. Я прошу его отключать. Когда он горит, я опять ощущаю физическую боль.

Из других неэффективных способов воздействия на нас (с целью «уймитесь, уйдите, деньтесь куда-нибудь!») оставалось уже упоминавшееся невнятное предупреждение, что как бы у меня в сумках «что-нибудь нежелательное не обнаружилось», и действительно, поскольку я сама толком не знала, что лежит в моих необъятных сумках, такую угрозу выполнить было совсем легко, если бы кто-то на самом деле этого захотел. Я ограничилась предупреждением о том, что скандал, если что, будет страшный, — и перестала обращать на это внимание. Ну, и меня перестали пугать. Впрочем, однажды, в острой ситуации, когда угроза показалась особенно реальной не только мне, офицер в СИЗО по завершении маршрута взял мои сумки и, не выпуская их из рук, прошел КПП и проводил меня до машины. В другой раз на время «парадного посещения» симпатизировавший нам представитель Управления запер сумки в чужом кабинете, а ключ сунул себе в карман (чтоб никто за время нашего отсутствия не подобрался!) И тоже сам унес их потом в машину. Вообще нам довольно часто люди из системы, что доверяли нам, помогали. Случалось даже — во вред себе. Я вас не забуду. Но общий тренд оставался прежним: сказать наблюдателям как можно меньше, заморочить голову, обмануть, не подпустить близко, в острой ситуации — запугать, чтоб отодвинулись.

Имелся еще один способ воздействия. Мне все время вызывали ГАИ, не успевала я откуда-нибудь отъехать или куда-нибудь подъехать. Меня никогда почти за пятнадцать лет вождения столько раз не останавливала ГАИ (если честно, она раньше меня вообще почти никогда не останавливала). ГАИ мне вызывали, я думаю, на случай, если я вдруг окажусь нетрезвой за рулем. Судя по последующим подробным расспросам сотрудников УИС, что же там было у меня с ГАИ и чем закончилось, я вынуждена была осознать, что это не случайность, а ГАИ мне действительно вызывают «нежданчиком». Ну, а сотрудники УИС после ряда повторений были вынуждены признать, что я (вот незадача!) не

вою машину нетрезвой, и тогда ГАИ ко мне приезжать перестала. Сотрудники прибывавших экипажей автоинспекции обычно мялись, жались, не могли объяснить цель остановки, неправдоподобно проверяли автомобиль по базам угона, внимательно приглядывались ко мне и принимались, разочаровывались, а потом... совершенно незапланированно могли часами не выходить из машины, расспрашивая, как да в каких условиях сидят в СИЗО бывшие сотрудники полиции, включая гайшников. Этот вопрос их очень интересовал!

Ну и третий, менее экзотичный и наиболее традиционный способ воздействия был — написание председателю ОНК и в Общественную палату на меня жалоб (этого не избежала не только я, но и коллеги, в первую очередь журналистки Елена Масюк и Ева Меркачева как самые ненавистные тогдашним чиновникам из Управления). С одной стороны, это было логично: если я на всех жалуюсь, то почему нельзя жаловаться на меня? С другой — поражала явная нелепость обвинений, которые нам предъявляли в этих шедеврах жанра: мы исказили информацию, очерняли действительность, нарушали кодекс этики, вели себя высокомерно, позволяли суждения в СМИ и социальных сетях, и из этого только одно было решительно непонятно: что конкретно мы плохого натворили. Как-то Елена Масюк попросила дать ей наклейку с коробки с названием не слишком качественного продукта, поставленного в СИЗО. Наклейку дали, а затем обвинили Елену в попытке похитить имущество изолятора. Я поинтересовалась расположением лестниц в режимном корпусе (имея в виду логику подъема тележек с пищей осужденными из хозотряда) — сопровождающая из Управления истерично кричала на меня, что я разрабатываю план побега. «Стоять ровно, в глаза смотреть!» Последнее из писем в мою бытность членом ОНК (как раз шла «атака» на СИЗО-жесть, шестой изолятор) приведу здесь без купюр.

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА
ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ
УПРАВЛЕНИЕ ПО Г. МОСКВЕ
(ОФСИН РОССИИ ПО Г. МОСКВЕ)

Нарвская ул., 15-а, г. Москва, 125130
тел. (499) 747-43-94, факс (499) 747-43-94,
e-mail: fsin99@mail.ru

06 МАЯ 2016

№ 50/ТО/1/2- 5465

На № _____

Председателю Комиссии по
безопасности
Общественной палаты
Российской Федерации,
председателю ОНК г. Москвы

А.В. Цветкову

г. Москва, Миусская пл. 7, стр. 1

О предоставлении информации

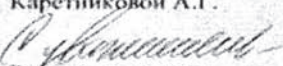
Уважаемый Антон Владимирович!

Сообщаем Вам, о систематических грубых нарушениях норм Кодекса этики членов ОНК, утвержденного членами Общественной палаты РФ протоколом «28-П от 12.07.2012, со стороны члена ОНК по г. Москве Каретниковой А.Г., а именно допущении высказываний, заявлений, обращений от имени ОНК, не будучи на то уполномоченными; допущении проявления грубости, высокомерия, пренебрежительного тона, заносчивости, предвзятых замечаний, необоснованных обвинений, оскорбительных выражений; допущении обещаний лицам, находящимся в местах принудительного содержания, выполнение которых выходит за пределы компетенции членов ОНК, что привлекло к нарушению п. «з» ст.2.1., п.п. «а» «в» ст. 2.2.

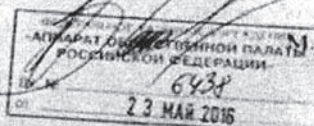
Неоднократно администрация ФКУ СИЗО-6 УФСИН России по г. Москве предотвращала попытки нарушения Каретниковой А.Г. норм СанПиН, в части попытки снять пробы пищи в режимном коридоре у камер собственным столовым прибором.

На данные замечания Каретникова А. Г. реагировала грубо, отказываясь выполнять законные требования администрации, что является нарушением пункта 2 статьи 16 Федерального закона от 10.06.2008 № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания».

На основании изложенного и в соответствии со статьями 3.2., 3.3 Кодекса, просим рассмотреть вопрос о досрочном прекращении полномочий члена ОНК Каретниковой А.Г.

Врио начальника
полковник внутренней службы

Исп. Чжу А.Н.

М.П. Заславский

С этим замечательным в своей абстрактности текстом я ездила по СИЗО и показывала всем со смехом, будто это была почетная грамота. — «Дай-ка почитаю, — поудобней расположился в кресле начальник одного учреждения. — Вот тут про тебя вся правда наверняка... так, заносчивость, так, высокомерие, так, ложка какая-то... хм, не понял. А где же про десять пронесенных мобильных телефонов, пятнадцать симок, как у нас обычно бывает? Нету почему-то... Странно, Алиса, это о чем вообще? Они, что ли, пять страниц из середины потеряли? Или ты сама вытащила?»

Усердствовала в направлении таких информации («не называй их доносами! Это — информации!») помощник начальника УФСИН по Москве Чжу Анастасия Николаевна, с которой мы теперь работаем на одном этаже. Мне кажется, что она и продолжает усердствовать.

К чести председателя ОНК Антона Цветкова, к подобным произведениям эпистолярного жанра он относился сдержанно. «Что там с новым доносом на меня? — обреченно интересовалась я на заседании комиссии. — Мне отписаться?» (это такой чиновничий эвфемизм, подразумевающий «объяснительную», ответную бумагу, содержащую самооправдание и контрдоводы). Председатель пожимал плечами: сообщим в Управление, что мы приняли эту информацию к сведению. Мы же имеем право им ничего не ответить? С учетом того, что на три наших обращения по существенно более важным поводам они не ответили тоже, полагаю, это будет закономерным и не вызовет нареканий.

Бывали и более неприятные попытки нас скомпрометировать, но тоже по степени профессионализма исполнения довольно неудачные. Понятно, что заключенный в МЛС — лицо исключительно зависимое и бесправное. Правозащитники уйдут, а арестант останется, — это мы часто слышим в СИЗО. И если арестант выступил с резким заявлением, обвинением в адрес администрации, немедленно после нашего ухода придут оперативные сотрудники, которые на одно письменное заявление, поданное нам, возьмут три новые собственноручные бумаги — о том, что претензий к администрации арестант не имеет. Это — тот козырь,

что выложат нам позднее в ответ на наши письменные обращения. «Не лечили? Так вот собственноручное заявление, что помощь оказана в полном объеме, претензий не имеет!» «Побили? Так вот же он сам пишет: упал с кровати верхнего яруса, ушибся, претензий нет». Может быть и хуже. Однажды посещенный нами арестант написал, что мой коллега по ОНК угрожал ему, ставя под сомнение безопасность его семьи. Как сейчас помню тот воскресный вечер, конфиденциальный разговор не по нашей инициативе «на коридоре»: арестант был в состоянии стресса, он просил перевести его в другую камеру и говорил, что может, если этого не произойдет, покончить жизнь самоубийством. Мой коллега Сергей Сорокин воскликнул: «Что за ерунду вы говорите? Подумайте о своей семье, у вас маленький ребенок!» После нашего ухода оперативные сотрудники возвратились к взволнованному арестанту, и на коленке родился его донос о том, что мой коллега угрожал таким образом его семье. Это не единичный случай. Впрочем, тут надо отдать должное и сотрудникам, и арестантам, и адвокатам, которые мне верили и, как умели, заботились обо мне. В большинстве случаев своевременно переправленные «информации», которые могли бы угрожать нам, ложились на мой стол ранее, чем на столы тех, кому, собственно, предназначались. А «предупрежден — значит вооружен». Мы успевали заблаговременно подготовиться и принять меры. Ну, а зачастую и сами «подписанты» отказывались от своих на нас, данных в состоянии душевного волнения, показаний. Мы научились играть по правилам тюрьмы.

Основное, что УФСИН по старинке пыталось мне инкриминировать, на чем поймать, — это, конечно, получение взяток. Вообще, для члена ОНК понятия «взятка» не существует: он не является должностным лицом. Однако по 76-му федеральному закону член ОНК не имеет права принимать вознаграждение за свою деятельность. Ну, мы и не принимали. За исключением разве что от особо настойчивых родственников, которые ловили нас на подступах к тюрьмам, плача, что не уйдут, пока мы не возьмем у них, к примеру, вот эти две банки собственноручно изготов-

ленного варенья, пару подмосковных яблок, несколько огурцов «со своего огорода». Однажды такая вот благодарная женщина принесла нам три красивых красных помидора и банку варенья. Варенье я захватила в СИЗО и подарила там заместителю начальника по режиму — чай пить и гостей угощать, а помидоры заперла на КПП в железный шкафчик. А когда офицер вышел на КПП нас провожать, вспомнила: коллеги, а ведь нам подарили взятку! Три помидора! Нас как раз трое — так поделим их по-братски, на троих! Коллега ухмыльнулся и пошутил: «Анечка, а лучше бы нам подарили взятку в три лимона... вот это было бы да ты что! Вот это бы мы поделили!..» Мы смеялись, смеялись...

Прочитирую один из своих любимых телефонных разговоров с предложением подарка. Кстати, нет, те панталончики я так и не получила.

Ааааа! классно! На юг я еду в панталонах...

may_antiwar

31 октября, 2015

Телефонный звонок.

— Ань! Ань!

Я: Слушаю, Каретникова, разговор ведется под запись.

— Ань! Да это ж я, Марина Ивановна! Узнала меня?

Я (в сторону): Марина Ивановна?.. В трубку: да-да, слушаю.

— Так я ж Марина Ивановна, мама Наташкина!

Я (про себя): Так, какая-то мама какой-то Наташки...

(В трубку): Слушаю, Марина Ивановна! Вы говорите, говорите...

— Ань! Я тебе комплектик купила! Ты ж так мне помогла, такой ты человек отзывчивый, добрый, себе комплектик взяла и тебе заодно, два одинаковых, только себе пятьдесят шестого размерчика, а ты-то какая — как я или худенькая? Небось худенькая, по голосу слышно, я тебе пятидесятый взяла! Наташка-то в тюрьме сидит, так ты нам помогла... Сразу два комплектика я взяла, тебе и мне, панталончики там, распашоночка, шикарно!

Я (строгим голосом, встревоженно, выразительно): Марина Ивановна! Ни в коем случае! Согласно действующему законодательству, член ОНК не может получать вознаграждение за свою деятельность! Слышите, Марина Ивановна?

— Ань! Да разве ж то вознаграждение? Это ж я как подружка! На день рождения, или там на Новый год, это вознаграждение разве? Да брось ты, ты чего?

Сын (отвлекаясь от компьютера, где мне по работе помогает): Я, я имею право получать вознаграждение, скажи ей!

Я (Серееже): Дурак, на хрен тебе панталоны?

Сын: Панталоны?.. А что это такое?

Я (нашарив приличный козырь): Марин Ивановна! Фиг с вознаграждением, но это не мой размер! Понимаете? Не мой размер! У меня сорок второй, простите ради Бога... Как поняли, Марин Ивановна? Прием! — О! Как раз на тебя пойдет, угадала я с пятидесятым, так и знала, что худенькая ты! Уж как я рада, что два взяла! На юг шикарная поедешь, глаз не отвести. Так чего, на Новый год, значит? Вот ты человек хороший! Пока в шкаф повешу, пусть в шкафу повисит...

Я: Спасибо... Марина Ивановна...

Шикардос! На юг я еду в панталонах! :) Дрожи, юг!

Нет, взятки нам не дарили. От встреч мы чаще всего отказывались. Мы обходили сотни арестантов, говорили по телефону с десятками родственников, как умели — помогали, и у нас не было фаворитов и любимчиков. Были больные, инвалиды, кому тяжелей, и, соответственно, внимания им уделялось больше. Одна женщина, мать сына-инвалида, которым мы занимались долго, мучительно и много, как-то поехала на прием в УФСИН по Москве. После этого она позвонила мне и сказала серьезным своим строгим учительским голосом: «Так, а теперь о страшном. Анна Георгиевна, они спрашивали меня, сколько я вам плачу. СКОЛЬКО я вам ПЛАЧУ! Вы представляете?.. Они требовали назвать и написать суммы! И тогда они помогут Антону!» Я устало спросила: «И? Вы написали там им, сколько мне платите?» — «Я сказала

им, что не плачу вам ничего! — отчеканила женщина. — Но сам факт! Представляете — сам факт...» Я, как могла, ее успокоила. Сказала: это наши дела, нормалек, прорвемся. Подло, конечно... и тоже — не единичный случай. Предательство и наговор оказались неприемлемыми для этой матери страдающего сына, а цена была очень высока... Но мне не хочется вспоминать о плохом.

Собственно, этим перечень угроз и воздействий на непокорных наблюдателей ограничивался. Даже в худшие времена я не смогла бы обвинить московское Управление в прямом воспрепятствовании активной деятельности ОНК. Да, я собственноручно создала и активно использовала бланк акта о воспрепятствовании, подписывала его вместе с коллегой и требовала подписать от отбывающих сотрудников, но тут речь шла о другом. О часовом ожидании начала посещения, необоснованных встречах в беседы с арестованными, попытках кого-нибудь куда-нибудь от наших глаз запрянуть, препирательстве в камерах и никогда — о прямом недопуске в СИЗО или о выдворении оттуда по каким-то причинам, как это неоднократно случалось в других регионах. Мы, уведомив минут за десять по телефону дежурного по Управлению, приезжали в изоляторы ранним утром, кто-то из коллег — поздним вечером, мы бродили по маршруту до поздней ночи, некоторые коллеги перед ответственными мероприятиями умудрялись и переночевать в следственных изоляторах, на всех совещаниях представители УФСИН (а с ними — и прокуратуры) требовали сократить число посещений, не терзать сотрудников в праздники и выходные. На это члены ОНК справедливо отвечали: деятельность по наблюдению — неоплачиваемая общественная деятельность, вот мы и осуществляем ее в наше свободное время. На этом, как правило, разговор завершался, каких-либо резких мер предпринято не было.

...Я писала об этом неоднократно. Я восхищаюсь своими бывшими коллегами по ОНК в далеких регионах. Там, в атмосфере войны и вражды, шла настоящая битва за посещения исправительных колоний, правозащитников не допускали и выдворяли, они с гигантским трудом делали аудио- и видеозаписи рассказов осужденных о пытках, выносили, игнорируя досмотр,

жалобы заключенных на нарушение прав, там членов ОНК пытались подставить под уголовные статьи, фальсифицировать телефонные разговоры, даже возбудить уголовные дела против правозащитников и их близких. ТАМ действительно велись военные действия, там я, вечная соглашательница, наверное, не смогла бы работать. Когда я читала записи в соцсетях и отчеты тамошних членов ОНК, я понимала, что, несмотря на все свои претензии, работаю в райском, мирном регионе — регионе, свободном от пыток. ЗДЕСЬ я обдавала неприятеля едкой волной сарказма, курила, выпуская кольца дыма в потолок, резала правду-матку, замаскированную, как обычно, под шутку или чушь, многозначительно молчала или рассказывала анекдоты с угрожающим подтекстом. ТАМ — я сошла бы с ума от напряжения и от ненависти. И ведь правозащитников там, в регионах, не сложили. Оказалось куда проще закрыть им, наиболее активным, без объяснения причин дорогу в ОНК. А заодно — и многим из моих активных и профессиональных московских коллег. Да что там... и мне самой. Но это — отдельный и грустный разговор.

15. Что же еще входило в маршрут, чем занимались мы на нем? Обычные темы обращений: медицина (медицина и еще раз медицина, то ли ее отсутствие!), оповещение родственников о местонахождении, безопасность, соблюдение права на прогулки, баню, спортзал, все остальное, бытовое обеспечение: выдача-невыдача гигиенических наборов, простыней, одеял, посуды, уже упоминавшейся одежды по сезону, книг, игр настольных, жалобы на вымогательство (как сокамерниками, так и сотрудниками, это — наш вечный бич), неработающие краны, батареи отопления, лампы освещения, холод зимой, духота летом... неоправданное наложение взысканий, постановления на профучеты, работа так называемого интернет-магазина (подозреваю, что не войдет в эту книгу, а жаль: взаимодействие с ФГУПами — отдельный пласт работы). Вот и смешное, и трагичное воспоминание по этому поводу.

***Чего видел и не видел заключенный Сидоров.
Простите за неудержимый приступ смеха.***

may_antiwar

13 февраля, 2016

Члены ОНК: уважаемые представители администрации, а чего вы за ночь-то в психиатрическую больницу «Бутырки» троих заключенных по «скорой» сплавили? Там никто не рад. А?.. Вот, к примеру, заключенный Сидоров почему туда отъехал?

Представители администрации СИЗО: нуууу... обвиняемый Сидоров... а может, Петров... он раньше служил в спецподразделении, и вот... он замкнулся в себе, и ему стали видеться его боевые товарищи. Или... ИЛИ НЕ ВИДЕТЬСЯ ЕГО БОЕВЫЕ ТОВАРИЩИ. И от тоски по ним он порезал себе живот. И мы вызвали ему скорую психиатрическую помощь, она отвезла его в больницу. Там ему оказывают помощь в полном объеме. Вот.

Члены ОНК: ага... Ну че сказать, возможно, обвиняемый Сидоров действительно давно не видел своих боевых товарищей. Нам он, по крайней мере, ничего такого не говорил. НО ТАКЖЕ, ПО ЕГО, РАЗУМЕЕТСЯ, СЛОВАМ, ОН ОЧЕНЬ ДАВНО, НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ НЕ ВИДЕЛ СВОИХ ЗАКАЗОВ ИЗ ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНА ФГУП «КАЛУЖСКОЕ»! Потому что их, похоже, получил кто-то другой! (Вот, у нас тут квитанции есть, Сидоров вручил, и тут почему-то у обвиняемого Сидорова четыре разные подписи, видимо, он не сам получал свой заказ?) А также обвиняемый Сидоров по необъяснимым причинам не видел журнала регистрации заявлений, когда подал заявление на голодовку в указанной связи (что было несложно, поскольку продуктов из «Калужского» он не получил все равно и кушать ему было нечего), и поэтому ему его незарегистрированное заявление вернули обратно, кинув в камеру через кормовую форточку. Вот, собственно, копия его заявления начальнику учреждения. И эта цепь событий, к сожалению, привела к тому, что, как было уже сказано, обвиняемый Сидоров с порезанным в знак протеста животом приехал в психиатрическую больницу, здрасте, «Кошкин дом». Откуда и продолжает передавать всем приветики

и ждать своего заказа из магазина на сумму около семи тысяч рублей. Очень хочет дождаться.

А насчет боевых товарищей... не знаем... на это он не жаловался.

Представители администрации: а... ишь ты... во дурак! По фигне какой вскрылся... ну че сказать... ларек не принесли. И что теперь? Нам заказы его искать?... Что сказать?

Члены ОНК: блин, родные вы наши, скажите что-нибудь... делайте вы что-нибудь, наверное... :)

Обычная работа, и тут нам забрезжило интересненькое, ранее неизведанное, оно называлось «баланда». Ну, а на официальном языке — «бюджетное питание». (Забегая вперед, скажу, что, благодаря в том числе и нашему вниманию, баланда в Москве улучшилась за три года до невероятности, не устаю благодарить за это как коллег по ОНК, так и УФСИН по Москве, в данном случае услышавшее нас и пошедшее навстречу.) «Что это такое за... хм... не очень вкусненькое? Почему так неприятно пахнет на весь коридор? Что там за ингредиенты?» — заинтересовались как-то члены ОНК и... отправились на пищеблоки. Сначала — с ложками для снятия проб наперевес, а затем — с распечатками действующего законодательства, ведомственных приказов и документов. Мы научились читать технико-технологические карты на изготовление блюд, заполучили ДСП-приказы по их приготовлению, изучили нормы положенности продуктов для мужчин, женщин, беременных, несовершеннолетних, больных, разобрались, чем меню раскладки отличается от меню-требования продуктов со склада, как должны вестись бракеражные журналы... Я не поверила бы, если б мне сказали раньше, — но это оказалось захватывающе интересным. Теперь часы маршрута я просиживала на пищеблоках, изучала документацию, рассматривала пробники, смеялась над арифметикой, тыча в кнопки калькулятора, выявляла несоответствия, опрашивала сотрудников и осужденных из хозотряда (это они готовят под чутким контролем сотрудников пищу для заключенных).

Что за блюда встречали мы на пищеблоках, насколько документация не соответствовала фактическому положению дел, — это

потребовало бы написания отдельной, многостраничной, смешной и грустной книги. Как пытались обмануть нас сотрудники и осужденные, как отгоняли от котлов и документов, как смеялись мы, углубляясь в рядочки цифр: «Два плюс два равно восемь? Да вы что?! да бросьте... а что — неплохой вариант... Всегда такой ответ получаем!» Мы узнали, во сколько раз уваривается мясо при термической обработке, а во сколько — рыба. И сколько по выходе после термической обработки на шлемку (тарелку) должен получить арестант. По нашим просьбам на пищеблоках проводили опыты и ставили эксперименты. Важно не это... Мы вышли на борьбу с продуктами, явно подрывающими здоровье заключенных, в первую очередь это были маринованные овощи невероятной кислоты и отвратительный сушеный картофель с черной грязью и мутью, которая при варке всплывала наверху, в котлах.

Однажды коллега Елена Масюк собрала эту грязь, вынесла из СИЗО и сфотографировала потом, опубликовала в газете, ой, как же нас наругали... Как наказали сотрудника, который позволил ей вынести эту гадость!.. (а что он должен был делать? С кулаками напасть на правозащитницу?) Кстати о фотографировании. Поскольку фотоаппараты нам в СИЗО проносить запрещали, я стала брать с собой небольшой пластиковый контейнер и выносить из СИЗО для последующей фотосессии лучшие и худшие блюда, их фотографии я, с приведением соответствующих технологических карт, размещала затем в соцсетях (хоть, разумеется, у меня неоднократно пытались их отобрать при выходе из СИЗО. Я выносила). Так сформировались рейтинги пищеблоков, потом ОНК Москвы огласила эти рейтинги официально, ну а на фотографиях сотрудники пищеблоков могли увидеть и оценить дело рук своих. Вскоре маринованные в уксусе овощи и сушеный картофель практически полностью исчезли из рационов питания. Что касается иного — иногда я раздражалась такими вот смешными и актуальными текстами. И меня читали уже сотрудники пищеблоков, обращали внимание на цифры и расчеты.

Вот, например, текст о рыбных котлетах.

Варианты приготовления блюд из рыбы на пищеблоках СИЗО. Рыбная котлета.

may_antiwar

22 ноября, 2015

Для нашей передачи «Веселый кулинар тюремного пищеблока». Вот котлета рыбная, из СИЗО. В нескольких изоляторах нам пообещали перейти к такому блюду, дабы избежать ежедневных контрольных завешиваний порции рыбы с участием членов ОНК и с неизбежным неутешительным выводом о том, что порция снова и снова не соответствует Приказу 125 и Инструкции по организации питания: не менее 70 граммов готовой рыбы ежедневно.

Но рыбки-то разные! — восклицают сотрудники пищеблоков и осужденные — повара и раздатчики пищи. Разные. И далеко не все арестанты берут рыбку. Но по необъяснимым причинам постоянно в тех камерах, где рыбку берут, ее не хватает. Возникают конфликты, противостояния, поливания через форточку баландеров чем попало, ну и так далее. Вот, сошлись, что панацеей могут стать такие котлетки. Технологическую карту так и не прислали мне, но расскажу вам я по памяти: рыбки путассу там 87 граммчиков,

лука 10, соли написано 2 (о соли позже), 5 граммов текстурата, 5 муки... еще чего-то — 5. В общем, суммарный вес составляет, если верить карте, то ли 91 грамм, то ли 109. Почему в итоговой графе две разные цифры — это никто нам пояснить не смог.

Но в целом — да, вот так. Вес той котлетки, что на фото, составляет, согласно контрольному взвешиванию, около 55 граммов. И все предельно ясно: ДВЕ ТАКИЕ КОТЛЕТКИ на арестанта — и соблюден закон, и отпала проблема того, что одному достался рыбкин хвост, другому рыбьино пузико, кому-то — «ейная морда», крайним камерам вообще ничего не досталось. Две (мы повторяем: две!) котлетки — все рады, социальный мир, никто ничем из камер не поливается, члены ОНК улыбаются и машут. Две — размером со спичечный коробок. Одна — это если с сигаретную пачку. Надеюсь, дорогие пищеблоки, вы меня сейчас поняли.

Одну котлетку съела я на пищеблоке в процессе исследования. Вторую — вечером, с майонезом. Потом приходим в камеры большие: как вам котлеты? Ой, заключенные давай ругаться... Да мы их все выбросили... да не хотим котлеты с глазами... гадость пересоленная!..

Ну... я лично — съела. На зубах действительно сильно хрустит, но мы сразу же, еще на пищеблоке, внесли рекомендацию фарш два раза прокручивать: не будет тогда этого хруста, а котлеты станут мягче. Корка — слишком твердая. Ну, и соли столько не бухать туда. А в целом, если чередовать такие котлеты с рыбой жареной (даже и с путассу, хоть в тюрьмах до сих пор с ностальгией вспоминают скумбрию, что вдруг поставили в начале лета ненадолго), с сельдью (желательно вымоченной на пищеблоке с двумя сливами воды), с консервами и рыбным супом (в двух изоляторах Москвы готовят такой), — получится вполне разнообразный и терпимый рацион, совсем неплохо. Стоит только захотеть. Спасибо.

...Но тут надо отметить, что я вообще ОЧЕНЬ ЛЮБЛЮ рыбные котлеты... :)

И дальше я процетирую гимн картошке — так мы составляли рейтинги с фотографиями!

Картошечка СИЗО-1, «Матроски». Не пора ли кому-то ответить за порчу продуктов?

may_antiwar

22 ноября, 2015

Все тайное всегда становится явным... ну, по крайней мере, в большинстве случаев. Вот и открылась тайна, зачем пищеблок СИ-1 Москвы, «Матроски», в отличие от всех остальных московских подразделений, портит картофель отварной, превращая его в жидкую условно съедобную массу, нарезанную тонкими дольками, плавающими в воде, черно-бело-желтого цвета, которая в большинстве своем в камерах уплывает в унитаз, что никак нельзя считать целевым расходованием государственных бюджетных средств.

Да просто если картофель варить нормально, целым и круглым, — его не хватает, — признались наконец повара. Они со склада запрашивают меньше, чем нужно. На раздатчиков пищи кричат из камер, возникают конфликтные ситуации, заключенные хотя есть нормальный картофель. Дело не в очистке, а в том, что КАРТОШКИ МАЛО! А если разбавить ее водой, мелко порезав, то вот этого... г... так называемого (не подумайте чего плохого) гарнира... хватает всем. Вот и вся отгадка. И они нас заставляют поступать с картофелем именно так. Вот... еще и гниль мы из баков выкидываем... вот она лежит, посмотрите... А что мы можем поделать?

Тайна открылась, возникла следующая: а куда отвечающие за питание ПОО офицеры девают картофель? Почему запрашивают со склада меньше необходимого? Почему не взвешивают очищенный картофель или вес очисток, как то предусмотрено Инструкцией об организации питания? Кто разрешил нарушать действующее федеральное законодательство и приказы МЮ и МВД? Куда девается в СИЗО-1 картофель? Не пора ли компетентным органам наконец нас услышать и все это происходящее проверить? А заодно УФСИН по Москве — служебное соответствие названных офицеров, «мастеров» по «приготовлению» картофеля?

Мы предупредили о своем приходе с коллегой Еленой Абдуллаевой 20 ноября. И все было чудесно — картошка чуточку получше, шестеро

хозников вручную выковыривали глазки. А вот о посещении 21 ноября с коллегой Исрапилом Шовхаловым мы не предупреждали. И в баках и на раздаче, как обычно, увидели неочищенные мелко нарезанные помои. И вынуждены были произвести необходимые расчеты, как-ковые и направим, я думаю, для начала в прокуратуру. Как-то надо уже призвать к ответу определенных товарищей офицеров... то ли господ. Концы с концами и другие оконцовочки, согласно нашим расчетам, на пищеблоке СИ-1 явно не сходятся. И уже бессмысленным мне кажется спрашивать: «А знает ли о происходящем руководство изолятора?» Мы этот вопрос задавали не раз. И услышаны не были ни разу. Наверное, знает. Наверное, ему безразлично, или что похуже. :(Может, уже пришла пора кому-то за происходящее ответить?

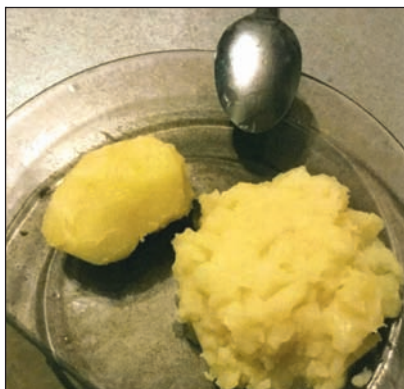
И вот что интересно, в «Бутырке», например, по приготовлении неудачного картофеля мы обсудили вопрос — и картофель стал нормальным. В «Матроске» — качаем уже несколько месяцев, неа... жидкая несъедобная гадость, извините за субъективное коллективное мнение членов ОНК Каретниковой, Сорокина, Дубиковой, Бабушкина, Покрас, Абдуллаевой, Шовхалова, Флеровой, Световой — кто еще это блюдо не видел? Кто не писал о нем и не говорил? А руководству СИЗО плевать. Оно это не ест.

Вот, помещаю фото такой «картошечки». Это еще когда мы с Андреем Бабушкиным приходили. Заметьте, это лучшее, оно с мясом, это — больничный вариант. Вчерашнее, ЖУТКОЕ, не размещаю только из сострадания к сопровождавшему нас офицеру и ребятам с пищеблока, а также из нежелания вызвать у неподготовленных читателей тошноту и рвоту. Какое безобразие!

Ну, и для сравнения — перекличка московских СИЗО, где картофель не воруют, а отваривают нормально!

СИЗО-6, картофель и пюре!

СИЗО-3, они лучшие, три фотки! Еще и раздельная выдача мяса с гарниром!

СИЗО-4, она КРУГЛАЯ!

СИЗО-2, извините, фотки не будет, такая вкусная, что с коллегой еще до фотосессии съели!

СИЗО-5, нормальные 250 граммов картофеля!

Так что же происходит в СИЗО-1 с этой картошкой, представленной на первой фотографии? Что-то происходит, явно. Немудрено, что «Матроска» — единственный изолятор, пытающийся покрыть завесой тайны свой пищеблок, не чураясь ни хамством наблюдателям, ни нарушением законности. «Не врать и не воровать» — вот этого там, наверное, не происходит. ОНК, особое внимание на пищеблок ФКУ СИЗО-1 Москвы! Нет, мы и дру-

гие подразделения — все вместе научим их варить картофель, а не вареную воду. Мы научим. Тюрьма не санаторий, но и не источник пополнения карманов ее сотрудников. Да, СИЗО-1, тыловики? Ну, реакция как обычно в таких случаях, «Блокпост “Акация”». «Я поднимаюсь во весь рост за свой расстрелянный блокпост. Не сдадим наш пищеблок!»

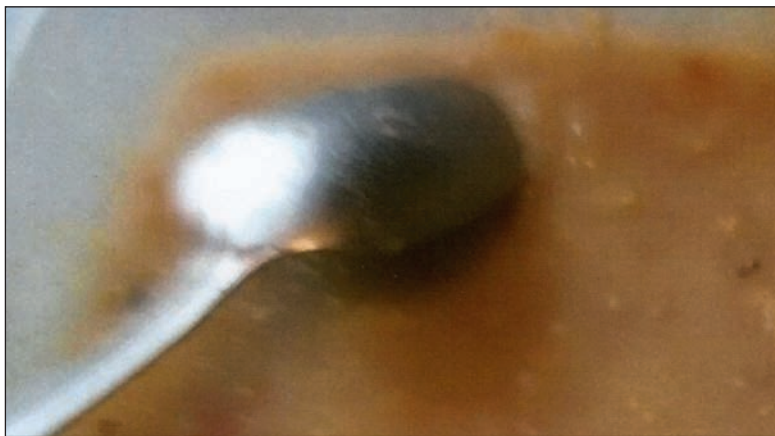
Или просто вот так. Короче и в картинках.

YES! и NO!

may_antiwar

26 мая, 2015

Ахахаха, и в нашей любимой передаче «Веселый кулинар тюремного пищеблока» мы сравниваем вот эти два блюда, хохочемся и говорим первому: Да! Так! Потому что так выглядит приличный гороховый супчик из седьмого изолятора. А второму, практически распознаваемому на вид, блюду, мы говорим: Нет! Стоп! Потому что, простите, это «картофель отварной» из «Бутырки», второго изолятора Москвы. И он так выглядеть не должен. Ну, найдите десять отличий. Отличия — в уважении к заключенным, соблюдении их прав, действующего законодательства и ведомственных приказов. Спасибо всем, кто нас слышит. И доброго пути повару-хозяину седьмого СИЗО: он наконец выходит по УДО. Счастья!

Количество выдаваемой пищи тоже заслужило наше пристальное внимание. Как только мы добивались своего и еда становилась вкусней, тут же ее на всех заключенных переставало хватать. Что совершенно закономерно: если невкусную еду не берет никто, она возвращается на пищеблок и куда-нибудь выбрасывается, то как только она становится востребованной, возникает дефицит. Мы выучили наизусть нормативы выдачи первого, второго, третьего, дополнительного питания (так называемой диеты). Мы опрашивали спецконтингент и пристально наблюдали за раздачей пищи. О, какие блистательные спецоперации проводили мы в поисках утраченного («мерцающего», по нами же выдуманной терминологии) киселя и компота! Как нам удавалось обнаружить при помощи оперативных сотрудников (бегом, за мной, бегом, поднажми, мы успеем!) спрятанную под лестницей кильку в томате! Что за квест прошли мы в поисках «Бутыркиных» утраченных яиц для диетчиков! Как мы изучали хлебопекарное дело... А как с начальником СИЗО на пищеблоке сообща учились варить макароны, своевременно сливая из них, согласно инструкции, воду.. чтобы посмотреть, что же из этого получится. Сколько писем написали с просьбой не поставлять нам на пищеблоки те или иные продукты,

поскольку их качество невозможно признать удовлетворительным... Как разобрались наконец с процентом очисток овощей в той или иной период года!.. Это был действительно ударный поход ОНК по пищеблокам, успешный и приведший к ключевым изменениям рейд. И теперь мы рады слышать от прибывающих из других регионов заключенных: «Послушайте... вы еще спрашиваете о качестве пищи? Мы из Подмоскovie. И только здесь, в Москве, мы впервые увидели мясо!»

Ну, и хит сезона, все о сосисочке «Кубанской»!

33 факта о сосиске «Кубанская». Все, что вы наверняка хотели о ней узнать, но стеснялись спросить.

may_antiwar

6 декабря, 2014

1. Сосиска «Кубанская» поставляется для питания заключенных во все следственные изоляторы УФСИН России по г. Москве.

2. Другие сосиски в СИЗО Москвы в настоящее время не поставляются.

3. В 2012 году в продукцию производителя сосисок, ФГУП «Кубанское» ФСИН России, попал геном чумы свиней, об этом уже писала член ОНК г. Москвы Елена Масюк.

4. Сосисками в СИЗО может быть заменена ежедневная норма мяса для заключенных из расчета 100 граммов мяса — на 80 граммов сосиски (что странно).

5. Об этом должен быть составлен рапорт на замену продуктов, мотивированный отсутствием мяса на складе, стремлением разнообразить питание либо еще чем-нибудь.

6. По мнению большинства изоляторов и их документации, средний вес сосиски «Кубанской» составляет 40 граммов.

7. По мнению СИЗО-4 (отражается в документации), вес сосиски «Кубанской» составляет почему-то 44 грамма. То ли даже 46, не помню точно.

8. По неоднократным завесам сосисок, произведенным членами ОНК, средний вес сосиски составляет 25–35 граммов. Есть сосиски-мутанты, их не разрезал аппарат, они в два раза длинней.

9. По мнению СИЗО-6 (отражается в документации), вес сосиски «Кубанская» составляет 30 граммов.

10. Старший офицер одного СИЗО в камере неудачно, на наш взгляд, пошутил, что сосиска должна быть такой длины, чтоб целиком влезала в рот. Камера застыла в недоброжелательном молчании.

11. Вес произвольно выбранной сосиски «Кубанская» по последнему завесу на пищеблоке СИЗО составил 27 граммов.

12. А вот, согласно ТУ, вес сосиски кубанской в упаковке составляет 35 граммов (!) Может, так оно и должно быть?

13. Вес сосиски до и после термической обработки (в отличие от мяса) практически не меняется.

14. Если сосиску пробовать, то там много соли (такой «бумажный» вкус) и попадают мелкие косточки. Запах практически отсутствует.

15. Сначала заключенные московских изоляторов обрадовались появлению сосисок, сейчас просят их давать пореже, а давать мясо, как раньше.

16. Члены ОНК очень просят не заменять сосисками мясо, положенное тяжелобольным людям по диете, поскольку нигде не на-

писано, что сосиска — диетический продукт. Тем более просят не проводить такую замену три раза в неделю. В частности настоятельно просим об этом СИЗО-1.

17. Большинство кошек, проживающих на территории следственных изоляторов, сосиски «Кубанские» не едят. Моя тоже не стала, хоть обожает воровать сосиски.

18. Это не совсем так, про кошек, поскольку членам ОНК не раз встречались котята, носящиеся по территории изоляторов с сосисками в зубах. Впрочем, возможно, они с ними просто играют.

19. Это несмотря на то, что некоторые старшие офицеры учреждений уверяют, что сосиски они ежедневно пересчитывают лично.

20. Возможно, котята берут сосиски из баков или ящичков, которые ставят на пол в коридорах раздатчики пищи, а сами уходят по делам.

21. Исходя из веса сосиски в 40 граммов, «общему столу» полагается в день одна сосиска (аналог 46—50 граммов вареной говядины), диетчикам — еще одна дополнительная (аналог почему-то 28 граммов вареной говядины).

22. В некоторых изоляторах, тем не менее, полагают, что давать на «общий стол» следует полторы сосиски.

23. Члены ОНК Москвы думали, что будет вкусней, если сосиски перемешать с гречкой или тушеной капустой, размышляли о внесении такой рекомендации.

24. Однако члены ОНК отказались от подобной рекомендации, поскольку при визуальном осмотре такого блюда в СИЗО-5 выяснилось, что тогда невозможно понять, сколько сосисок положено в миску, а заключенные жалуются, что их стало меньше, да и на глаз — так.

25. Когда хозотряд готовит сосиски себе, на отряд, то он может, как в СИЗО-3, обжарить их в кастрюле с маслом, на вкус куда лучше.

26. На «общий стол» и «диету» никто сосиски не обжаривает, дают вареными, в целлофановой обертке.

27. На наш вопрос парню из хозотряда в одном изоляторе, сколько он получает сосисок, осужденный ответил: сегодня взял четыре. Откуда взялись сосиски, которые он взял, члены ОНК Москвы не знают. Норма мяса осужденного из хозотряда на 10 граммов **МЕНЬШЕ** общей.

28. При раздаче пищи иногда dietчики из камер начинают требовать у раздатчика пищи свою дополнительную вторую (третью) сосиску. Иногда и просто заключенные требуют выдать их сосиски.

29. На это раздатчик пищи (баландер) отвечает, что сосиски у него закончились.

30. Тогда мы пытаемся выяснить, дел он сосиски куда-то сам либо меньше нужного вышло с пищеблока. Бывает по-разному. Скорей всего — и так, и так бывает.

31. Согласно ТУ, «консистенция сосисок должна быть упругая, цвет от бледно-розового без серых пятен и пустот. Запах и вкус, свойственный данному виду продукта, с выраженным ароматом пряностей, в меру соленый, без постороннего вкуса и запаха».

32. Поэтому, друзья, важно, чтобы сосиска выглядела **НЕ КАК** на помещенной фотографии, уж не буду говорить, в каком изоляторе мы ее взяли СРАЗУ после ее раздачи в камеру. Коллега отметил, что при непростом отковыривании целлофана под ним заметна белая субстанция, говорящая о том, что сосиска, мягко говоря, не очень свежая. Цвет — не розовый, а серый. Сморщенная, рыхлая. Аромат специй не ощущается, вообще никакого аромата не ощущается, и слава богу.

33. Члены ОНК г. Москвы просят пищеблоки СИЗО не злоупотреблять выдачей сосисок в качестве замены говядины, тщательно контролировать их качество, хранение, процесс приготовления, а также уполномоченные структуры разобраться с реальным средним весом сосиски и привести в соответствие технико-технологические карты и иную документацию на требование к продуктам и приготовлению блюд.

Спасибо! Дорогу осилит идущий.

16. Питание улучшилось, и однажды я просто вспомнила смешные моменты, как мы все вместе шли к этому.

Ботва на стадионах зеленеет... И о том, как «я вот этими руками чистила...» что???

may_antiwar

31 июля, 2015

Уже банальностью стало говорить и писать, как волшебно изменилось бюджетное питание в следственных изоляторах Москвы года за два, с тех пор как любопытные члены ОНК, а вслед за ними и руководство УФСИН заглянул в некоторые котлы... и все обомлели. И все пошло на сдвиг. Остались в большинстве своем в прошлом «рагу овощное» из перловки с сушеным картофелем и «супчики» со шнурками. Потому что все взялись за дело, и приятно видеть, как становится на глазах лучше и лучше, но мы не останавливаемся на этом, мы пошли дальше, на самом деле стало интересно, и, говорят нам в изоляторах, интересно стало и им, возникла здоровая конкуренция, ремонтируются и оснащаются необходимой техникой пищеблоки, осваиваются и предлагаются новаторские нововведения, поставляются вполне съедобные продукты, и теперь изоляторы сами первыми завернут некачественные овощи, если вдруг таких приедет грузовик.

Мы идем дальше, мы заинтересовались документацией: инструкциями, сборниками рецептур, меню раскладки и требованиями, бракеражными журналами, технико-технологическими картами, цифрами-цифрами-цифрами, не со злобной целью, а лишь потому, что в некоторых случаях лишь, как ни странно, цифры способны стать залогом качественного и поддерживающего здоровье питания, мы продираемся сквозь эти цифры и, как и сотрудники, научились за это время вот действительно «штопать паруса и затыкать пробоины телами».

Лично я никогда не думала, что после многих лет жизни и занятий, которые, наверное, многие посчитают экстремальными, относившаяся к готовке дома как к занятию низкому, которое

лучше на кого-нибудь свалить, я буду считать для себя интересным и важным вместе с коллегами по ОНК и сотрудниками СИЗО вникать с калькулятором в руках в столбики цифр, из-за которых пицца может выйти хорошей, а может плохой, может всем хватить, а может и не достаться. Мы благодарны московскому Управлению и ФСИН России, давшим нам на эту работу зеленый свет, практически никогда не препятствовавшим, а наоборот — живо реагировавшим на наши сигналы и пожелания в общем стремлении к новому и лучшему.

Сейчас я просто захотела вспомнить смешные моменты, как все начиналось и какой же ценой дурацких и смешных ситуаций, иногда — конфликтов и нервных клеток мы всей командой к этому шли.

...Начиная от товарища полковника, который на нервной почве съел сырой картофель. Он долго наблюдал за нами с коллегой Евой Меркачевой на пищеблоке и, воскликнув вдруг: «Я БУДУ ЭТО ЕСТЬ!», — схватил из ведра сырой клубень и решительно откусил. На попытки Евы остановить его, продолжая жевать, восклицал: «Нет уж, вы тут ходите, все трогаете, все пробуете, тоже буду все здесь пробовать!» — и с большим трудом был лишен картошины и ласковой силой уведен нами с пищеблока.

...И того товарища подполковника, что в другом СИЗО гневно кричал на нас с коллегой Еленой Абдуллаевой: «Вы, что же, хотите, ЧТОБ Я ГОТОВИЛ ЗЭКАМ САЛАТ? ТО ЕСТЬ ВЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ХОТИТЕ, ЧТОБ Я РЕЗАЛ КАПУСТУ?! КА-ПУС-ТУ?!! Так что же, может быть, вы еще хотите, ЧТОБ Я НАЛИЛ ТУДА МАСЛА????!! ВОТ ПРОСТО ВЗЯЛ И НАЛИЛ... МАСЛА????!!!» Лена в тот раз задумчиво заметила, садясь по завершении маршрута в машину: странно... что такого в этой капусте? он так кричал, будто мы его внезапно попросили приготовить для зэков салат из авокадо... (Надо отметить, что теперь идея готовить салат из сырых овощей ни у кого изумления не вызывает. Его готовят в большинстве СИЗО Москвы. А где не готовят — обещают начать уже со следующей недели.)

...И при попытке обсудить с товарищем майором таблицу допустимых и оптимальных замен по Приказу 125 с примерами и

аналогиями он запутался в группах: картофельно-крупяной, рыбно-овощной и курино-мясной, для спасения ситуации на мой приведенный пример немедленно вскричал: «А! Да вы перепутали крупу с рыбой! Крупа — не рыба, рыба — не крупа! Недопустимо путать кашу с рыбой!» — чем посрамил меня совершенно и деморализовал. (С тех пор коллега Сергей Егорович не преминет, когда на меня в дискуссии оказывают психологическое давление голосом и абсурдом и я от этого начинаю плыть и отступать, — взбодрить меня этим вошедшим в историю афоризмом: «Анечка, соберись. Смотри, ты опять путаешь кашу с рыбой!» Наваждение отступает, я стряхиваю морок и вступаю в полемику с новыми силами.)

...А при попытке кратко обсудить с товарищем подполковником сезонный процентный вес картофельных очисток, изменяющий (либо нет) вес порции готового блюда, товарищ подполковник сказал: о, знаю ВСЕ о картошке, сейчас расскажу вам... и минут сорок без единой паузы с неочевидной целью разъяснял нам с пожилой коллегой Лидией Борисовной процесс взращивания картофельного урожая, крайне подробно, начиная с момента натачивания лопаты для взрыхления почвы, через помещение семян то ли клубней в жирный чернозем, затем приблизительно минут пятнадцать над грядкой всходила и зеленела ботва, некоторое время она покачивалась на ветру, листья насыщались хлорофиллом, а клубни — силой и соками родной земли, мы тем временем кивали, раскачивались в такт, заипнотизированные этим потоком красноречия, и затем, когда стало уже понятно, что картофельный урожай соберут разве что глубокой ночью, когда электричка Лидии Борисовны давно уедет, пожилая коллега встряхнулась, рассердилась и гневно сказала офицеру: «Молодой человек, почему вы себя так ведете? Нехорошо! Для чего отнимаете наше время? Почему вы рассказываете нам все время про ботву? Ботвы тут нет! Ботва на голове уже у меня от этой истории вырастет! Вас всего лишь спросила Анечка, КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ ВЕС КАРТОФЕЛЬНЫХ ОЧИСТОК! По ТОЙ норме или по ЭТОЙ!» (Я к тому моменту про суть вопроса давно забыла: я очень внушаема, подарок для гипнотизера.)

И совсем было плохо, когда женщина — начальник пищеблока (сейчас она ушла уже, и я вынуждена сказать правду), внедрившая

самые, на наш взгляд, неуместные, нерациональные и вызывающие подозрения на расхищение продуктивно-технологические схемы, при невинном вопросе: «Сколько молока вы льете в кашу по дополнительному питанию?» — начала медленно сползать по стене, плакать, кричать, что ей нужно на свежий воздух, что мы не имели права задавать ей при ее трудовом стаже подобные убийственные вопросы, и, хватаясь за сердце, дальше и ниже сползать по стене. Мы, конечно, вопросов больше задавать не стали, кроме одного: если она так плохо себя чувствует, не следует ли ей взять больничный и немедленно покинуть пищеблок до консультации у врача... поскольку больной человек на пищеблоке может представлять угрозу для здоровой пищи, а следовательно — актуального для нас здоровья спецконтингента. Эта сцена повторялась на нашей памяти раз пять.

И вот буквально на днях, последний реальный прикол: на пищеблоке одного СИЗО мы услышали ПЕСНЬ, когда с коллегой Игорем с калькуляторами в руках пытались разобраться наконец в хитросплетениях цифр, чтоб понять, откуда же взялась в технологических картах константа 250 граммов, к которым с грубыми ошибками попытались свести все ТТК, это такое число Пи тюремной кулинарии, заранее пояснив сотрудникам: это не наезд, мы для вас же вместе с вами сейчас попытаемся все сравнить и разобраться, что откуда, а цель — ПОНЯТЬ, СКОЛЬКО ЖЕ ГРАММОВ ЧЕГО должен выдать на обед баландер; уравнения с тремя иксами нерешаемы, выявим хотя бы иксы, чтоб правильно поставить задачи, и вместе с нами в работу с интересом вовлеклись сотрудники, правда, почему-то службы режима, и они очень нам помогли. А зашли мы с Игорем с разных документов и почти было вышли на желанную цифру, встретившись в центре, как появилась женщина — сотрудница тыла, ей кто-то неосторожно вопрос задал (а, как известно со студенческих времен, если не знаешь правильного ответа на экзамене, говори очень много и очень быстро), и ее понесло. Она очень мешала, потому что мы пытались считать и считали уже час, а она говорила так: что? Вес картошки? Вам надо понимать, что когда я варю картошку, то я варю картошку! И варю я ее в воде, да, как можно отделить воду от картошки, а картошку от

рыбы?! Как можно вообще отделить все от всего?! Рыба! Сколько она весит — столько она весит, иногда вместе с картошкой, но и отдельно от картошки! И от чана! Знаете, я помещаю картошку в чан! Сколько она весит? Как может картошка весить? КАК МОЖЕТОНАСКОЛЬКО-ТО ВЕСИТЬ, когда она вместе с рыбой, но в то же время — отдельно от рыбы! С водой и чаном! И с баландером! Никто НЕ ЖАЛУЕТСЯ! Все это вообще неразделимо!

Коллега Игорь сначала очень миролюбиво, хоть и строго, просто на женщину смотрел. Потом попросил перестать громко говорить, если можно, потому что давно уже никто ни о чем не спрашивает, а просто мы считаем, и сложно считать, если кто-то все время громко говорит. Хоть можно: мы и не к такому привыкли. Нас можно даже пинать — мы все равно будем считать. Но Игорь очень вежливо попросил, а женщина продолжала все равно. Она говорила так: «Картошка вместе с рыбой раздельно от рыбы суть с котлом неразрывное единство! Как посчитать граммы?! Сегодня была картошка, совместно с ней была рыба, 250 граммов. Что, тут написано 310? Но это потому, что она рыба! И картошка. Но особенно — рыба! Я своими руками сегодня варила и чистила, да, эту волшебную суперрыбу, СВОИМИ РУКАМИ ВАРИЛА И ЧИСТИЛА, как мне объяснить вам, дилетантам, не чистившим эту рыбу, сколько в ней граммов? Раздельно все едино с картошкой?!»

Против этого аргумента я оказалась бессильна, что она тут все своими руками чистила, если с утра начистишь тонну рыбы, то нечего удивляться, что у тебя пять плюс семь девятнадцать получается, — и предложила наблюдателям покинуть пищеблок и продолжить беседу позднее, ощущая, что мой мозг вынесен полностью, а проверка-то еще и не начиналась. Но не таков был коллега Игорь. Он посмотрел в меню раскладки и на сотрудницу тыла. Опять в документы и опять на нее. Уточнил: «Своими руками? Вы уверены?» — «Да! — зачистила сотрудница. — Встала ранехонько с утра и чистила рыбу, чистила и варила, варила и снова чистила рыбоньку на ужин!»

— У, — сказал коллега. — Вызывает сомнения. ЗАЧЕМ ВЫ ЧИСТИЛИ И ВАРИЛИ КИЛЬКУ В ТОМАТЕ?

— В смысле? — запнулась женщина. — Я варила и чистила, чистила и варила...

— Что? — теряя доброжелательность, уточнил Игорь. — Вот меню. Как из него следует, произведена замена. Вместо рыбы на ужин подается килька в томате, продукт консервированный. Выдавался в первозданном виде. Если доверять сказанному ранее, с ранехонького утра вы варили и чистили кильку в томате. Уточните, так ли это и с какой целью вы это делали, если вас не затруднит, по возможности продемонстрировав образцы очищенной отварной сырой кильки. В томате. То есть — все едино. Если его с кильки вы не очистили.

Тут другие сотрудники осторожно так, аккуратно начинают отодвигаться от коллеги, ну, на пару шагов, — всем же интересно посмотреть на человека, который самоотверженно с самого утра кильку в томате чистит и зачем-то на ужин варит. Такое вообще никакой технологической картой не предусмотрено. Но интересное решение, спасибо за посмеялись. Вот честно: никто ни про какую рыбу не спрашивал. Мы просто хотели немножечко посчитать правильный вес картошки. Чтоб вам же и помочь, и все, кроме сотрудницы пищеблока, это поняли. Неа, надо было нам самоотверженно мешать, не дать работать по старой привычке, всем наврать, себя подставить. И если бы мы были злые, то вообще надо бы наказывать за такое, чтобы уйти от практики вранья и сокрытия недостатков и непоняток, потому что это уже прошлый век, так нельзя, ну а мы... да просто смешная ситуация. Которой вот с вами со смехом и поделилась. Не надо обманывать, совсем без этого система не обойдется, — но вот просто, без всякого смысла, тех, кто помочь хочет, — зачем? Вот это то, что так хотелось бы изжить. Ну не едим мы ботву. Ну честно, «услышите меня, молдавانه и прибалты»: общественные наблюдатели ботву не едят. Или едят. Но редко.

Вводим в действие новый афоризм: не вари кильку на ужин в ее томате.

17. Родственники заключенных... Сколько сил вселили в меня они своей самоотверженной борьбой за мужей, сыновей, дочерей, пусть оступившихся, но единственных, родных и любимых... Я часто думала о том, что не смогла бы бороться с таким упорством и самопожертвованием за близких. И эта чужая готовность к борьбе, эта чужая любовь и верность, как ни странно, подпитывали мои слабые силы, вдохновляли. Я благодарна родным арестантов, наверное, больше, чем они благодарны мне. Это куда больше, чем если бы я вздумала брать с них за помощь деньги (я всегда говорила: это — бесплатная услуга). Этот источник, где я черпала силы, был и остается бесценным для меня.

Входя в карантинные отделения, члены ОНК всегда интересовались среди прочего: «Родственники знают, что вы здесь? Надо извещать?» Мы уходили из карантинных, нагруженные номерами телефонов, и поздним вечером начинались мои с родственниками, друзьями и близкими иногда сложные (чаще всего — по причине плохого владения русским языком) диалоги. Нередко приходилось выслушивать монологи, часто — на грани отчаяния, мучительные, тяжелые, когда я не знала, какие найти слова, чтобы поддержать. Редко удавалось обойтись четкими казенными инструкциями — как получить свидание, как сделать передачу, послать посылку, что туда положить... Мы выслушивали истории, где соединялись любовь, ненависть, боль, несправедливость. Чужие судьбы проносились перед глазами чередой, мы слышали голоса и голоса, мы пытались найти слова поддержки и дать надежду.

После бала и День Победы. Перестаньте сажать!

may_antiwar

10 мая, 2015

Сегодня опять был разрыв шаблона, когнитивный такой диссонанс, я после посещений заключенных из карантинных СИ-3 и СИ-4 села обзванивать матерей, а там и Пятигорск, и Новосибирск, и КБР... И вот я звоню вечным вестником беды (здравствуйте,

с праздником, ваш сын — в неволе), а в трубке чаще всего играет музыка торжественная: Что? Кто вы? Кто?! Говорите громче! Я на параде! Тут шумно! Праздник, музыка играет! День Победы у нас! Слышите?

Ваш сын в тюрьме. — Сейчас! Я отойду... одну минутку... я перезвоню... (Прямо перед глазами сцена: поникшая женщина, ссутулившись, покидает шеренгу, выходит из праздничного строя...) Но почему? Но что делать? У меня никого нет в Москве, я пенсионерка, инвалид я... я родила его поздно... Не вешайте трубку, послушайте меня по-человечески! Мне некому больше это рассказать. Он хороший мальчик был, он всегда за справедливость, друга собой закроет, он денег мне на лечение хотел заработать, тут же негде работать, чтоб жили мы по-человечески!.. Он не бандит, не наркоман... Я его одна поднимала, все, что было, всю душу в него вложила, я говорила ему: НЕ ЕЗДИЙ ТЫ ТУДА, в Москву эту, не надо, нет там у нас никого, никто за тебя слова не скажет... слушался меня всегда, а тут не послушался, поехал. И что теперь? Как жить? Я в Москву приеду, я денег займу, только скажите, ЧТО ДЕЛАТЬ? К кому идти? Он же у меня единственный... в тюрьме... как жить теперь? Вы простите, Анечка, что кричу, тут просто праздник, парад, громко музыка играет.

...И так пять раз. Видела я этих мальчиков в СИЗО-4. И я честно сейчас говорю: да, возможно, они какую-то мелкую хрень совершили, но что они там делают — Я НЕ ПОНИМАЮ. Им там не место. Они не должны там находиться, им надо дать пинка и выгнать на фиг. Это — неиспорченные ребята. Кем они выйдут после первого срока? Они будут уже другими. Что ж за музыка такая?:(((Праздник, парад, Победа... Я не понимаю, зачем моя страна их сажает. Это у матерей сын самый лучший. Но это не мои дети, и я вижу, насколько им там не место, в тюрьме. Уже через месяц они изменятся. Не в лучшую сторону. А музыка играет, играет, мы улыбаемся и машем, рыдают матери, все улыбаются. Кто-то вышел из строя, покинул шеренгу, уронил гвоздики... Суды штампуют, СИЗО принимают. Я тоже не понимаю, как жить.

Я редко говорю об этом, сжимаю зубы, мое дело — условия содержания. Но разве мы не видим, что происходит?

А бывало и смешное.

may_antiwar

12 ноября, 2015

Классно. Час пятнадцать ночи. Я обзвонила родственников тех, кого видели в карантине СИЗО, но спать не ложусь, потому что знаю, что сейчас пойдет вторая серия. Обратная волна. То есть они сосредоточатся, отрыдаются и начнут перезванивать мне. Обычная история.

Вот звонят подряд пять братьев и сестер взрослой заключенной Ивановой с Украины, ст. 159, ч. 4. Все по очереди. И почему-то все они называют меня «послушай, Анечка, котенок». Мои бывшие мужья никогда не называли меня «котенок». Им мысль о таком сходстве, видимо, в голову не приходила. Да, котенок из меня еще тот...

Но я, тем не менее, говорю: да, это я, ваш котенок. Вы опять про Иванову? Да у нее все хорошо, пятый раз вам сообщаю. Камера светлая, подружки приветливые. Я б сама оттуда, знаете, вообще бы не уходила. Плачет? Не, только хохочет. И в пятый раз вас всем передает: ПОЛОЖИТЕ ЕЙ НА СЧЕТ НЕМНОГО ДЕНЕГ! НЕ на телефон мобильный, как поняли? На счет! Не на мой, дебилы! (это я про себя, не вслух), на ЕЕ счет денег положите, а? пожалуйста! Вот потом мне перезвоните. Я вам еще что-нибудь расскажу. В камере? Да нет, не сижу я в камере, трубку ей не могу передать. Ну что тут поделаешь... Позвоните завтра, а?

Ваш котенок, член ОНК Москвы. Час пятнадцать ночи. Мурр.

18. Да, я все забывала, хоть обещала, рассказать, что было в тех моих недосматриваемых сумках, что я, надрываясь, тащила по маршруту. Да в них было все. От кран-букс до туалетной бумаги.

Грустный прикол.

Очки — и счастье прозревшего арестанта.

may_antiwar

6 июля, 2016

Уходим с посещения почти ночью с Аллой Покрас, а не уйти: в локалке — возвращенные со сборки арестанты. «Анна Георгиевна... Мне бы тросточку... бедро сломано, так ходить больно...» Я, грустно: нет тросточки. Не пожертвовали пока. Хотите, тетрадку и ручку дам? Арестант: с суда возвращаюсь... вот бумагу суд дал... прочтете? Я: ну... давайте... (на фига мне его бумага?) Достает, разворачивает. Третий арестант: а вы очками не помогаете? Не мне, вот ему, у которого бумага с суда... он же не видит ничего. Я: сколько там зрение у него? Ух ты... кажется, у меня есть как раз такие очки... из «Ашана». (Начинаю на коленках выгребать все из сумок и раскидывать по полу. Очки, очки, где же вы... о, вот!) Теперь они не открываются, упаковка. Пытаются арестанты, я, затем отбирают добрые сотрудники и расковыривают сложную упаковку специальным ножом. Отдаем очки заключенному. Ух ты, а ему идет! С замиранием сердца все участники шоу: ну? ПОДХОДИТ?!

Арестант: ух ты... Да!!! Я ВИЖУ! Моя бумага! (забирает ее у меня из рук). Сча́тливо, с восторгом: вот! да! да! Преображенский суд! продлить арест на два месяца! 158, ч. 2! Да, Ибрагимов — это я, это — про меня! Как же здо́рово! Я ВИЖУ! Спасибо, спасибо вам! Теперь я вижу, теперь я знаю! (Кружится в вальсе слияния со своей бумагой в полном восторге, что он узнал, зачем в суд ездил.)

320 рублей в «Ашане» — и человек узнал, что там с ним в суде было, — и этому счастлив. Такие, товарищи, дела. Грустный прикол. И всем, кто помогает, — спасибо. Хоть на этом.

...Благодарностей за все эти маршруты мы получали много. Вот, например:

Здравствуете. Хотелось бы выразить
свою ^{искреннюю} благодарность тем, кто работает
проявляет свое участие в судьбе людей,
которые ограничены в главном, в жизни,
человека - свободе, т.е. ~~эти права~~
Это благодарственное письмо адресовано
сотрудникам ОНК.

Качество жизни в Сизо - 5 заметно
улучшилось. Радуется, что Вам и руководству.
Решим ускорить принятие к согласованным дей-
ствиям по улучшению условий содержания
арестованных и осужденных. В частности ~~по~~
появилась возможность погулять в парках
полной ~~со~~ степерь витаминов (зелень, овощи,
апельсин груши бананы и т.д.) Радуется!!
Замечено улучшение отношения администра-
ции к посетителям (искреннее отношение, вни-
мание, понимание Сизо - 5 ~~принимает~~ свои при-
писки граждан и решает их вопросы), ~~хорошо~~
Радуется и всеяет оптимизм в наши, хотя
не простые времена. Администрация проявля-
ет и сейчас желание нас соизмерно по
ниманию и пониманию, т.е. ~~не не курят~~ со-
здали возможность покурить не курящим с
не курящими. Мы понимаем, а главное
чувствуем, что Ваши совместная и со-
гласованная действия дают положитель-
ный результат. Спасибо всем кто

прикиньтесь угасшие в ~~этом~~ решении
вопроса о том, возможно ли для нас, людей
находящихся в сложной жизненной ситуации.
Хотим обратить ваше внимание на
материальное обеспечение. А именно: ~~на~~ очень
мало можно попытаться брать из за-
щиты вещей, материально можно разместить
на переезде ~~быстрых~~ и мед. приборов в а. и. и. и.
но как-то и как-то — вообще невоз-
можно. Люди имеют хронические заболевания
инфекционно и сердечный характер. Решение
этого вопроса является важным для многих
близких. Хотим обратить внимание
на этирование граждан в суд и
обратно в мир. Мало того что этирова-
ние происходит в нечеловеческих условиях,
(считается более в нечеловеческих условиях!)
так оно еще и сопряжено ~~с~~ ~~время~~ с
травмами ~~на~~ ~~когда~~ ~~мы~~ ~~приходим~~ в
жизни по 3-4 часа на жаре
без воды без воздуха. (В некоторых автоза-
ках не работает вентиляция) А ~~с~~ ~~тем~~ ~~на~~
Есть люди, которые за 50 лет с хрониче-
скими заболеваниями. Если вы им
руки и ноги дадите, то это уже
исправит сам человек — это един-
ственный способ к сотрудничеству
и славы в целом ~~руки~~ ~~эмоций~~
нет, да и ~~да~~ не может. ~~Зеркало~~.

Бывало и проще.

После того визита Анны Коретниковой кое-что изменилось. Мне стали давать диету в нужном объеме и с положенной регулярностью. Теперь получаю слив. масло, мясо, 0,5 л. молока, яйцо, творог (которого раньше никогда не было), появился яблочный сок. Видимо эта организация имеет очень большое влияние на систему ЧФСН. Спасибо тебе чим за поддержку!

Или вот еще:

Заместителю, Председателю
Общественной Наблюдательной
комиссии города Москвы
А.Г.КАРЕТНИКОВОЙ

Ул. Гарибальди, дом 5, корп. 1,
г. Москва, Россия, 119313.

Уважаемая Анна Гродтсевна?

Поздравляю Вас с Новым 2015 годом и Светлым Праздником Рождества Христова! Примите пожалуйста самые теплые, самые искренние слова благодарности за Вашу неоценимую помощь, за Ваш самоотверженный труд, за Ваш подвиг в целом ряде защиты человеческих прав, за спасение нас от осуждения и от оскотиновения вопреки сатанинской воли лишёвшего нас свободы человеконенавистнического отпора! Уверен, что этот труд, этот подвиг в будущее не простое время передаёт в наследие и научение грядущим поколениям, как миссия завет, как благословение!

Я желаю Вам в Новом 2015 году крепкого здоровья, материального благополучия, удачи - и пусть обудутся любые все Ваши самые смелые мечты! Пусть этот год отметится Вами в истории нашей Великой России освобождением заключённых, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стерсения веры, утилизацией национального человеческого капитала! Пусть наше общее с Великой Россией славящееся обратится не к приватизации и разорению государственности, а к устроению порядка, справедливости и законности, о Великой Русской Народ вложит от навязываемого ему самоуничтожения! И пусть Благодать Господа нашего Иисуса Христа присутствует со всем нашим!

С безграничным Уважением!

"СОКОЛ"

29 декабря 2014г.

Камера(х) 7: ФКУ СИЗО-4
ЧФСН России по г. Москве

PS. И приходите к Нам. Вы нужны!

Бесценно.

may_antiwar

9 февраля, 2016

Ай, нет бесценней таких вечерних звонков... «Анн Георгиевн! не разбудить? Амиров я Юсуп, помнишь? «Матроске» я был, сэмэску тэбэ слаль, злой оперативник спецблок спускать хотел! В «Прэсне» я теперь. Вы «Прэсню» ходите? Аааа, я в порядке, только камера мой адын старий дедушка болель! Придете? Ой, болель... Савсем! Вас звать просиль! Как бы не умирал! Придете? Анн Георгиевн! Только как придете — вы бы не гавариль, что я вам звониль, ладно? Злой опер прыдет опять! А, Анн Георгиевн, знаю, что вы не идэот балной. Что так шутите? Ждать будэм вас... Спасибо!»

Спасибо вам. Мы придем.

Ну, и апофеоз успеха, так рассмешивший и членов ОНК, и сотрудников, в психиатрической больнице — «Кошкином доме».

Момент славы. :) «И чтоб была у меня на посылках сама золотая рыбка...»

may_antiwar

30 сентября, 2016

Под занавес сегодняшнего посещения «Бутырки» дикий хохот вызвала у сотрудников СИЗО, коллеги и сокамерников потрясающая реплика одного арестанта в камере психбольницы. «Вань, Вань, правозащитники пришли, тебе не нужно что?» — теребили его товарищи по несчастью. «Правозащитники?..» — вальяжно вышел вперед арестант и скептически нас оглядел. «Ну да, — кивнула я, — если что-то нужно там по быту, медицине, скажите нам об этом». «Да на фига вы мне сдались, — не очень вежливо фыркнул заключенный, — вы-то кто... У меня НА САМУ КАРЕТНИКОВУ подвязки-выходы есть! По «Матроске» еще. Вот так вот, между прочим!» — и обвел всех вокруг горделиво-презрительным взглядом.

Он некоторое время не понимал, что за шквал хохота восполюдовал за этими его словами. Хохотали сотрудники и арестанты,

согнувшись пополам и одновременно хлопая в ладоши. Я удержала лицо. Я без тени улыбки сказала: «Блин, действительно... если уж действительно НА САМУ КАРЕТНИКОВУ, лучше нам тут под ногами не путаться... пойдёмте, коллеги! Ребяшня отходит, когда спецназ работает...» :)

19. Благодарности от арестантов шли, во-первых, потому, что мы доказали свою эффективность на деле, а не на словах, а во-вторых — мы действительно сумели удивить форматом общения, своими вечными шутками и прибаутками. Такой комиссии арестанты, должно быть, еще не видели. Заданный мною и поддержанный коллегами стиль общения очень пришелся по нраву в камерах. Крайне выдержанные шутки-экспромты, произносимые с наисерьезнейшим выражением лица, после некоторой паузы недоумения вызывали хохот, самые серьезные и ангажированные АУЕ смотрящие закономерно пытались не попасть под удар нашей непроницаемо доброжелательной язвительности. Мы шли по грани, позволяющей иронию, но не допускающей откровенных насмешек над арестантами и сотрудниками. Вот, к примеру, так мы разъясняли необходимость росписей в журналах учета заявлений в преимущественно мусульманских камерах.

Хорошая ситуационная наработочка. И мы еще называем ее «дискурс». Внелингвистический контекст.

may_antiwar

30 мая, 2015

«...И, поскольку все сущее на свете дал нам Аллах, как мы прослушали уже пять раз, а таким образом Аллах Всевышний дал нам, следовательно, в том числе и этот журнал учета и регистрации ваших жалоб и заявлений, то, по воле Его, нам всем следует научиться сейчас надлежащим образом данным журналом пользоваться. Аллаху акбар. Боже сохрани. Во имя Приказа министра № 189 теперь все суету закончили, гомон и меня (я сказала — меня!!)

слушают. Христиане, мусульмане, язычники, буддисты, атеисты, сотрудники УИС... и вон тот пацан с сигаретой... готовы? Сейчас самое интересное начнется. Пристегнули ремни. Поехали».

Овации, тишина, напряженное внимание. Затем — дополнительные вопросы.

Да на всю суету да с канителью...

may_antiwar

27 июня, 2015

Приходим в камеру с любимым сотрудником режима Артемом, которому расширяем восприятие. Арестант: а вот хочу спросить я, как бы доверенность мне на жену выписать?

Артем: а на что? бывает на квартиру, бывает на машину... Вот на что тебе? А, сам, небось, не знаешь, гы-гы!

Арестант: не, мне как бы лучше вот на всю сразу суету да на всю канитель...

Артем: гы-гы, глупый! Такой доверенности-то и не бывает, ха!

Члены ОНК: а вот и не угадал, скажем тебе, Артем, что доверенность на всю суету с канителью очень даже бывает, чисто как юристы заявляем вам, и называется она, в переводе, внимание: ГЕНЕРАЛЬНАЯ ДОВЕРЕННОСТЬ! Она! И сейчас мы расскажем вам, о заключенные, как ее вам быстрее получить.

Арестант: точно! Они знают! Вот ее, ее хочу! Они знают!

Артем: а... хе... действительно... ишь ты как... гы...

Расширяем, Артем, расширяем восприятие! :)

В любой камере, в самой сложной ситуации мы стремились не упрочить конфронтацию, а заставить сотрудников и спецконтингент общаться друг с другом напрямую, пусть при нашем посредничестве, мы подталкивали их к диалогу, и когда он задался, из посредников и парламентариев превращались в невидимок. Мы считали это очень важным — через крик и вражду приходило к взаимопониманию, преодолевая силой убеждения замкнутость среды. Когда это происходило, мы считали миссию

выполненной. Тогда мы получали возможность помочь. Привет, привет покойному Киселю.

***На здоровье положения не делают...
Третий изолятор знает. Мы вместе.***

may_antiwar

12 июня, 2016

Входим в камеру.

— Парни, как дела, не болеем?

— Болеем все. Вот у него... а у меня... а у того... можно лекарств? Врача? Заявления не регистрируют! Журнал не приносят! Как попасть к урологу? к хирургу? к стоматологу? к дерматологу? к терапевту? (Обступают, перебивают друг друга.) Больно, больно, больно!

Окрик смотрящего из занавешенного угла: э, что, хорош жаловаться... (далее по-чеченски).

Я будто не понимаю.

Снова по-чеченски: отошли, хватит. Достаточно говорить. Не по понятиям.

Ропот. «Нет, вот про это правильно говорить! Вот про это будем говорить! Где сказано, что не надо говорить?! Он как надо за всех нас говорит!» (Часть реплик — по-чеченски).

Смотрящий, садясь на кровати, отодвигая занавеску: я сказал: хватит! Нельзя!

Ропот. «Тут за нас говорят! Где врачи? Где лекарства? Кто ответит? Кто принесет? Вот эту Анну Григорьевну я на «Матроске» видел... от них толк есть. Большие, чем вреда. — Спецблок, помните? мы вас бутербродами угощали! хотите бутерброд? — 2014 год, «Медведь». Помните меня?.. э, забыли... С пятого я. Э, так я с «Бутырки»! Там были врачи, вы приводили, помните? Старичку нашему помогли... Тут вообще нет врачей. Тут много надо помочь. Много больных. Сумеете? — Да (в занавешенный угол) — и не надо мешать. Сейчас не надо. Давно знакомы.

Смотрящий, по-чеченски, резко (я не понимаю, сложно, незнакомые слова).

Ему, по-чеченски: нет, хватит.

Помолчи. Выходит худой нервный парень из задних рядов, неожиданно, срывающимся голосом: а вот Кисель был тут в такой-то камере... он где? Долго ж врача звал... И? Что ты на это скажешь?

Смотрящий встает в полный рост, выходит на середину камеры, но арестанты отодвигаются от него, по сторонам смотрит нервно, растерян.

Я, ровно: надо понимать. Любим администрацию, все в диалоге, а вот больным надо помочь. Верно? Я знаю, вы этого хотите, как мы. Их много, времени мало. Расскажите вы за каждого. Вам я верю. Начните. Вот сюда, напротив меня присядьте. Я буду так признательна вам, сформулируйте.

Парень, явно с облегчением (разруливаем ситуацию) присаживается напротив. Чисто по-русски: а... у Сурена ноготь врос, гной течет... у Вани камни в почках... Арсен не спит три ночи, мучается. У Димы температура. Мурик задыхается. И о другом: но кран бы нам, знаете, починить... Третий месяц пишем — вода же хлещет...

Баркалла, братик. Нам нужна медицина, нам не нужны революции. В этом мы вместе. За наших больных.

20. Мы завоевали в той или иной мере доверие спецконтингента, а вот с сотрудниками СИЗО все было менее понятно. С одной стороны, разумеется, нашим приходам мало кто радовался (а вообще никто не радуется бесчисленным проверкам), с другой — как-то мы слегка привыкли друг к другу, притерлись, научились друг другу доверять там, где это можно, а также мириться друг с другом там, где доверять нельзя. Эта вводная «Не стойте с ними! Не разговаривайте с ними! Не расслабляться! Это — враги!» — конечно же, была куда более мощной для сотрудников, чем, например, для меня. Дружеские советы можно игнорировать, указания руководства следует выполнять. Но все чаще кто-то делился с нами тем, чего бы мы не услышали раньше, кто-то тихо советовался и

просил помощи в правовых вопросах, кто-то — консультировался по рабочим. Мы могли язвить, тихо переругиваться друг с другом, обмениваться колкостями на грани оскорблений весь маршрут — и мириться перед его завершением. Иногда это было похоже на общение старых супругов, которые собачатся на чем свет стоит, но и обойтись друг без друга уже не могут. «Анна Георгиевна, вы так хорошо тут во всем разбираетесь, всем советы даете — может быть, вам пойти к нам работать? Сама тут все и исправите...» — это, произносимое елейным тоном, казалось тогда едким остроумным выпадом. Кому ж дано предвидеть будущее? Я пошла, я пошла к вам работать, но тогда это считалось шуткой. И затем сработал эффект социальных сетей, все эти мои ночные писания в блоги по итогам посещений, со слезами, насмешками и недомолвками обрели новых читателей.

Когда-то, уже много лет назад, в незаправдашные времена моя далекая от тюрьмы подруга Таня сказала: это, конечно, очень интересно, что ты пишешь, я всегда читаю, оно познавательно и с юмором... но не могу только я понять: к кому ты обращаешься? С кем это ты в своих блогах разговариваешь? С какими-то голосами, привидениями, что ли? Духов вызываешь? Кто такие эти «вы», кого ты совестишь, стыдишь, уговариваешь? Извини, но выглядит странно.

Я тогда не могла ответить, я только подозревала. Одновременно мне отказал в публикации текстов блог на «Эхе Москвы», редактор пояснила: мы не публикуем открытых обращений. Все переделайте. Там, где вы пишете «вы», вам следует писать «они». Я спорить не стала, разумеется, и ничего переделывать не стала тоже, просто распрощалась с сайтом «Эха Москвы» и продолжила на других площадках «вызывать духов». Я смутно догадывалась, кому я пишу и к кому обращаюсь. И к арестантам, и к друзьям, и к широкой общественности, конечно, тоже, но в существенной части мои слова были обращены к сотрудникам, к офицерам, к инспекторам, к медработникам наших изоляторов-подразделений... И по прошествии долгого времени мне внезапно ответили эти самые «голоса» и «привидения». Если честно, это ввергло меня в состояние шока. Ну, как если бы много лет я рассказывала о своих мечтах, например,

стенному шкафу — и вдруг он бы решил отозваться. Мол, слышу тебя, да, опять фигню несешь... Вы бы не обалдели?

Приехав в очередной раз в СИЗО, я начала было рассказывать про технологические карты, свою вечную нудятину, с цифрами, с примерами, но меня перебили сотрудники пищеблока. «Да ты же это на той неделе писала уже! — возмутились они. — На фига повторяться? Все уже поняли! Переделываем карты постепенно». «Знаем-знаем, — перебили меня в ответ на попытку рассказать смешную историю, — все читаем «мэй антивар», уже ухохотались. А в каком хоть изоляторе такое случилось? Не скажешь, как обычно?... Ну ладно, сами догадались». На попытку поделиться правовой позицией по поводу нового нормативного акта ответственный режимный сотрудник недовольно оборвал: «В блоге «мир вашему дому» писала? Я посмотрю потом, время не отнимай, я занят. А не писала — так напиши, что мешает-то? Вечером почитаю». Возмущенный часовой на КПП пенял: «Ну не надо преувеличивать! Не то чтоб я тебя не пускал с кипятильником... просто... Ну — не орал же! Просто строго говорил! Как инструкцией предусмотрено. Зачем так написала? Все издеваются надо мной теперь!» «Анна Георгиевна, а меня в своем блоге отметите? Я старался!» «Только не надо ничего об этом писать! Ты не напишешь?! Ну, если хочешь — в УФСИН напиши, только не в ЖЖ!» «Удали этот пост! Ты слышишь — просто удали! Тебя как еще попросить надо?!» «Анна Георгиевна... спасибо вам... я не знаю, как вас благодарить за такие теплые слова... Все коллеги на меня смотрели с таким восхищением... Я никогда не думал, что отметите меня. Спасибо!»

Некоторое время я к этому привыкала. Понятно, что представители соответствующих следящих и контролирующих служб читали меня давно, но вот именно такая широкая внезапная аудитория слегка выбила меня из колеи. Я думала сначала, это шутка такая... Не знаю, как они там блог мой в Интернете нашли... видимо, количество разгневанных постов перешло в качество и я стала таким же интернет-ресурсом для сотрудников, как, скажем, сайт УФСИН России по Москве. А то и более актуальным и популярным.

Что удивительно, благодарили меня не только за публикации куда-то затерявшихся приказов и указаний, за добрые слова, которые так люблю говорить сотрудникам, но и за такие вот ничего не значащие, казалось бы, сценки из жизни:

25 июля, 2016

В СИЗО-8 однажды приехали журналисты и представители ФСИН России. И пошли, разумеется, в ту камеру ранее судимых, которая не раз упоминалась прежде в газетных публикациях. А камера та была ужасная, на 40 человек да шесть лишних, мрачная, темная, с потеками на стенах, неотремонтированная, жуть. И вот все приходят — а она довольно светлая, чистенькая, беленькая...

Журналисты обозрели камеру, покивали головами, а я в приступе неуместного веселья уселась за стол и, сдерживая хохот, шепнула арестантам: а бумагу кто покупал? «Хозяин велел за свой счет затянуть», — шепнули в ответ заключенные.

...Все стены камеры были обклеены чистенькими листами формата А-4.

— Ну вот, уважаемые представители СМИ, — сообщила я бодро журналистам, — отличное нововведение! В СИЗО-8 теперь обитателям камер руководство разрешило за свой счет делать ремонт: купили бумагу вместо обоев и обклеили стены перед вашим приходом! Очень, по-моему, свеженько, приятно выглядит!

— Прекрати! — дал мне отрезвляющего пинка представитель ФСИН России, — ты не то говоришь! Надо не это!

— А?.. — напугалась я. — Что не так? Что надо говорить?! Какая официальная версия?

— А то самое! Надо говорить, что стены по своей инициативе они обклеили страницами из томов своих уголовных дел! Чтоб придать камере домашний уют!

Я нервно на него глянула, прикинула, что версия оригинальная, но несколько фантасмагоричная, и предпочла закрыть рот вообще и только страшно расширить глаза.

...Сидели в камере больницы «Матроски» с пожилым кинорежиссером, что был в этой самой камере СИ-8, вспоминали этот смешной случай. Я сказала: журналистам только вид санузла не понравился: страшный, ржавый...

«А на дальняке-то бумага не держалась... отпала сразу, как мы ни старались...», — сказал пожилой кинорежиссер.

«Это хорошо, что ты рассказываешь, как они тут живут, как мы работаем, — к своему изумлению услышала я от сотрудников изоляторов. — Вот ты пишешь как есть. А то думают тут, что у нас неведомо что... что не люди здесь. Ты нормально пишешь. Приврать только любишь, но так это для смеха, для понимания».

Это было очень странно. Годами сформированная замкнутость и недоверчивость свойственна сотрудникам УИС как никому. Начиная от лейтенанта (а то и с младшего инспектора) они уже не скажут слова в простоте, и каждый дует щеки от секретности и важности, как агент семи разведок. Ну как же, они — на войне. Со спецконтингентом, а главное — со всеми внешними охаивателями и врагами. А вот то, что я писала, — понравилось. Кажется, уже тогда я говорила на нашем общем языке. Тут же к ведению мною блогов появились дополнительные пожелания и рекомендации.

В поисках 115-го приказа и как мне вести мой блог. :) ***Монолог сотрудника УИС***

may_antivar

13 июня, 2016

Офицер в СИЗО-8 на мои приставания о 115-м Приказе.

— Что, что ты пристала — где приказ... почему не исполняем... Ты сама писала в своем блоге Май Антивар, я помню: будет приказ, опять разрешат шампуни и сигареты. Но! — писала ты — текста приказа пока нет. Так было? Ну и что ты хочешь? На следующий день текст приказа повесила? Ая с суток был. Могу я с суток быть? Могу я один день отдохнуть? Вот и не видел! Надо было еще раз повторить. И еще раз повторить. Раз важная вещь — надо несколько раз повторить, каждый день. Все тогда и прочитают. И вообще

надо уже вести блог нормально, как, например, нашего СИЗО сайт (Петров, этот наш сайт, кстати, там работает или опять нет? Ты смотри у меня!) Ты свой блог давай веди отчетливо, с разделами «важно!», «новое в законодательстве», «Сотрудникам» (там про проблемы сотрудников надо, кстати, побольше писать, мало пишешь), вот это нормально будет. Смешные истории — это хорошо, это у тебя получается, они полезные, с моралью, но пиши больше по делу, для внятности. Что — «сайт УФСИН у вас есть»? Ну, этот сайт, допустим, мало кто читает. Там про нас мало, потому что там другое, он не для этого... Там — начальство. Там про спортивные всякие состязания, как мы на лыжах бегаем. А тебя люди читают, сотрудники. Встают утром и читают. Я читаю. А раз так, раз ты блог для людей ведешь — так и организуй его нормально. Что «не учите меня вести мой блог — и я не буду учить вас управлять вашей тюрьмой»? Очень смешно, ухохотаться... Тюрьмой мы нормально умеем управлять, а ты для людей пишешь. Делай нормально, критику воспринимай. Текст давай сюда. Что — какой? Ну этого, Приказа 115-го. Не знаю, довел ли Управление, может, его Петров куда-то дел... Раз привезла — давай, не вредничай. Сейчас обозрим его... внедрять будем... слава тебе Господи, 277-й сигаретный отменили... пока не началось тут это... народное восстание. :)

Мне не казалось теперь, что на меня смотрят, как на врага, сквозь прищур, сквозь прицел. За редким исключением, конечно, но с нестаршими офицерами и прочими сотрудниками мы как бы оказались в некоем молчаливом заговоре: явно я что-то напишу, а они потом прочитают и обсудят. И я сама чем больше понимала, тем менее видела в сотрудниках УИС врагов. Я помню, принципиальные коллеги когда-то возмущались: Аня! Да чтоб тебе так, Аня! Отойди от них! Не общайся! Не говори при них! Не говори С НИМИ! Я, естественно, не слушалась, и хоть пыталась соблюсти нейтралитет, все равно сбегала в какой-то момент покурить и посплетничать с сотрудниками, даже в самые тяжелые наши времена вражды. Я не умею так — много лет работать бок о бок с людьми и продолжать видеть в них неприятеля. Ну да,

предавали они меня не раз. Но ведь сколько раз выручали! Ну хорошо, их руководство велит видеть им в нас врагов, но это ведь не мое начальство! Я так ценила каждого, кто помогал на маршруте, так пыталась поднять настроение и найти добрые, теплые, воодушевляющие слова... И я видела, что люди, сотрудники, ждут встречной реакции, они стремятся, они хотят быть лучше... Как в фильме «Зеркало для героя» — они... МЕНЯЮТСЯ! И менялась я. Чем больше я работала рядом с сотрудниками наших изоляторов, тем больше задумывалась о том, что можно сделать для них, как поднять престиж профессии, как дать им больше спокойствия и уверенности в завтрашнем дне, как убедить видеть в заключенных не безликих зэков, а таких же людей, как и сами сотрудники. Ведь банальность скажу, но эти люди еще даже и не осуждены, вопрос об их виновности или невиновности не закрыт. Но сколько раз я слышала от сотрудников «хороший человек в тюрьму не попадет, значит — есть, за что», столько потом слышала от людей, далеких от тюрьмы, «хороший человек в ГУЛАГ работать не пойдет». С обоими штампами я пыталась бороться, понимая, насколько они губительны для общества, насколько несут в себе продолжающуюся войну, а УИС выступает как бы квинтэссенцией, изнанкой этого воюющего между собой общества, где особо наглядно, грубо проступают штрихи оборванных ниток, кривые стежки ранее сделанных ошибок.

Еще в ОНК от сотрудников так часто приходилось слышать наблюдателям такую фразу, произносимую с претензией и недовольством (почему-то каждый новый произносивший ее сотрудник полагал, что он первый, кому довелось задать нам этот такой правильный вопрос): «А вот скажите... вы вот права зэков защищаете... А права сотрудников, например, никто не хочет защитить? Такой закон пока что не приняли? Интересно — почему?...» Сначала мы, наблюдатели, пускались в пространные объяснения: «Ну, знаете, этот закон принят именно потому, что заключенные наиболее бесправны, их права наиболее ограничены, они вон в камерах сидят, а вы по воле ходите...» На десятый раз уже раздраженно рвалось с языка: «Слушайте, вы сами эту работу выбирали, вас никто не заставлял, не нравится — увольняйтесь.

Или создайте вон профсоюз, пусть он ваши права защищает, что мешает?..» Через несколько лет я грустно усмехалась и с полным на то правом отвечала: «Вы думаете, мы не защищаем ваши права? Хм... иногда у меня бывает ощущение, что я их защищаю уже больше и чаще, чем права заключенных». К чести членов ОНК Москвы, когда у них была возможность не в ущерб заключенным помочь сотрудникам, — они всегда помогали. И всегда понимали, что иногда права заключенных и сотрудников не только не противоречивы, но и неразделимы.

Ну, косяков, как у нас говорится, я все равно не прощала. Этому портрету рукоплескали как сотрудники, так и арестанты, узнавая героя, хоть подшучивала я чем дальше, тем все больше беззлобно и с пониманием. Но отрицательные черты я считала своим долгом отметить и выделить. Ну, то есть высмеять, это всегда было моим главным оружием.

Он — сотрудник службы режима. Один из многих.

may_antiwar

30 мая, 2015

...Он работает в одном московском СИЗО. Он — апофеоз сотрудника УИС старой формации, если мы видали когда-либо апофеоз (гы-гы-гы, приколы, эх жалуется!), хоть он и молод. Он — сотрудник службы режима «Матроски», это о многом говорит. Он — разведчик на обратной стороне Луны, агент в Эру Милосердия. Он не виноват. Его так научили. Ему так приказали. Мы можем с ним дружить, но мы не можем о нем врать. Он не умеет называть заключенных на «вы», как то предусмотрено законом. Даже в нашем присутствии, после пяти просьб. Ему надо, чтоб обязательно встали при его появлении (начальник же пришел!), да, все, и особенно — ампутанты и инвалиды в палатах больницы. Если они не встанут и не построятся, он, видимо, утратит к себе уважение. Он — сотрудник службы режима одного СИЗО. Я помню старую песню из послесоветского КВН «У них в глазах ваще ниче не светится...» Не у всех. У него — нет, не светится. Он также, похоже,

полагает, что члены ОНК должны вставать при его появлении, и искренне негодует, что что-то идет не так. Иногда он смешно шутит на тему, что хорошо бы тут всех вывести во внутренний двор и расстрелять.

Мы: Скажите, а вы без нас когда-нибудь ходите по камерам?

Он: Ну, бывает. Чего ж не пройтись?

Мы: И что же, к вам не обращаются заключенные? с заявлениями, с просьбами?

Он: Не. Это — не. Нормально бывает. Я такой прихожу. Все стоят мне тут докладывают. (Делает зверское лицо.) Я им тут и говорю: ээки, жалобы есть? Я не понял — че, жалобы, вопросы, что ли, есть? ЕСТЬ?! Или НЕТ?! И они такие: не, начальник, жалоб нет, какие жалобы?! Во. Нормально всех обошел, быстро. Вы — добренькие слишком. Вот они и начинают жаловаться, выделяться тут... Надо не так. Надо вот так: ух... (сжимает кулаки).

Он не может не врать. Он врет все время. Его с нами послали врать и за нами следить. Он так видит свою задачу, ее так поставил, возможно, руководитель. Если он видит что-то черное, он обязан сказать, что оно белое. Это лежит в русле его представлений о должном, о выполняемой работе. Это один из тех ребят, что будут до обморока утверждать, что отсутствующие лампочки сияют, тазы из камер только что произвольно самоукатились, а «Матроски» и «Бутырки» не существует. Какие права человека? Какая воспитательная функция? Какая Конституция РФ?

Мы любим пошутить. «Антон, помните, вы говорили, что смотрящего в «Матросской Тишине» не существует? Так тут новый смотрящий Ваха вам просил передать, что, может, он думает, что сотрудника режима Антона тоже не существует. И вообще ему на это наплевать. Как вы считаете? Он ошибается? Вы существуете?»

А.: ? (глубокая задумчивость). Почему это не существую? Как это? Офигел он! Вот я!

Я не знаю, в какую он ходил школу. Дай Бог, не во вспомогательную. Мы: Нет, он существует, этот смотрящий Ваха. Пойдемте, мы сейчас познакомим вас с Вахой в процессе посещения.

Он: Это зачем? Я вот это все не поддерживаю!

Мы: Не надо поддерживать. Это ж не вы его смотрящим назначали. Или вы? Ну ладно, ладно. А знать надо, чтоб хорошо исполнять свои обязанности. Как вы их можете исполнять, не ведая очевидного? Пойдемте знакомиться, сейчас откроем вам волшебный мир!

Он: Нет! Я... я не хочу! (А че ты хочешь? наблюдателей кошмарить? ну сейчас еще... нас и так уже закошмарили. Пошла ответная. Слава Богу (хоть и жаль) тут представитель администрации догадывается и успевает сменить нам сопровождающего на хорошего парня, и поэтому мы меняем маршрут и дискурс. Обожаем расширять восприятие. Но Антона от нас забрали... мне скучно, Бес...)

Он не худший. Мы ведь ругаемся в шутку в основном. Он: Я думал, вы нормальные... (угу, когда пакостничал...) Мы: индюк думал, мы тоже думали, что тут нормальная тюрьма (даже когда ты у нас книжку, принесенную для заключенного, спер, то есть дел куда-то, когда продукты из сумки стырил, было дело), а у вас тут УЖАССССС — коррупционные взятки вымогают, людей пытаются, в газетах написано, газеты зря писать не будут, ваш централ — позор России! Вообще шокированы, сейчас в обморок бухнемся. Давай, лапонька, твой ход...

Тут он не выдерживает и начинает тихо смеяться. И мы понимаем, что он все равно не худший, он не тот, кого надо уволить, его учить надо и реабилитировать, он умеет смеяться, хотя бы это. Не над собой, но хотя бы над ситуацией, над раскладом. Но в том состоянии, что он сейчас есть, он для заключенных потенциально опасен. Смеется-то он с нами, не с заключенными. Там другие дела.

И мы работаем весь день потом нормально. Не с ним, с другим. А Антон... (имя условное). Кто его так научил? Кто его так натаскал? Кто уверил его во всевластии над другими людьми? Думаем, его руководство и, в частности, службы режима. А кто еще-то?

«И они мне все: ЖАЛОБ НЕТ, ГРАЖДАНИН НАЧАЛЬНИК!»

Р.С. Мы никогда не подставим нормального сопровождающего нас сотрудника, это все знают. Кури ты тут хоть на телеге со взрывчаткой, если туда пепел не стряхиваешь, хоть в камере больни-

цы, если больные курящие разрешили, матом ругайся и называй всех на «ты», если мы видим, что ты — человек, если ты в заключенных видишь людей. Хоть антиконституционные высказывания себе позволяй, не понимая, что говоришь, не знай законов, мы тебе сами расскажем не под запись, все объясним, просто — будь человеком. И вы не представляете себе, сколько таких сотрудников, которые — люди. В кого верим и кого ценим. С кем хочется работать и быть рядом.

...И они мне все: ЖАЛОБ НЕТ! Да ты что, Антон? Да ладно тебе... да брось ты... да не удивляй ты нас, общественных наблюдателей... давай, твой ход.

Ну, зачастую в ответ сотрудники вознаграждали нас вот такой историей, умея и удивить и сами удивиться.

«Байки из склепа».

may_antiwar

27 апреля, 2015

*...Ха-ха... где это такое было, в каком изоляторе? вот приколы... Не скажешь? Ну, ладно. Не, такого не было у нас. У нас дебильней только было. Было два *удака, два инспектора. Один *удак в камеру к зэкам зашел, другой его там зачем-то запер. И ушел. Думает, «я дебил, ля-ля-ля», с***лся, в общем, куда-то. Зачем — это я сам не понял, сложно сказать. Потому что *удак, наверное, может, смешно ему показалось. Запер его с зэками и ушел.*

*А тут хозяин идет с проверкой. Начальник наш то есть по продолу идет. Хорошо хоть, не прокурор идет, не из управы никто, тут бы всем звездеч пришел, вообще ох*ели. И вот они корму открывают: кто-то орет, глядь, а там его подчиненного-то и рожа, это он оттуда, из хаты, орет. Мля, в фуражке ведь орет...*

*В общем, одному *удаку дали выговор и другому такому выговор. Правильно дали. Что такое, дегенераты?..*

*А что ему зэки сделали? Да ничего вроде не сделали... Чаю налили. Может, могли убить, наверное, это я не знаю, но говорит: не, чаю дали, даже с сахаром... «Сколько тебе, *удак, туда ло-*

жек?», — спрашивают. Вроде больше ничего. Не, вот как с такими работать?..

...Нормальная история! Опять ты очки притащила? Сейчас раздадим, давай. А, у нас один ээк заказал сто очков. Разных. На весь централ типа, кто нуждается. В медицинской передаче. Передали. А проверка такая приходит: на фига ж ему сто очков? Ну, мы выдумали: типа ему для разного освещения нужно — дневного, ночного, утреннего, вечернего... Очень тонкое зрение, сложная проблематика... Надо же что-нибудь придумать! Не отказали, не, все приняли. Да как ему откажешь-то? — положенец...

21. Но при всем моем восхищении теперешними коллегами-сотрудниками я считаю, что об их проблемах, которые неизбежно становятся и проблемами заключенных, надо говорить честно. Интеллектуальный и, главное, культурный уровень сотрудников нижнего звена, в первую очередь младших инспекторов, крайне невысок. Сколько раз на нытье членов ОНК: да почему журналы не ведут, да почему в них опять глупости написали, почему все потеряли и перепутали, почему пятый раз говорим, как надо, а человек ничего не понимает... — руководители СИЗО срывались и кричали в ответ: да потому, что на меня работают идиоты, набранные по объявлениям! Где мне других взять? (По объявлениям когда-то довелось приглашать сотрудников на работу и мне, еще в бытность членом ОНК, считается, что у меня по телефону приятный голос.) Это значит — дает человек объявление в газету «Работа и зарплата», мол, хочу охранять, например, автомойку, зарплату получать такую-то. И тут ему звонят из СИЗО и приглашают на работу: инспектором, воспитателем, охранником. Расписывают всяческие блага и выгоды. Как правило, человек отказывается, услышав о грядущей невысокой зарплате. Ну, может, это только у меня так получалось: наверное, я плохо «светлые стороны» описывала. А ведь помимо собственно желания пойти работать на не слишком высокую зарплату кандидат должен соответствовать массе критериев: здоровье, отсутствие

судимостей у него самого и у родственников... да даже наличие армейских татуировок на заметных местах может стать проблемой. Претенденты должны заполнить тесты, месяцами проходить непростую медкомиссию. Полиграф опять же. Впрочем, за́мер IQ, если я правильно понимаю, в перечень необходимых проверок не входит, а жаль.

Действительно, укомплектование штатов — это очень серьезная проблема. Зарплата инспекторов относительно невелика (по крайней мере, ниже, чем в органах МВД), социальные гарантии относительно невысоки (ранняя пенсия — оставшаяся «заманиловка» на эту работу). Престиж профессии, мягко говоря, никаких. Уж особенно в России, пережившей период страшных репрессий, когда сотни тысяч невинных людей были водворены в лагеря, слова «тюремщик», «надзиратель», «вертухай» ни с чем позитивным, достойным и мужественным не ассоциируются точно. Обычному человеку, который вообще зачем-то задумывается о тюрьме, безразлично, кем является «тюремщик», к какой из служб он принадлежит, воспитатель ли это, сотрудник режима, оперативник, — в такие тонкости обыватель не вникает. Сама по себе форма УИС и люди, в нее одетые, добрые чувства вызывают мало у кого... «Э, ты будь внимательна, — сказал мне сын, когда я стала ездить с работы в форме с соответствующими нашивками. — Забудешь, как ты одета, вылезешь из машины, попрешься в магазин за сигаретами — тут-то тебя и изобьют, никто разбираться не станет, что ты «по правам человека»...» С такими проявлениями я пока не сталкивалась, но я действительно редко выхожу из автомобиля, разве что на бензозаправках и в своем дворе. И совет не лишен резона. Я — редкий сотрудник, кто появляется на улице в форме (это — мое самостоятельное решение). Однажды, возвращаясь с работы, по просьбе члена ОНК зашла выпить с ним чаю и обсудить вопросы работы в маленькое таджикское кафе в своем районе. Бушлат я благоразумно повесила изнанкой кверху на стул, однако официанты цепким взглядом распознали род войск и немедленно пожелали нам с корреспондентом ИТАР—ТАСС «вечер в хату, часик в радость», и все последующее обслуживание сопровождали подколками такого рода.

Возвращаясь к укомплектованию. Как результат: работать в СИЗО приходит множество людей, которые больше нигде негодились. Кто-то приходит из полиции, кто-то из армии, кто-то все же соглашается охранять СИЗО вместо бензозаправки или автомойки, прельстившись социальными гарантиями и ранней пенсией. Человек приходит работать в систему, которая замкнута, как уже говорилось, и довольно беспощадна — как к чужим, так и к своим. С заболевшими или «оступившимися» (оступиться, впрочем, надо так, чтоб это невозможно было скрыть, об этом умолчать) она расстается без сочувствия и жалости, на следующий день уже забывая, что вот работал тут такой парень... Обушедших из системы по различным причинам говорить и вспоминать не принято, за исключением ветеранов труда и службы. (Их, напротив, принято показательно чествовать, поздравляя с профессиональными и общенациональными праздниками.) Но стать почтенным ветераном доводится немногим.

Сами по себе интеллектуальный уровень и культурный багаж могут показаться не столь значимыми для кандидатов на работу в СИЗО: там не требуется совершать открытия и решать сложные уравнения. Однако загвоздка в том, что именно эти качества и навыки делают сотрудника более устойчивым к профессиональной деформации, способным к рефлексии и самоконтролю. А профессиональная деформация, на мой субъективный оценочный взгляд, ужасна. С одной стороны, тебе предоставляется большая степень власти над другими людьми, над арестантами. Ты можешь манипулировать ими, оставаясь в рамках правового поля или чуть выходя за его пределы. Ты можешь вывести их, например, для санобработки (мы элементарный душ так называем), а можешь не вывести. Можешь позвать медицинского работника настойчиво, а можешь и погодить. Чуть выше уровнем — ты можешь поместить заключенного в относительно комфортную для него камеру, а можешь — в ту, где ему заведомо будет некомфортно. Ты многое можешь. С другой стороны — над тобой довлеет система, как правило, так же несправедливая с тобой, как и с заключенными, требующая безоговорочного повиновения,

абсолютного подчинения, исполнения приказов, пусть они кажутся тебе несправедливыми и абсурдными, но ты — человек в погонах. Вот это встречное давление: безнаказанность в одном и бесправие в другом — плющит как между жерновами не готовую сопротивляться личность, приводит к тому, что принято называть профессиональной деформацией. Когда тебя бьют сверху по голове, наказывают за неисполнение норм, которые ты по многим причинам заведомо не в состоянии выполнить, когда с тобой поступают несправедливо, когда ты лишен веры в будущее и социальных гарантий, когда твой единственный мотив продолжать работу — «любой ценой продержаться до пенсии», — редкий удержится от того, чтоб не пойти и не отыграться на тех, кто тебе подвластен, не вылить на них свой негатив. А при, повторюсь, традиционно презрительном отношении к профессии в обществе человек утрачивает необходимость становиться лучше, напротив — он начинает с мстительным удовольствием соответствовать общественному стереотипу: «Вы считаете меня гадом? Таким и буду, чтоб вас не разочаровать! А что ж теперь мне?» Мы все отчасти светим отраженным светом. И становимся во многом такими, какими нас видят. Отношение к себе мы переносим и на себя, и на других.

Для того чтоб человек хорошо, гуманно относился к другим, он должен сам находиться в относительно спокойном, комфортном состоянии, знать, что, закончив работу, он пойдет в свою квартиру, где его ждут близкие, у него будет достаточно средств, чтоб не чувствовать себя ущемленным, если он заболеет — у него не будет проблем с медицинским обслуживанием, если он остушится — его не вышвырнут немедленно, как использованный, отработанный материал, а справедливо накажут — но и поддержат. Такова человеческая природа. Всю несправедливость, что допущена по отношению к человеку, он вдвойне обратит против того, кто слабей, если у него будет возможность. У сотрудников СИЗО, как правило, такая возможность есть.

И это — не принимая в расчет прискорбные итоги знаменитого Стэнфордского эксперимента, когда склонность к насилию

среди самых обычных, произвольно выбранных людей, волей экспериментатора и жребия назначенных «тюремщиками», дала знать о себе уже на следующий день эксперимента! Когда запрет на насилие был нарушен, когда жестокость проявила себя немедленно, когда с обеих сторон — «тюремщиков» и «заключенных» — обнажились до боли знакомые манипуляции... И это — вне зависимости от непростого материального положения (за участие в эксперименте игроки получали вознаграждение), вне зависимости от традиционного российского штампа «вертухай», вне зависимости от карьерных перспектив условных «тюремщиков» (эксперимент был ограничен во времени и судьбу участников в обычной жизни не определял). Как мы помним, его пришлось прервать как продемонстрировавший свою этическую несостоятельность и реальную угрозу для участников эксперимента. Для сотрудников, пошедших на работу в УИС, эксперимент затягивается надолго и становится жизнью и судьбой. Можно представить себе, насколько более серьезные и губительные влияния они вынуждены испытывать.

Сотрудники УИС как никто нуждаются в постоянных психологических тренингах, поддержке, позитивных стимулах, «возвращении» в реальный мир из той «войны», которая отчасти реальна, а отчасти — мнима, в программах, на примерах показывающих, что хорошо, а что плохо, в привитии навыков эмпатии. Последнее особенно важно: принцип «поступай с людьми так, как тебе хотелось бы, чтоб они поступали с тобой» забыт намертво, более того — заблокирован. На любое «да ты поставь себя на место заключенного!» услышишь лишь стук костяшками пальцев по столу: «тьфу-тьфу-тьфу, да ты в тюрьму мне, что ли, сесть желаешь?!» И это непробиваемый барьер, на кратком отрезке он упрощает жизнь и работу, избавляя от излишних сомнений и эмоциональных реакций, а вот на длительном — неизбежно корректирует психику, отучая видеть в арестанте человека с такими же, как у тебя, проблемами, мыслями, мечтами. В итоге ты забываешь вечные постулаты: что болеть — больно, что кровь — красная, что пытки — страшно, что мать — всегда тоскует. Между тобой и за-

ключенным незримая стена, она уберегает от эмоциональности и эмпатии как от ступеньки к неслужебным связям. Не от самих связей. К ним обычно приходят не от сострадания.

Приходя на службу, человек, сотрудник, офицер, как правило, хорошо чувствует свой «потолок». Есть у него наверху завязки, есть у него потенциал необходимый, хорошие рекомендации, внутренние резервы. Может, он когда-нибудь до начальника УФСИН дослужится, а может, станет не выше начальника отдела режима, затем — пенсия и новая жизнь. Исходя из осознания своего потенциала, он и работает. И если он молод, особые карьерные перспективы ему не светят, если он приехал из другого региона и делит квартиру с другими сотрудниками УИС, то он хочет нормально жить здесь и сейчас. Здесь и сейчас иметь возможность содержать жену и делать подарки ребенку (если у него есть жена и ребенок), здесь и сейчас иметь возможность пригласить понравившуюся девушку в ресторан (если у него еще нет жены), он хочет, как все, нормальное жилье, машину, приличную и модную одежду. И если работа в рамках закона ему таких возможностей не предоставляет, он изыщет возможности. Тюрьма их, не вполне законных, но таких очевидных, предоставляет множество. И когда недавно прибывшие с энтузиазмом для работы молодые оперативные сотрудники заполняют наши следственные изоляторы, но уже в качестве заключенных, нам остается лишь опускать головы, разводить в бессилии руками и... забывать о них на следующий день. Ведь приедут новые. Свято место пусто не бывает. И, возвращаясь к сказанному чуть ранее, — никто из них не предвидит себя в камере в новом качестве. На эти мысли стоит запрет, барьер. Ни принося арестантам запрещенные предметы (ладно, если мобильные телефоны, хуже, если наркотики), ни превышая в чем-то свои полномочия, сотрудник не может позволить себе думать о пагубных последствиях. Он и не думает. А если думает, так что ж... видимо, игра стоит свеч, а Париж — мессы.

Вот обычное мнение арестанта о таких оперативных сотрудниках:

Мнение об оперативных сотрудниках.

may_antiwar

18 июня, 2015

Однажды мы пришли с коллегами и замполитом одного СИЗО в камеру к очень положительным заключенным, сели там за стол, пили чай и спрашиваем: какие, арестанты, ваши проблемы? И они нам говорят: проблем нет, администрация чудесная, вот одна наша проблема только с электрочайником, вот такая...

А мы им недоуменно: так вы ж обратитесь к оперативному сотруднику, вообще не проблема, он мигом ее решит!

А арестант с кровати с грустной мудрой улыбкой нам говорит так: ой, ребята... вам, наверное, надо это знать. Понимаете, оперативный сотрудник — это, во-первых, такой человек, который ничего не делает бесплатно. А во-вторых — его и за деньги-то тут, на централье, найти нет никакой вообще возможности...

И, для понимания, одно очень важное замечание, которое не идет из головы до сих пор:

Мнение.

may_antiwar

20 августа, 2015

Говорили с собеседником про вымогательские схемы в СИЗО. Мне очень понравилась реплика: они, оперативные сотрудники, такие интересные, что даже странно — они думают, что эти схемы придумали они сами, что они на свете первые, и о схемах этих еще никто, включая всю страну, ничего не знает, они вообще живут, как будто они первые на свете оперативные сотрудники, они почему-то не задаются вопросом: «А куда это делись те сотрудники, которые тут до нас работали раньше?..» Действительно ведь интересно, да, если подумать?

Чарльз Дарвин, может, от скуки и другого нечем заняться представил как-то миру свою теорию эволюции. И поскольку общественные науки всегда вторят естественным (надстройка ведь вторична), довольно скоро за ней появилась теория прогресса. Так?

Так будет всегда, пока на следственные изоляторы и их соответствующие службы возложена опция раскрытия преступлений. Я не зря процитировала в книге перечень «разрешенных предметов», где любой запрещенный, пусть он не телефон, а машинка для стрижки либо клеенка на стол, — становится предметом торга. Где о каждой обычной бытовой мелочи придется договариваться, а договоренности приведут постепенно прямиком в Ад. И одну высокую договаривающуюся сторону, и другую. Потому что у зла нет границ. И когда умер от передоза в «Матроске» арестант, друг сына моей взрослой коллеги, в другом следственном изоляторе принеся наркотики якобы втемную, в зарядках для мобильных телефонов, вновь арестованная медсестра все повторяла мне, будто от этого что-то зависело: я не знала... не знала!

Я не хочу сейчас вдаваться в глубинные уровни разведки, конспирологические версии, требовать «немедленно выйти из зоны сумерек!» (и больше туда ни в коем случае не заходить!), мазать всех черной краской и публично разоблачать. Я хочу лишь сказать, что тот, кто пришел в систему нарушать закон в личных целях и интересах, найдет к тому массу лазеек и возможностей. Они поистине безграничны. И всегда сумеет оправдать себя вечным «ну а как иначе?», «все и всегда так делали, почему я хуже других?», «вы сначала поработайте тут, а потом — судите...» Меня шокировало однажды почти точное текстуальное совпадение двух монологов — начальника СИЗО и положенца изолятора, различия были ничтожны, формы самооправдания — аналогичны. И так похож был единственный страх, как раз и становившийся причиной откровенности: «Зачем об этом говорить! Не надо гласности! Не надо в газеты...»

Зазеркалье. Два монолога, параллели.

may_antiwar

5 марта, 2016

Начальник изолятора: «А ты вообще представляешь, как оно — руководить такой машиной? Ты вот только подумай, какие службы есть у меня: оперативная служба у меня есть, режимная есть, есть

воспитательная служба, охранная и тыловая. И всеми ими надо руководить! Вот просто насколько сложный это процесс! И еще эти... которые в камерах сидят. А которые работают — лучше? Вот ты спрашиваешь: чего они журналы не ведут нормально. Да потому что ЭТО ИДИОТЫ, НАБРАННЫЕ ПО ОБЪЯВЛЕНИЯМ! Что — знаешь? Что — сама набирала? А, обзванивала-то? Да, помню. Но ты все равно, Аня, не понимаешь. Они косячат — я отвечаю. Вот я пришел на работу, телефон разрывается, сто проверок, тут управа, тут прокуратура... Граждан надо принять, бандосов не забывать. Тебе надо лучше вжиться, чтоб понять. Чтоб разобраться. Вот ты приезжай прямо с раннего утра, часам к пяти, на закладку пиццы, на утреннюю проверку... вот увидишь все. Что — приезжала? А, да, приезжала, помню... А есть и криминальный мир, баланс тут — тонкий, грань, тут следствие еще чего-то хочет, тут — преступления раскрывай-предотвращай, а тут вы, Ань, со своими правами человека. Тоже дело важное, спорить не буду. Ну, приходится иногда одного-другого в карцер посадить... так хулиганят же! Напьются, дерутся, передозируются. Ну, ты знаешь...

Но нет же ничего — денег нет, заключенных в два раза больше... а их все везут и везут. Домой бы к себе так везли... Ты же знаешь все, и главное, что хотел тебе сказать, — НЕ НАДО НИЧЕГО ПИСАТЬ В ГАЗЕТЫ! Ты же своя уже считай, ты понимаешь... Знаешь, где я раньше работал? Как к этому шел? (А еще написали в газете, что я подполковник — так это неправильно! Я полковник — вечно ваши газеты все путают...) Тут я себя на своем месте чувствую, научился справляться. Справляюсь, как умею, не хуже других, между прочим. Может, когда-нибудь станет лучше. Не надо в газеты писать. Зачем это? Ни к чему...»

Положенец изолятора: «А ты вообще представляешь хоть, Георгиевна, как это — быть положенцем такого вот большого изолятора? Вообще ни о чем. Сейчас расскажу. За тебя люди хорошо сказали, друзья мои, что ты с пониманием, бедолагам помогаешь, по здоровью ты. Да я видел тебя на другом централье, да, помню, приходила. И вот ты, Георгиевна, представь себе: хаты есть у меня и людские, и красные, и шерстяные... Считается как бы, что красные, шерсть — это

не мое, оно вне людского закона, но там ведь тоже суета бывает нездоровая? Непонятки случаются? И там оно как бы и не мое... но а как же не мое? Надо ведь людям помогать! Вот в газетах пишут, что я — смотрящий. Это неправильно. Я — положенец. Положенец — это от воров. Нельзя здесь путать. Так как же я могу беспределом заниматься? С меня воры спросят. А знаешь, сколько я к этому шел, в нашем криминальном мире? А за беспредел спрос какой... Вот пишут: я деньги вымогаю? Какие я деньги вымогаю? Я за жизнь только свое на общее тратил! Они же сами друг у друга вымогают, косячат, а отвечать — мне! Больно мне читать такое. Спросят ведь с меня. У нас другие и методы получения информации, в криминальном мире все другое... И тут — дожил я до сорока лет и вдруг узнаю, что есть какие-то газеты. И пишут в них вдруг... ПРО МЕНЯ! И пишут про меня... ВСЯКУЮ ГАДОСТЬ! Ну разве это по-людски? НЕ НАДО ПИСАТЬ В ГАЗЕТЫ! Вот, Георгиевна, ты представь, просыпаюсь утром я — а дел сколько? За дорогу отвечай! Где кто напился — отвечай, кто наркотики тянет, гад, где подрался — разберись! Ну приходится иногда кому в зубы дать — но КАК ИНАЧЕ?! С администрацией по телефонам, по другому всему порешай... Вот и ходи разбирайся... Вот в газетах пишут, что я из камеры в камеру хожу. Ну, хожу. Но зачем же я хожу? А что я перед праздником новогодним лично во все камеры фрукты разнес, арестантам подарки — это там не пишут? А лучше бы об этом написали... Нет. Открываешь газеты — снова гадость. И снова — про меня. Тут жизнь своя, мир свой, свой уклад. Это понимать надо. Не надо бы об этом в газеты...

Но одновременно с тем, что «система своих не сдает», наряду с обвинениями ее в нежелании признавать свои ошибки и негативные тенденции, вопреки тому и в то же время ни один сотрудник УИС не чувствует себя в безопасности. Когда системе необходим стрелочник, произвольно выбранный, прожеванный и выплюнутый, — подойдет любой. Кому отвечать за побег, за суицид, да просто за то хищение, вести о котором дуриком просочились в пресловутые газеты. Что называется, «за халатку угреться». Обвинение в халатности того или иного сотрудника — меньшее из зол для системы: сам виноват, не выполнил инструкцию, недосмотрел. Но инструкции и приказы для сотрудников тем и страшны, что невыполнимы.

Как мог он «досмотреть», заступая один на два поста? Каким образом предотвратить побег? Суицид? Убийство? И отсюда — вечная депрессия и вечный страх тех, кто работает «на земле». И, как уже говорилось, неготовность в мыслях ставить себя на место «оступившегося» коллеги. «Это не может случиться со мной». Запрет предвидеть. Запрет осмыслять. Стремление немедленно забыть о случившемся с тем, кто совсем недавно работал рядом. Объявить его «предателем» (о, как часто мне приходилось слышать это слово!). Иначе не получится работать. Нельзя жить в страхе.

Однажды, пролистав в голове известные мне посадки и увольнения, а также уж совсем противоречащие моим представлениям о должном случаи отсутствия таких увольнений и посадок, а также их наличия, я пришла к следующим выводам:

Грустное. За что?.. Эх, не так бы... Лишь метафора, но мы видели это в Зазеркалье.

may_antiwar

6 сентября, 2015

За что, например, увольняют в Зазеркалье сотрудников СИЗО? Допускаем такие случаи:

- за побег заключенного,*
- за торговлю мобильными телефонами и иными запрещенными аксессуарами и гаджетами,*
- за сексуальные связи со спецконтингентом,*
- за сжигание мертвых котов на режимной территории,*
- за неумение выстроить контакты с непосредственным и вышестоящим руководством,*
- за пронесение на территорию личного мобильного телефона,*
- за то, что твое место понадобилось кому-то другому,*
- за то, что понадобился стрелочник,*
- за ожирение,*
- за грубые нарушения, в первую очередь в сфере организации охраны.*

За что, например, не увольняют в Зазеркалье сотрудников СИЗО? Допускаем такие случаи:

- за пьянство на рабочем месте,*
 - за то, что один уважаемый своего коллегу в камере со спецконтингентом запер,*
 - за отвратительное обращение с больными и неоказание медицинской помощи,*
 - за проникновение, согласно мнению медработников, спиртного и наркотиков в учреждение,*
 - за хроническое незнание и неисполнение действующего законодательства,*
 - за систематические недоносы пищи и дополнительного питания,*
 - за необеспечение спецконтингента спальными местами и бытовыми принадлежностями,*
 - за порчу центнерами продуктов и хроническое отсутствие в изоляторе необходимых наименований, неработающие свет, лампы и радио,*
 - за избивание сотрудником заключенного,*
 - за коррупционный на всю страну скандал с вымогательством,*
 - за жестокое убийство сокамерниками заключенного,*
 - за грубейшие неоднократные нарушения ст. 33 ФЗ-103, наводящие на мысли о перманентном вымогательстве, за подделку записей в покамерных карточках, подрисовывание для незаконного совместного содержания статей УК, которые фактически у обвиняемого отсутствуют,*
 - за лидирование по количеству смертей и суицидов,*
 - за бездушие и безразличие, граничащие с жестокостью,*
 - за то, что ты руководитель учреждения, в котором длительное время широко представлены большинство предыдущих позиций...*
- «Взгляни на дом свой, ангел...»*

22. За все время работы, а это уже девять лет, лишь трижды мне приходилось слышать от сотрудников просьбу о помощи в отношении «оступившихся». Найти адвокатов, передать теплые слова о своей вере в их невиновность... «Скажи, я не верю, что он был встроен... Если вдруг будешь у Димы, ты скажи... Скажи, что лично я не верю, именно я, капитан Петров». Все это говорилось тихой скороговоркой, с нервными взглядами вокруг: никто не видит нас? Никто не слышит? Но я зауважала тех сотрудников, кто подходил ко мне с этим. В остальном «своих не бросаем!» — не более чем красивые слова, миф, дешевая заманиловка, призванная, видимо, наполнить сердца гордостью за «цеховую солидарность». По крайней мере — в том, что касается рядовых сотрудников УИС. Это не работает.

Повторюсь, не ставлю своей задачей клеймить и обличать, но и промолчать об этом нельзя, иначе не понять всей объемности и масштабности проблемы. Мне хотелось лишь контурно обрисовать ее и задаться вопросом: а что, исходя из своих слабых сил и возможностей, мы все тут можем сделать? Ведь, если честно, сотрудники СИЗО с некоторых пор (а, должно быть, это уже заметно) стали для меня не однотонной сливающейся камуфляжной массой, не совокупностью одинаковых нелюдимых и недовольных нашим приходом «начальников», не винтиками системы. Они стали для меня братиками и сестрами, каждый — особенным, но кто работает на одном общем участке, кто, сопротивляясь совокупности всех описанных негативных факторов, пытается сохранить себя и по мере сил оставаться человеком. Иногда — добрым и отзывчивым человеком. (И нередко это получается.) Кто не видит врагов в заключенных, кто не на вечной войне (пусть и не отрицая, что война эта, разумеется, идет, а нам об этом забыть и не дадут), кто видит в первую очередь людей, которым может быть так же больно и плохо, как самому сотруднику. Кто во главу угла ставит гуманизм и соблюдение закона не в абсурдных, а в рациональных его проявлениях. Кто в ущерб семье и личной жизни остается исполнительным, в ущерб собственной карьере — честным, человечным, справедливым и объективным.

(Еще раз: настолько, насколько это вообще возможно в системе.) Кто не боится признавать ошибки и проблемы, искать пути их решения, спорить и возражать. Это особо не приветствуется, поскольку в иерархической милитаризованной системе ценятся подчинение и исполнение приказов. Но мы видим таких людей, и «на земле», на «продолах» этих, и в кабинетах этажом выше, среди чиновников Управления. Просто «на земле» это особенно тяжело и больно.

И они остаются такими людьми, что смотрят на меня с болью, тревогой, но и надеждой. Вдруг я смогу что-то, что не удалось раньше... Вдруг я знаю выход, ответ? (Ничего такого я, конечно, не знаю, я лишь вижу, имея образование и жизненный опыт, картинку всесторонне, объемно и никогда не считаю для себя стыдным проконсультироваться.) Но я понимаю, что не могу обмануть ожиданий. Раньше так на меня смотрели только заключенные, теперь вот — сотрудники. И я тысячу раз обращалась к оппонентам из числа презирующих сотрудников УИС, «вертухаев»: ну, раз вы, такие мудрые, образованные, интеллигентные, не идете работать в систему, воспитывать, охранять, обеспечивать, — так кто-то же должен там работать? Есть, не считая, разумеется, всех невинно осужденных, определенное количество преступников. Есть, поверьте, я с ними встречалась. Со всей очевидностью, им следует некоторое время посидеть в тюрьме. Даже не для исправления, просто для нашей с вами, обывателей, безопасности. И кто-то же должен этих преступников охранять? Так почему бы не вы? Если там нет вас — тогда там мы... уж какие есть. Нет, лучше от этого не становится. Но это не повод нас презирать... скорей — повод понять наши проблемы и, поняв, пытаться помочь.

Естественно, никакого культурного и высокообразованного человека из числа моих оппонентов я бы в УИС работать не заманила, это была лишь фигура речи, и единственное, что я, тоже такая образованная и обо всем на свете размышляющая, смогла сделать, — это самой пойти на работу в УИС. И своими руками вместе со всеми (мое вечное «работать как все, как все, как все, больше и лучше всех») разгребать завалы, своими утом-

ленными мозгами пытаться решить задачки. Если что-то уме-ла — научить. Если с чем-то была несогласна — возразить. Это был сложный выбор, но я благодарна тем, кто предоставил мне такую возможность. И, разумеется, не надо равнять по мне дру-гих сотрудников: я несоизмеримо в приоритетном положении. Меня принято любить и хвалить — их положено ругать и прези-рать. Я — такая самоотверженная и благородная, пожертвовав-шая ради работы в УИС то ли прежней почетной работой, то ли даже добрым именем, «своя среди чужих, чужая среди своих», исполняющая какую-то данную мне свыше «миссию», а они — по-прежнему отстой правоохранительных органов. Нет, это не так. Нет, это — неправда. Мне — несоизмеримо легче, потому что вы меня хвалите. Мне пригодную для жизни зарплату и со-циальные гарантии заменяет удовлетворение от сделанных до-брых дел и неизбежное, не стану скрывать, самолюбование «ох, как все меня хвалят... наверное, я и правда молодец!» А что де-лать тем, кто работает рядом со мной? Для кого вы не найдете доброго слова? Им — к чему стремиться, на что ориентироваться, от чего получать удовлетворение, которое всем нам так необхо-димо для работы? От безразличия своих и нескрываемой порой ненависти «чужих»?

Параллельно с написанием этой книги я провела в своей со-циальной сети Фейсбук небольшой опрос: я попросила читате-лей в рамках корректности описать, как изменится их мнение о человеке, может быть, знакомом их знакомых, когда они узнают, что он работает в следственном изоляторе. В лучшую, в худшую сторону? Захотят ли они поговорить о чем-то с таким человеком, или же, напротив, немедленно прервут с ним общение? У меня очень показательная френдлента: есть там и интеллектуалы, и журналисты, и сидельцы, и их близкие, и бывшие сотрудники правоохранительных органов, и адвокаты... Результат оказался предсказуемым, но от этого не менее болезненным для меня. Из моих френдов поговорить с сотрудниками УИС были заинтере-сованы журналисты, испытывающие к любой «пограничной» и «экзотической» профессии чисто профессиональный интерес.

Наверное, именно так им было бы интересно поговорить с профессиональными палачами или теми, кому довелось пережить клиническую смерть. Изрядное число комментаторов припомнили, что когда-то имели в дальних родственниках или знакомых сотрудников УИС, но те или были злыми придурками, или стали такими при прохождении службы, после чего от них пришлось отдалиться, либо те плюнули и уволились. Некоторые объективно и беспристрастно рассказали истории, которые должны бы были характеризовать знакомых сотрудников УИС положительно, однако такие истории приводились именно как удивившие, как исключение из общих правил. Кто-то заметил: изредка общаться можно, но вот только бы не породниться... Значимая часть аудитории сказала: если узнаю такое, прекращу общение. Нормальный, не злой человек, не садист, в систему работать не пойдет. Разумеется, вспомнили вышки, ВЧК и НКВД. Неоднократно написали: из всех готовы общаться только с тобой, да и то потому, что знали раньше. Кто-то посочувствовал: изуродованные системой люди... можно понять, но принять — нет, невозможно. «Но ведь настоящих, не выдуманных преступников кто-то должен охранять, кормить, гулять?..» — приставала я. «Вот пусть кто-то этим и занимается... Не мы».

Я говорила не раз на высоких совещаниях: ну, я понимаю, работа в полиции овеяна определенной романтикой... сама в юном еще возрасте чуть в милицию учиться не удрала, да родители-кинематографисты вовремя поймали, отдали в суд работать, выбрав меньшее из зол. Да, ловить преступников, освобождать мир ото зла, делать его добрей и безопасней — это все понятно, так многие дети мечтают. Но мало кто (за исключением разве что «тюремных династий») в детском возрасте думает: о, буду работать тюремщиком, баланду в камеры раздавать, в баню выводить буду я, с ружьем и собакой по периметру, как дурак, ходить, или стоять буду я целыми днями на вышке...» Какая уж тут романтика... Не знаю, кто как, но я тут романтики не вижу абсолютно.

Но она нужна. Я ввела и часто употребляла в своих текстах, посвященных работе, термин «Эра Милосердия» как обозначение

ние того прекрасного, гуманного и справедливого мира, куда нам следует стремиться, где все мы будем добрей и лучше. Я очень туда требовала стремиться. Я не торопилась раскрывать тот перевертыш, что «Эра Милосердия» — название повести братьев Вайнеров, по которому снят фильм «Место встречи изменить нельзя». А там, кто помнит, и знаменитое «вор должен сидеть в тюрьме», и «наказания без вины не бывает», и подброшенный карманнику в благих (в благих ли?) целях кошелек, и извечное противостояние Шарапова с Жегловым... гигантские пласты для осмысления, клубок неразрешимых противоречий. Однажды знакомый адвокат прислал мне смс: *«Начал читать книгу Вайнеров... Я понял наконец, что ты имела в виду, когда писала об Эре милосердия»*. В конце стоял грустный смайлик. Я была благодарна за эту смс.

Не надо считать меня идиоткой. Я отлично понимаю, что лучше всего было бы предоставить сотрудникам УИС нормальные зарплаты, нормальные гарантии, нормальный график труда, отсутствие переработок, уверенность в получении жилья, своевременную, постоянную и профессиональную психологическую помощь, при необходимости — помощь медицинскую, уверенность в завтрашнем дне, уверенность в том, что при ошибке, при болезни, в иной тяжелой жизненной ситуации тебя не вышвырнут, а поддержат... Но это — вопросы к системе, к стране. Я за это (на беду или к счастью) не отвечаю, я повлиять на это не имею полномочий, но повторять, что все это необходимо, буду от раза к разу. А от нас, от общественности, от граждан и деятелей культуры, зависит другое, и это, может быть, в наших силах. Создать положительный образ сотрудника УИС, не ненавидимого обществом, а им поощряемого, найти тех лучших, на кого стоит равняться. Сделать это так, чтобы хотелось равняться, поставить планку, к которой следует стремиться. Чтобы профессией можно было гордиться, а не стыдиться ее. И не бояться выходить на улицу в форме. И я уверена, что это возможно, стоит лишь захотеть. Я столько раз, уже в качестве члена Общественного совета при ФСИН, повторяла: нам нужна своя «Зеленая миля», своя «Государственная граница» как полюса мира и войны, добра

и зла, нам нужны свои подвиги и свои кумиры. Нам нужен свой Образ Добра вопреки извечному Образу Врага. И каждое самое маленькое добро, что сделал сотрудник «на земле», должно быть воспето в легендах и поднято на знамена. Назовете лицемерием? Называйте. Но иначе нам не выправить эту ситуацию. И как же важен, как ценен для меня каждый сотрудник, о котором я могла написать вот так:

«Посмотри, как в небесах солнышко смеется...».

Си-6. Лучший сотрудник.

may_antiwar

27 мая, 2016

Когда-нибудь я не буду членом ОНК, когда-нибудь я буду далеко, когда-нибудь я буду не об этом... Я забуду все страшное и мрачное, с чем столкнулись за эти годы. Или не забуду. И светлым пятнышком останется в памяти один сотрудник мрачного, с пушками, нацеленными на нас и арестанток, СИЗО-6. Я не смогу описать это, как нужно. Это из охраны парень какой-то. Вообще не знаю, чего он с нами на посещение пошел. Его не предупредили, видимо, что он должен за нами шпионить и на нас доносить. И на арестанток. Он вообще о другом. И он пришел в камеру мамочек с детьми, пришел за нами. Мы стали работать, мы стали консультировать... Он был абсолютно органичен: ну, пришел — значит надо. И занял он себя так: взял у туркменочки ее младенца и стал с ним играть.

Ой... он не видел, что я больше не могу работать и смотрю лишь на него. В этом чуждом и диком нам всем пространстве — детей за решеткой. Он целовал малыша и его подбрасывал. Он «козу» ему показывал, а младенец с огромными карими глазами и длиннющими ресницами радовался и хохотал. Сотрудник играл с малышом и обменивался тихими репликами с его серьезной красавицей-мамой. И в ее глазах я видела гордость за сына. А в глазах парня — радость, нежность и доброту. Здоровущий такой парень в камуфляже с младенцем зэчки на руках. И все они были будто счастливы...

Не знаю, как его зовут. Неудобно было спросить, а знала бы — не сказала. Вдруг это чем-то запрещено? Вдруг сотруднику за это что-то плохое будет? Может, нельзя играть с ребенком арестантки? Вдруг ПВР запрещает? должностные инструкции? Я уже ничему не удивлюсь.

Но как он его обнимал... с какой нежностью и осторожностью прижимал к себе... как целовал в щечки... Я подумала, что завидую его супруге, детям и друзьям. Это — настоящий мужчина, это — лучший сотрудник. Такой не подведет и не предаст. С таким хорошо быть рядом.

Респект, спасибо и ура! Это будет лучшим, что я запомнила из СИЗО, из нашей УИС. Я промолчала и не сказала тогда ничего, но за этот лучик света, за этот всплеск доброты — я не знаю, как благодарить. Он согреет меня в тех потоках силы и ненависти, в которых я захлебываюсь, отхаркивая кровь и желчь. Просто парень. Просто с ребенком на руках. Просто спасаешь меня в бездне ненависти, в которую я практически проваливаюсь при каждом посещении СИЗО, а тем более — шестого. Просто играл с младенцем. Просто оставался человеком, мужчиной, отцом. Просто не знал, что я больше не могу работать, потому что просто смотрю на него.

«Он не такой, как все, он не такой — другой...»

...Через много месяцев или лет я тащила в СИЗО от машины тяжелый системный блок и много книжек, чтоб передать эти благотворительные пожертвования для несовершеннолетних девочек. Для меня оставалось загадкой, как я протащу компьютер и несколько тяжелых пакетов через КПП и, в особенности, через бесконечную очередь на вход: ноша была неподъемна даже для меня. А также я была без формы, в лицо меня никто не узнал, поэтому на доброе отношение в рядах очереди родственников, следователей и адвокатов рассчитывать не приходилось: они стояли тут с раннего утра, и появлению неизвестной тетки, которая явно намеревается пройти без очереди, таща горы скорба, никто не обрадовался. И тут ко мне бросился парень в камуфляже, он выхватил у меня из рук компьютер, он пошвырнул через КПП тя-

желые пакеты с книгами, он меня саму чуть не на руках перенес через этот КПП. Это он сказал: «Вы написали тогда про меня такое... Про солнышко, как смеется... Помните? Господи, как же я вам благодарен!.. Я никогда не думал...» Я смутилась (я всегда смущаюсь) и ушла за свое вечное: «Это вам спасибо. А впрочем... я ничего уже не помню».

Нам как воздух нужна романтизация профессии, нам нужны добрые и теплые слова, нам нужны истории про нас. Например, про того парня, что, сам обварившись, открывал карцеры и выпускал водворенных, когда в СИЗО-3 прорвало трубу с кипятком, и кипяток и пар ворвались в карцеры. Его благодарили заключенные, они повторяли: а он ведь нас спас. А мог бы и удрать, как все остальные. А не удрал...

Звезду на крыло. Звезду герою. Он просто делал свою работу. Знаете, в системе есть еще одна дурная черта, которую так давно я пытаюсь преодолеть, преломить. «Не говори о нас хорошо!» Любое бездействие в интересах арестованного допустимо, но любое доброе (в том числе совершенно законное) действие наводит на мысли о неслужебных связях, о неизменной коррупции. Считается, что ничто хорошее нельзя совершить бескорыстно. Если ты сделал что-то хорошее — ты сделал это за деньги. Потому что совершенно непонятно, зачем бы ты еще это сделал. Вряд ли тебе дадут памятный подарок и почетную грамоту. Скорей всего к тебе присмотрятся и вызовут тебя в УСБ. Станут задавать неприятные вопросы. Процедура затянется на несколько часов. Ты очень сильно задумаешься в следующий раз, стоит ли творить добро, имея в виду вот всю эту предыдущую историю. Скорей всего ты его не сотворишь.

Еще третий созыв ОНК придумал неплохую, на мой взгляд, инициативу: от своего имени составить список и наградить грамотами лучших сотрудников, тех, кто грамотней консультировал, эффективней других организовывал устранение недостатков на месте при посещениях ОНК, спасал арестантов из кипящего ада и умел наладить ведение на корпусах журналов учета. Списки были составлены, но инициатива умерла. Председатель ответил нам

потом на наши закономерные вопросы: а как же награждение? — вы понимаете... эта идея не прошла, помощник по соблюдению прав человека Анастасия Чжу сказала, что от этих наших списков сотрудникам будет только хуже. Они могут утратить доверие, и их могут наказать. Что это лишнее, что этого — не нужно.

...Нам не дадут забыть, что мы — на войне. Пусть так, но на войне с криминалитетом, не на войне с обществом. И если не УИС, то обществу следует быть мудрей и вспомнить об этом. И мы, сотрудники, ждем этого от общества.

23. Пришла пора возвратиться к больнице, ее общим корпусам, инфекционному отделению («прокляты и забыты»), к туберкулезному отделению («Квадрат», таверна «Безнадега»), к медицинскому обеспечению в принципе, и я подозреваю, что эта глава будет состоять из сплошных монологов в реальном времени. Потому что я не знаю, что добавить еще. У меня нет комментариев. Потому что, в отличие от режимных необходимости, от организации питания, за все время моего членства в ОНК Москвы преодолеть происходящий там негатив мы не сумели. Не могу и сейчас, уже работая в УФСИН по Москве. Боль остается с нами, и это надо читать так, как было написано, без обрамляющего и опосредующего текста. Это то, что рвалось из сердец наблюдателей тогда, что наполняло отчеты и публикации ужасом и болью, это остается главным камнем преткновения. Сложно оставаться равнодушным, наблюдая за чередой смертей, конвейером боли. Слава тем врачам, сотрудникам, членам ОНК, что пытались преломить систему — оказать помощь, что чувствовали чужую боль как свою. Нас было немного, и иногда мы «рисовали звезду на крыло» — когда удавалось оказать помощь страждущему, освободить-активировать умирающего. Куда больше было неудач, провалов, боли от несделанного... Мы не ослабляли усилий. Мы были в схватке со смертью, и в этом был большой смысл членства в ОНК. Остаемся и до сих пор. Читайте, судите.

Прощание с Надеждой на КПП. Если в СИЗО-6 тогда был бы гинеколог... если б не было метастаз...

may_antiwar

5 июня, 2016

Перепостите, что ли, наверное... Такой хороший теплый денек выдался сегодня. Наверное, хорошо именно в такой выйти из стен СИЗО, даже когда и знаешь, что дни твои скорей всего сочтены. Сегодня из больницы «Матроски» освобождали Надежду. Рак 4. 3. Неоперабельный.

Ближе к вечеру мы сидели в кабинете начальника учреждения и смотрели на мониторе, как в прямом эфире освобождают Надежду на КПП. Длинная довольно картина, минут на двадцать. Смотреть мы ее были вынуждены по такой причине, что все равно не могли выйти из СИЗО, пока не освободят Надежду: КПП-то один. На время «свободы» он перекрывается: ни войти, ни выйти. Сотрудники что-то там все ее спрашивали, проверяли, она что-то отвечала, я поинтересовалась: что ли, они ее «Слово о полку Игореве» там наизусть прочесть заставляют? Или назвать поименно всю родню по женской линии до седьмого колена? Руководитель ожидаемо ответил: осторожничаем после того побега в пятом... В какой-то момент коллега Зоя Светова резко заметила: от этой передачи меня уже, если честно, тошнит. Может, можно переключить программу? Но это были лишь промежуточный финал длинной истории, которую можно считать очередной звездой на крыло ОНК, можно — цепью дурацких и трагических совпадений, можно — апофеозом жестокой и абсурдной системы. Надежда выходила на свободу, дальше, уже без нашей помощи, бороться с болезнью и смертью, и я не знаю, что чувствовала она. Мы — только усталость, недоумение, и лично я — чувство безысходности.

История с сегодняшним промежуточным финалом началась для Надежды много лет назад, когда муж посадил ее на иглу, с тех пор она стала наркоманкой, но Бог отвел еще достаточно времени. Она родила детей, и дети оказались в приюте. Затем, как я уже писала, Надежда украла сыр. Сыр она хотела продать, чтоб

купить героин. Сыр, по словам Надежды, — самый ходовой товар. Поэтому и сыр. Ущерб она возместила. В следующий раз она снова неудачно попыталась украсть сыр (у нас есть на руках копия приговора Надежды, там очень подробно про количество и виды сыра, вообще сюрный приговор), и Надежду взяли под стражу.

С этого момента время потекло быстрее, поторапливая развязку. В СИЗО-6 не было в тот период гинеколога, и гинеколог не осматривал Надежду при поступлении (услышьте нас, прокуратура! Что за странные письма вы нам шлете? Не может женщин осматривать гинеколог, которого нет!) Начались сильные боли. Очень сильные.

Из отпуска вызвали гинеколога, та ужаснулась, Надежду перевели из СИ-6 в больницу СИ-1, а зачем? Все знают, что гинеколога нет в больнице СИЗО-1. Таким образом, это была лишь еще одна задержка, потеря времени, такого дорогого уже в тот момент. Надежду перевели для обезболивания на опиаты. А время уходило...

Тут волей случая в схватку вступила «третья сила», а это были мы, общественные наблюдатели. Мы, как водится, злобно переругиваясь и язвя, шлялись с сотрудниками по маршруту, по больнице, а злобно — потому что всех больных, что, как показала база, содержатся в таких-то камерах, там, как обычно, не было, и большая часть времени уходила на их розыск, при этом разыскать кого-нибудь у нас получалось лучше, чем у сотрудников. Парни на этаже начали стучать в дверь: врача! врача! Мы спросили: вам плохо? Давайте хоть к вам зайдем, раз заявителей найти невозможно. Они сказали: нет! не нам! плохо кому-то этажом выше! Там кричат, стучат... мы — поддерживаем! Врача этажом выше! (Спасибо, парни, вы выиграли для Надежды немного времени.) Не особо надеясь на врача, мы сами побрели наверх... раз никого тут все равно не найдешь...

SOS! — выстукивали заключенные женщины сверху. Надежда упала от боли и потеряла сознание: ей не был сделан вовремя обезболивающий укол. Может, в тот момент бег колеса к смерти замедлился, мы толкнули шестеренки в обратную сторону. Тогда мы впервые увидели Надежду, и я уселась с ней шутить, как всегда, когда чувствую смерть рядом. Потом было много чего: публикации,

мои истеричные посты, оглашение имени Надежды в списке самых острых больных на совещании в Прокуратуре Москвы, доносы (как их принято называть, «информации»), мольбы принять меры...

Мы прошли длинный путь, одноименного названия повесть Сти-вена Кинга переводят порой как «Долгую прогулку». Мы говорим — «маршрут». Сегодня Надежду освобождали. Мне не хочется сейчас говорить о том, каким образом это было сделано, потому что мы и примчались в СИЗО сегодня, поняв, что медработниками опять допущена глупая ошибка в документации, которая может воспрепятствовать освобождению. Вот как это получается, как? Кто опять перепутал всё и вся, как можно настолько не разбираться в своей хотя бы бумажной работе, которой отдают медработники СИЗО наибольшее количество времени? Ошибку пытались подправить, да еще и прямо у нас на глазах. Да еще и не так, как следовало. Не хочу подробно. Потому что Надежду все же освободили. Нет, не по 54-му постановлению (ну правильно, потому что вместо этого ее, осужденную, по необъяснимым причинам зачем-то пытались активировать по 3-му), это, разумеется, не вышло, но судья в апелляции изменила ей срок на условный. Пусть так. Пусть хоть как-то. Прокурор возмущалась, конечно, видимо, она заметила то же, что и мы, и требовала «без изменений», б/з, потому что меддокументы оформлены неправильно. Тяжелобольную женщину она не заметила. Что ж, спасибо судьбе... Это не спасает ни ситуацию, ни Надежду: часики-то тикают, остановить их совсем мы бессильны. Но на этом окончена та часть игры с судьбой, что мы добровольно взвалили когда-то на себя.

То есть не совсем. Если б не коллега Зоя, я не знаю, как Надежда добралась бы домой. «Как? — спросила я. — Вы же на ногах еле стоите... И вся опутана проводами». — «Фигня, — решила Надежда (тут надо отметить, что новость о близкой смерти — а это не мы, это врачи довели, — может, не лучшим образом сказывается на ясности сознания). — У меня всего две сумки... Вот в Марьино к маме и поеду, прикольно, нежданчиком! Она обычно дома или во дворе на лавочке сидит, инвалид она».

«Маму-то от такого нежданчика кондратием не звездают?» — поддержала шутливую беседу я, в то время как Зоя, проявив блес-

тящие организаторские способности, договаривалась по телефону с сотрудниками СИЗО о вызове такси, выделении денег, выдаче на праздничные дни Надежде с собой хоть какого-то обезболивающего... Зоя и замполит «Матроски» полностью взяли на себя организацию проводов. «Спасибо им огромное. Пособираем тут чего, что ли...» — придурковато бормотала я и теребила Надежду. (Медработник тем временем, ничуть нас не стесняясь, методично брал у нее росписи за вручение меддокументов об освидетельствовании... задним числом. Видимо, чтоб как-то прикрыться на предмет неудачи с активировкой по постановлениям.) Меня преследовало дежавю. Где-то год назад мы тогда еще с майором Евгением Мирошниковым со сборами, с шутками и прибаутками освобождали Юлю К. (Юль, из ду́ша не выходишь? Ну все, тогда освободить не будем! Тут остаешься! Девчонки, давайте, тащите ее сюда!) Мы все хохотали от радости и обнимались. Через несколько дней мне позвонила ее мама. Она начала тихо: вы знаете, где Юля?.. Я сказала: я же сообщила отцу — ее отвезли в Боткинскую больницу. Мама крикнула: нет! нет! Она умерла! Вы меня слышите, вы?! ОНА СЕГОДНЯ УМЕРЛА!.. — и завывала. Потом она бросила трубку. Этот вой до сих пор стоит у меня в ушах.

Вот такая наша обычная звезда на крыло. С этими перечнями и постановлениями, по которым освободить можно только умирающих. Или мертвых. Скорей — мертвых. И неужели с этим нельзя ничего поделать?

Я обещала особо не говорить сегодня плохо о врачах. Мне хотелось бы, может, чтобы сказали коллеги. Не хочу быть пристрастной. Поэтому не стану описывать разговор в медицинском кабинете. Ну, что рак в четвертой степени не угрожает жизни больного, — это ладно... будем считать версией. Но мы же просили о другом. Об обезболивании на праздники, когда Надежда гарантированно не получит лекарств от диких болей. О надлежащем ее информировании, куда и в каком порядке ей нужно обратиться для облегчения страданий. Ой... все, что услышали в ответ, — хочу расслышать. Хочу забыть. «Не встану руку протянуть». Есть такое слово: зло. Я это вижу так, хоть доктор А. все повторяет, в конце резкого диалога сдавая назад: вы не видите во мне его корень!

Корни — под землей. А выше уровня почвы стремятся вверх побеги и плодоносят ветви. И шелестит листва. И все это одно растение, одно слово — зло. Вы не считайте меня пристрастной.

...Мы сидели в кабинете начальника СИЗО-1 и поневоле смотрели на мониторе сенсационную прямую трансляцию, телепрограмму «Надежда выходит на свободу». Не было радости, не было ощущения победы, может, легкое удовлетворение от правильно и хорошо сделанной работы, благодарность сотрудникам СИЗО, в частности, повторюсь, Игорю Юрьевичу Передерину, снова возлагали надежды на доктора Самсона Мадояна, и иногда хотелось переключить программу. Где нет этого кружащегося, качающегося по краям круга света. Где мы не были бы ангелами смерти. Где были бы действенные государственные программы реабилитации наркозависимых. Где Надежде не пришлось бы воровать сыр. Где ее бы за это, за возмещенный ущерб в две тысячи рублей, не посадили в тюрьму. Где в СИЗО-6 был бы постоянно гинеколог, который вовремя бы диагностировал заболевание. Где поэтому не случилось бы метастаз в мочевой пузырь. Где не отказали бы почки. Где не перепутали бы постановления... где был бы шанс, где не крутилось бы так быстро колесо, пока мы судорожно хватаемся за шестеренки... где... А где?

В волшебной стране, вестимо. Вот вам песенка об этом. Не знаю, найдет ли Надежда эту волшебную страну. Может, ее нашла Юлия. Нас-то, темных ангелов, там не нужно. Зачем там ОНК? Там без нас, наверное, справятся.

Даст Бог, когда-нибудь мы посмотрим другую программу. Эта — немного надоела.

***Доктор, это не просто стыдно. Это — СТЫДНО.
Беседа врача и инвалида-ампутанта.***

may_antiwar

23 февраля, 2016

Доктор, это не просто стыдно. ЭТО — СТЫДНО! Простите, я не сделала замечания лично. Просто понимаю, что оно бы не привело к позитивным последствиям. Но и промолчать об этом не могу. Доктор,

молодая и красивая женщина присоединилась к нам при вечернем посещении больницы. При этом в камеры вместе с нами она не заходила, такое участие в посещении нам не очень понятно, но ладно. Но. В одной из больничных камер на постели сидел инвалид без ног, обвешанный трубками, вставленными в почки. Мы с Зоей Световой писали о нем в ФСИН, нас не услышали, но не о том. И когда мы уже вышли из камеры в коридор, инвалид, поняв, что в коридоре чудом присутствует доктор, стал спрашивать: а можно ли заменить эти трубки?

Разговаривали они почему-то при моем посредничестве. То есть вот так.

Инвалид: А не спросите у доктора, нельзя ли мне заменить трубки?

Я: Доктор, можно? Трубки ему заменить?

Женщина-врач: Скажите ему, что в принципе можно попробовать, если родственники их купят. Тогда обсудим.

Я: Говорят, можно. Пусть родственники купят.

Инвалид: А спросите, какие нужны?

Я: Какие именно нужны, доктор?

Женщина-врач: А скажите ему, что такие же.

Я: Да такие же пусть и принесут...

Инвалид: А... а где их покупают?... сколько они стоят? Где мне их смогут заменить?

Я, раздраженно: Слушайте, а вы не можете напрямую между собой поговорить? Вы же больной и врач. А я чего — телефонный аппарат?

...Доктор не стала подходить к окошку и не предложила открыть камеру для непосредственной беседы (сотрудники с ключом стояли рядом). Она остановилась в паре шагов в красивой позе у противоположной стены коридора, скрестив на груди руки, и инвалид пытался докричаться до нее, а она не слышала (я-то для диалога голову в окошко совала). И тогда (мне навсегда будет стыдно за эту сцену) безногий инвалид сполз со шконки, и быстро-быстро перебирая культями и таща за собой по полу эти свои трубки нефростомы, пополз-поспешил к двери.

Снизу двери наискосок, скорчившись на полу, он говорил врачу, так и не подошедшей вплотную хоть к двери, о своих нуждах, пытался что-то спросить, а доктор, так и не приблизившись и не видя его, отмахивалась чем-то в плане: «да я же с тобой уже говорила...» и «да я с тобой потом об этом поговорю...» (не поняла, что за вопросы организации тут были сугубо конфиденциальны. Точно не неформальные цены, нет? Сегодня не раз слышали о них в процессе посещения. Клеветники наверняка клеветают. Тут, врут, дай пять тысяч, а вот тут, врут, — уже 150... рублей наших русских, рублей).

И главное, что она, женщина-врач, изящно одетая и при стильном макияже, искренне, похоже, не понимала мерзостности этой ситуации и считала ее совершенно нормальной. Хотя, к чести сотрудников, они переглядывались нервно и еще более нервно поглядывали на меня, ожидая взрыва эмоций. Я молчала. Тут бессмысленно что-либо обсуждать. Я ко многому привыкла за эти годы, и первое умение — сдерживаться. Даже когда кажется, что сдержаться и промолчать невозможно. Всему свое время. Есть время собирать — и время разбрасывать камни.

*А вот здесь я не буду молчать. Александр Петрович Приклонский возмущился на «круглом столе» моей реплике в докладе, что у медработников бывает профессиональная деформация. (А зал усмехнулся и чуть загудел.) Уважаемые представители МСЧ, вы то поняли, о ком я сейчас говорю. Вы бы услышали меня сейчас, вы бы провели работу. Это не просто никуда не годится. Это — гадость. И происходила она без задней мысли на моих глазах, коллеги Сорокина, больных заключенных и сотрудников СИЗО. Еще раз: **МНЕ ДО СТАРОСТИ БУДЕТ СТЫДНО ЗА ЭТУ СЦЕНУ.** И фамилию я сейчас не называю лишь потому, что не сделала замечания лично: это не привело бы к успеху. Передоверяю эту работу вам. Возлагаю на вас надежды. Не зря ведь возлагаю? Пожалуйста, примите меры.*

Наша маленькая больница. Просто забавная ситуация.

may_antiwar

16 января, 2016

Ой, наша маленькая тюремная больница... Какая есть. Ходим туда годами за кошмарами нашего городка. Включая палату интенсивной терапии, реанимацию. Пытаемся помогать чем можем. Не активировать — так за руку поддержать. И вот однажды смешно. Встречает нас серьезный молодой врач (может, новый) и деловито, забыв поздороваться: «Так! Это реанимация! Там больные! Вам надо полностью раздеться!» Наша и сотрудников делегация замирает и округляет глаза от таких новшеств, но я очень покорна и неконфликтна. Говорю: Ладно. Только музыку включите.

Доктор: В каком смысле???

Я: Что за стриптиз без музыки?

Доктор, краснея: Я не это имел в виду!

Я: Вы ж сказали: полностью раздеться... Я не спорю, только музыку попросила, вспомню молодость.

Доктор, нервно: И вообще я не к вам обращался! Я обращался вот к товарищу майору!

Товарищ майор, теряя дар речи: Че? не понял... То есть это я должен под музыку полностью раздеться??? Фигасе... зачем?

Доктор, теряясь: Ой-ой-ой... что вы все... Я имел в виду, что вам надо надеть халаты!

Я: Товарищи! Произошло недопонимание! Конечно, мы все только рады надеть халаты, это совершенно правильно при входе в палату интенсивной терапии! Это вообще не конфликтная ситуация!

Доктор, с облегчением: Да! Она правильно говорит! Приятно встретить понимание! Марь Иванна, давай халаты!

Марья Ивановна, появляясь из сестринской, недовольно: Какие халаты? У нас нет никаких халатов! (Удаляясь, бурчит себе под нос): И не было никогда... ишь чего им — хала-а-атыыы вдруг понадобились...

Доктор, растерянно: Нет? А я думал, есть... ну ладно. Что ж делать, если нет... Пойдемте к больным.

Ионеску, конечно, отдыхает, и ситуация смешная, но ведь по большому счету доктор прав. Должны они быть, стерильные халаты для входящих в реанимацию. Много чего тут должно быть. Но его нет. И, повторюсь, работаем, как на фронте, а штаб в тыл уехал. Работаем все, засучив рукава!

А доктор мне понравился. Не обращайте внимания на наши подколки. Мы всегда так разговариваем, иначе не выжить.

«В битве со смертью». ОНК, врачи и наши умирающие.

may_antiwar

27 декабря, 2015

...И когда мы входим в палату интенсивной терапии, реанимационное отделение тюремной больницы, когда мы входим в больничные камеры, и я тихо, чтоб больных не потревожить, начинаю свое вечное: «ОНК Москвы, такой-то и такая-то, с нами — уважаемые представители администрации, пришли узнать, не нужна ли вам помощь...» — меня вежливо вдруг перебивают: «О! Здравствуйте, Анна Георгиевна! Вы узнаете нас? Я — с «Капотни»! Я — с «Бутырки»! Я — с «Медведя»! Это благодаря вам мы здесь! Нас лечат! Нам помогут? Позовете врача? Спасибо вам! Где наши вещи? Позвоните родным, скажите, что мы здесь!.. Я не умру? Доктора мне не говорят...Они вообще ничего нам не говорят...»

Я не помню по именам больных, кроме самых тяжелых, но смутно осознаю, что практически всех этих людей я знаю в лицо, и мне немного стыдно, что я не помню их имен, статей и обстоятельств дел. Но практически безошибочно припоминаю их, когда они называют диагнозы. Ага, повторный инфаркт. Ага, обширная трофическая язва. Ага, последняя стадия онкологии... Ага, ВИЧ 4-В, низкий иммунный статус. Знаю вас всех. Мы уже встречались. И мы еще обязательно встретимся.

Если все говорят хором, то голоса сливаются в гул, а все хотят говорить хором. Тогда я прошу говорить по очереди. И обещаю, что всех выслушаю. Иногда мне кажется в этой ситуации, что ногами я ощущаю вращение земли. А я — ангел смерти. «Доктора мне не говорят...» А мне — говорят. В соответствии с законом, разуме-

ется, я же соблюдаю закон, я каждый раз беру у вас разрешение на преодоление врачебной тайны. Бывает так, что «чем знать — так лучше бы не знать...». Они: нас освидетельствуют по перечню? Я: скорей всего. Они: ура! Я думаю, не все из них знают, что это на самом деле значит.

Это значит чаще всего, что дело плохо. Это значит, что осталось недолго. Я писала когда-то, что для того, чтоб тебя освидетельствовали по этим постановлениям правительства, не вполне достаточно быть мертвым, надо быть еще и слегка разложившимся. И вот тогда «по активировке, врачей путевке, я покидаю лагерь... ааааа...» Если это и преувеличение, то несущественное. Но свое сокровенное знание я оставляю при себе. Я шучу, обещаю всем много лет жизни, зову врачей, если нужно. Они теперь стали приходить, если я зову, не сердятся на меня больше в основном, не зову никого просто так, мне легче самой объяснить, успокоить или перевязать. Я могу, как стюардесса в авиалайнере, наглядно жестами и с помощью наличествующего при себе бинта продемонстрировать сокамерникам больного, как делать перевязку или вести себя в случае эпилептического припадка.

...Чтоб лучше чувствовать вращение Земли, приходится садиться на пол. А также — для того, чтоб слышать, что говорят лежащие тяжелобольные. Они часто не могут говорить громко. А так я могу хоть находиться с ними в уровень и делать записи. Это очень важно, чтоб не потерять информацию. А, и не буду я входить в маске в туберкулезное отделение, к БК+. Во-первых, это никакая не защита. А во-вторых, раз это так, то какого фига я должна пугать и смущать людей? Им и без моей маски тяжело там и страшно. Это не бравада. Это все же, скорей, вера в то, что Бог хранит нас, если мы правы. Арестанты говорят там иногда: почему ты без маски? Это же туберкулез! Я говорю: щас договорим, надену... Я никогда не потащу за собой в туберкулез коллег и сотрудников СИЗО, у кого есть маленькие дети. Тогда все стоят у дверей, а видеорегистратор (нас же нужно постоянно снимать! вдруг мы сделаем что-то запрещенное!) тогда на стол ставят. Если он падает — я сама его поправляю. Чтоб никто, кроме меня, сюда не ходил и не рисковал. При этом ино-

гда возникает смешное чувство, что нож гильотины, который должен отрубить мне голову, застрял, зацепился, и из любви к порядку я тоже ему чуточку помогаю.

Хе, по этим записям регистраторов можно было бы смонтировать неплохой учебный фильм «Работа ОНК в наших больницах». Жалко, что его посмотрят лишь соответствующие службы ФСИН на предмет поиска компромата на нас. По-моему, мы давно ничего не нарушаем. Если нам законодательно предложат помогать больным, надев на себя наручники, так я их сама и застегну. Если я когда еще и проявляю боевой задор и веселый кураж против ошибающихся в праве сотрудников, то лишь для того, чтоб намекнуть, что еще жива. Ну, или себя в этом убедить.

...Где тяжелобольные — там я особенно много шучу. Хохочут и сотрудники, и умирающие. Я обязательно спотыкаюсь, поясняю, что плохо вижу и слышу (это правда), жалуюсь на боль в пояснице от тяжелых сумок (а это тоже не ложь), прошу позвать доктора не больным, а мне. Я признательна докторам, что научились понимать эту игру. А сотрудники вдруг учатся избегать бестактных реплик рядом с болезнью и смертью...

Я всегда говорю: я не журналист. Я — друг журналиста. Теперь я говорю: я не доктор. Я — знакомый доктора. Если я его позову — он придет. И это правда. ...Я читаю медицинские документы. Я соворю, если скажу, что у меня нет медицинского образования, но оно очень начальное и сугубо специфическое — перевязать вас под огнем на поле боя. Все остальное я вот сейчас только стала понимать, естественно — по мелочи. Я благодарна тем медработникам СИЗО, кто не проявляет больше заносчивости и не станет мне с азав объяснять, что же такое за хрень непонятная «бактериальный эндокардит митрального клапана», — мы же пять лет рядом с вами и у вас учились. Если я не пойму слово, все знают, что с извинениями переспрошу и попрошу любезно объяснить. Мы не умеем лечить, но мы умеем понимать. Без этого мы не смогли бы осуществлять возложенный на нас законодателем контроль. Не надо нас воспринимать конкурентами: мы посредники и организаторы. Врачи, мы просто пытаемся вам помочь. В организационных, естественно,

вопросах. Я понимаю, что наш контроль раздражает, но, согласитесь, вместе мы смогли помочь многим?

Если у меня появляются деньги (что редко), то я покупаю в первоочередном порядке тяжелым лекарства. Иногда они дорогие. Спасибо тем, кто иногда помогает.

...Бывает забавно. Мне пишут близкие или сами арестанты: в больнице затяжелел такой-то. А фамилию не называют. И я понимаю, что уже видела его сегодня, спросила, проходя палату в реанимации по коридору: все нормально? Он, конечно, сказал: все прекрасно, жалоб нет! Я пошла дальше, а он спросил вслед, при этом почему-то шепотом и с придыханием: а... вы не Анна Каретникова? Я обернулась: я. Он: тогда... пожалуйста, стойте! Мне так много надо вам рассказать...

Мы вернулись. Родственники, вы еще не успели высказать своих пожеланий — мы их уже исполнили. Телепатия. Высокая степень магии, она дается безумной усталостью и болью. Я не врач, я — юрист. Я всего лишь знаю процедуру.

...Нам часто в камерах начинают тыкать всякие раны, язвы, сыпи... Вон вчера сколлекционированные камни притащили, то ли из почек, то ли из пузыря мочевого. Я раньше отшатывалась. Теперь говорю: идите сюда, покажите. Смотрящий: «Да что ты пристал? Это ж ОНК, не врачи!» А хитрый узбек какой-нибудь: нееее... я знаю... это — ОНК! Я слышал: ОНК — это лучшие врачей! Тем заявления пиши, а эти сами приходят! :)»

Нуда, мы никогда не притворялись врачами. Мы — «друзья врачей». Так много бед случается из-за несогласованности медслужб, нехватки людей, навыков элементарной организации. Мы рады помогать вам в этом. Без вас мы были бы бессильны. Без врачей, без приходящих на помощь сотрудников СИЗО, без моих любимых и самоотверженных коллег по ОНК. Мы не спасали бы жизни и не сажали бы самолеты. Я знаю, что мое имя передается из уст в уста, но я — лишь посредник, а не легенда.

Смерти я боюсь, конечно, очень, она так пугает своей безвозвратностью. Но уже меньше, чем раньше. Это наши умирающие

больные лечат меня: они меня к ней приучили. Надо быть с ней в схватке до последнего, а принять — с шуткой и улыбкой, надеясь, что рядом будет тот, кто поможет тебе заглушать боль. Дальше — кто его знает, что будет: может, все и обойдется, не на этом свете, так на том. Я не ангел, у меня ведь есть встречный интерес. Я учу себя спасать — они учат меня и выживать, и умирать.

...Но когда я вхожу в ПИТ (палату интенсивной терапии), все же я чувствую дрожь и вращение земли, и я предпочитаю сесть на пол, поскольку, помимо вышеописанных причин, там нет стульев. Вращается круг света, я шучу новую шутку (какой артистизм!), я делаю записи (нам по-прежнему нельзя проносить ноутбуки и аудио). «Тетя Аня, я не умру? Вы же меня помните, я с семерки! Вы же успеете?..» Понятия не имею. Я говорю: попробуем. Чего вы первым умирать-то решили? Я же старше! (ааааа... ВИЧ, туберкулез, онкология четвертой стадии... он не умрет... ну что ж, постараемся?)

Слава медработникам, что хранят верность Клятве Врача России. И... извините, но будь прокляты те, кто берет под стражу умирающих. 228 ч. 2... 159 ч. 4... что же вы творите? Да пусть никто не держит вас, когда умирать будете, за руку.

«Матроска». Возвращение врачей, товарищ майор — и «ты подожди пока, не умирай пока...» Спасли? Или?

may_antiwar

22 августа, 2015

Хорошо, продолжаем сажать своими силами пассажирские самолеты и пытаться кого-то спасти в нашей маленькой больнице, и теперь это делает, по закономерному стечению обстоятельств, заместитель начальника СИЗО по режиму товарищ Мирошников Евгений Сергеевич (можно и ему пропуск в Рай? вслед за руководителем службы кадров СИЗО), и, вы не поверите, — к нам вдруг неожиданно присоединяется экипаж самолета: в нашем непростом пике по активировке тяжелобольных к нам присоединяются ранее куда-то выбывшие с пульта управления... врачи! Они возвращаются! Цветы врачам! Они вдруг хватаются за эти факинг рыча-

ги (которые, в отличие от нас, знают, где находятся, кроме тех, документальных, которые с непонятной целью растащили за это время то ли ФСБ, то ли УСБ при обысках: можно вернуть хоть ту бумажку, что в желтом файлике? без нее сложно самолет сажать!) — и вдруг дело идет на сдвиг, и с удивительной скоростью врачи в четыре... нет, во много рук добиваются казавшегося невозможным: тяжелобольную женщину наконец, буквально в два дня, удастся по вновь представленным документам на освидетельствование освободить из-под стражи, даст Бог, уже сегодня она будет в гражданской больнице, и, может быть, ее еще можно спасти, и летят куда-то факсы, звонят телефоны, и везут, может, из суда документ об освобождении...

Наша с коллегой Сорокиным роль минимальна уже. Моя, например, сегодня заключается в том, что я стою у окна (не сказать бы: курю в окно, хоть так оно было бы честней), зажав уши руками и пытаюсь не упасть в обморок по разным причинам, уши болят, не видят глаза, память стала отказывать, и повторяю туда, вдаль, периодически слово, созвучное русскому слову «звездец». А другие добровольцы нашего маленького экипажа иногда переводят на всякий случай и на каждый «звездец»: «Это Анечка хочет сказать, что...», «Анна Георгиевна тут имеет в виду, что в данном случае...» Хотя, по-моему, все всем понятно без перевода. И, я не издеваюсь сейчас, врачи работают. Помните, кто-то философичный сказал, что бесконечно можно смотреть на горящий огонь, текущую воду и работающих людей? Доставляет истинное удовольствие. Жаль, что это не было сделано раньше, эта работа. Шансов на спасение К. было бы больше.

Ну что, рисуем новую звезду себе на крыло, экипаж? Грустная звезда. Высмеяли меня ехидно коллега с офицером сегодня — зачем ты, Алиса, еще и прешься после всего в камеру к К. сказать ей об освобождении и нас с собой тащишь? Чтoб не упустить свою роль и свой момент славы доброго ангела? Ну, вообще зайти надо было, чтобы сказать сокамерницам собрать девчонкины вещи, а мне — взять телефоны родственников, которые я куда-то дела, чтобы встретили ее, но, анализируя себя и ситуацию (все же всегда поражаются глубине моей рефлексии и самоанализа, не ударю в грязь

лицом), — скажу: не исключая такой мотив, но чуть в ином разрезе. Мне важно увидеть результат, в том числе и своей, и вашей работы, и мне важно, чтобы вы увидели его, чтобы вы увидели человека, которого **ВАШИМИ УСИЛИЯМИ**, быть может, удалось спасти, чтобы вы в глаза ему посмотрели со мной вместе, **ВЫ**, а не я. Чтобы вы услышали «спасибо». Ведь это было не так сложно — вдруг взяться и помочь? Вы же смогли! Вот только... почему так поздно? Что ж так поздно родственники-то позвонили в ОНК на улицу Гарибальди? Пожалуйста, обращайтесь, **НЕ МОЛЧИТЕ!**

И офицер, выходя из камеры, довольно испуганно про эту женщину: ой... а почему она такая? какая она... ты видела? **ДА!** Все правильно, девушки и парни, люди обычно не бывают бледно-лимонного цвета, даже китайцы, а девочка — русская, я ж не зря спрашивала в предыдущем тексте про больную К. гражданских врачей, отказавших в освобождении этой женщины: **А ВЫ ЕЕ ВИДЕЛИ?** Вы ее видели, видели, видели? Я догадалась: вряд ли вы ее видели... А то бы тоже подумали: хм, а чего это она такого цвета?.. Да? А тут я просто сказала: ничего, все будет хорошо. Ну просто у нее **ВИЧ 4-В**, прогрессирующий туберкулез в фазе инфильтрации и распада, ну там по мелочи цирроз, панкреатит, гепатит, анемия тяжелой степени, хроническая болезнь почек, миопия, кандидоз, перитонит, гнойный двусторонний отит, я не хочу тут все перечислять, в общем, в результате она что-то стала здесь у вас немного неправильного цвета, этакое бледно-лимонного. Ты таких видел раньше? Нет? Я тоже. Прикинь — она живая, да брось ты, да не поверишь! Смотри, ходит. Но, наверное, хорошо, что она, может, не поедет искупать вину ударным трудом и шить нам с тобой рукавицы. Как-нибудь обойдемся? Кстати, ты часто спрашиваешь меня, почему это я такая нервная... Это потому, что у меня нет хороших зимних рукавиц, сшитых мертвой женщиной в ИК номер хрен знает сколько.

Ну вот, несмотря на весь этот букет, благодаря перечням, утвержденным Правительством, Центр борьбы с туберкулезом, куда была представлена на освидетельствование К., 19 августа вынес разумный и гуманный, наверное, вердикт: «Общее состояние тяже-

лое. (Далее три страницы текста.) У больного имеется тяжелое прогрессирующее инфекционное заболевание, НЕ ВКЛЮЧЕННОЕ В ПЕРЕЧЕНЬ ЗАБОЛЕВАНИЙ, ПРЕПЯТСТВУЮЩИХ СОДЕРЖАНИЮ ПОД СТРАЖЕЙ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ ИЛИ ОБВИНЯЕМЫХ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ». (21 августа, слава врачам «Матроски», которые начали работать, в другом медучреждении ее подпадающей под перечень признали.)

Да вы что? Герой (часто вспоминаю об этом) ремарковского «Времени жить и времени умирать» кричал безадресно в небо самолетам союзников при бомбардировке, сам не отдавая себе отчета, что кричит (и кому он это кричит): «Гады! Проклятые гады!» Я тоже не понимаю, кому это кричу, нас никто не слышит. ДА МЕНЯЙТЕ ВЫ УЖЕ ВАШИ ПЕРЕЧНИ! СОБЕРИТЕ ЭКСПЕРТОВ! ХОТЬ НАЧНИТЕ! ТРУПЫ НЕ ШЬЮТ ХОРОШИЕ ВАРЕЖКИ! Не садисты же вы, не маньяки... а? Я не могу сама внести изменения в перечни, я не врач. Врачи, эксперты, ПОМОГИТЕ! (Работа бесплатная, волонтерская. Нужно это кому?) На связи, прием.

...И на осторожные от ужаса вопросы ее родственников по телефону «Вы ее видели? Она... выкарабкается? Ну как вам кажется, есть шанс, что выкарабкается?» я курю в окно теперь уже машины и повторяю лишь: «Я не могу давать прогнозов... я не врач, я — юрист, не задавайте мне эти вопросы. Нам всем надо сейчас надеяться на лучшее. Что? Хотите меня отблагодарить? Так я-то здесь при чем? Благодарите врачей. Они работали. А меня вы уже поблагодарили. А вот только что, по телефону. Храни ее Бог. Что ж вы так поздно-то к нам обратились... раньше бы чуть-чуть... НЕ МОЛЧИТЕ! НИКОГДА НЕ МОЛЧИТЕ!»

...А очень скоро я расскажу про больную Р., в отличие от больной К. ее нам из-за дебильных бюрократических препон, несогласованности законодательства и этих самых чертовых постановлений спасти не удастся, она поедет, видимо, в колонию шить нам варежки с раком шейки матки, угрозой кровотечения, а еще у нее почечная непроходимость, поэтому у нее нефростомы, это такие трубки, вставленные в почки, писать самостоятельно она не может. Ну и нормально, лучшие рукавицы, мы гуманно считаем, по-

лучаются у людей, которые не могут сами писать и все опутаны трубками. Р. не подлежит освобождению от отбывания наказания по здоровью, потому что у нее нет метастаз. Пока. Пока ее еще можно оперировать и пытаться спасти. Когда у Р. появятся метастазы и спасти ее будет нельзя, ее, как сообщают врачи, по постановлению — рраз и освободят! А то еще испортит почти готовые варежки... в предсмертных конвульсиях.

Мне говорят: что это ты пишешь все чаще обиняками? Ты пиши как есть, стандартными отчетами. Народ, а зачем вам мои отчеты как есть, взаправду? Они ж состоять будут из вот этих только одних слов: звездеч... звездеч... звездеч... И меня тогда уволят скоро, а я и так уже не вижу, не слышу и почти ничего не помню и не соображаю. Дети: ты себя специально убиваешь? Я: нет. Просто я тороплюсь. Времени осталось немного. Ну на фиг же вам эти отчеты? **МЕНЯЙТЕ ПЕРЕЧНИ!** Ваше бездействие убивает еще живых. Мля, концепция гуманизма. Мля, двадцать первый век. Да вы что?..

Спасибо всей нашей маленькой команде. Спасибо возвратившимся врачам, да были бы вы впредь поторопливей. Спасибо товарищу майору, мы бы вряд ли справились без вас. Спасибо коллегам, что всегда рядом.

Звезду на крыло... это грустная звезда. Это страшная звезда. Это женищина бледно-лимонного цвета... Мне позвонили сейчас из тюрьмы, сказали, что ее в седьмую больницу Москвы увезли. Сейчас, вечером. Все-таки вышло. Или?..

«Давай за них, давай за нас...» (Давай за жизнь держись, брат, до конца...) Так правильной. Давайте, врачи, давайте, сотрудники. Давай, ОНК.

Из ФЗ-76: Осуществление общественного контроля за обеспечением права лиц, находящихся в местах принудительного содержания, на охрану здоровья. **(И ЭТО УБИВАЕТ МЕНЯ!)**

(введена Федеральным законом от 06.12.2011 № 411-ФЗ)

Статья 16.1. Осуществление общественного контроля за обеспечением права лиц, находящихся в местах принудительного содержания, на охрану здоровья

1. Члены общественных наблюдательных комиссий осуществляют контроль с соблюдением требований законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан и требований, предусмотренных статьями 16 настоящего Федерального закона, за обеспечением права лиц, находящихся в местах принудительного содержания, на охрану здоровья при их нахождении в местах принудительного содержания, при временном помещении их в медицинские учреждения. Контроль за обеспечением права лиц, находящихся в местах принудительного содержания, на охрану здоровья может также осуществляться в стационарных (конечных либо промежуточных) пунктах перемещения таких лиц.

2. Члены общественных наблюдательных комиссий в целях осуществления контроля за обеспечением права лица, находящегося в месте принудительного содержания, на охрану здоровья вправе с согласия этого лица или его законного представителя знакомиться с медицинской документацией, отражающей состояние его здоровья, беседовать по вопросам оказания медицинской помощи с лицами, находящимися в местах принудительного содержания, медицинских учреждениях.

А то спрашивали опять сегодня, кто мы такие... Такие, мля звезды, мы вот такие... Давайте засучим рукава, спасать давайте. Давай за жизнь!

Мы не уйдем. Вы распространяйте этот текст, НЕ МОЛЧИТЕ! Молчание убивает. Давай за жизнь.

**«По активировке — врачей путевке — я покидаю лагеря».
Да ни фига. ЧТО ПРОИСХОДИТ С ЭТОЙ МЕДИЦИНОЙ?!**

may_antiwar

20 августа, 2015

Я прошу обратить внимание на этот пост, он важен, вы его распространите. Вот спросят меня: Алиса, а кто тебе больше ненавистен в твоём Зазеркалье, в системе, с которой ты в работе соприкасаешься? Судья несправедный? Мент неверный? Прокурор с

проверкой формальной? Адвокат подсаженный? Оперативный сотрудник мздоимный? Или это, может, часто упоминаемый тобою младший инспектор неторопливый? А я скажу: нет, ребята. Это врач. Врач бездушный и бесчеловечный. Никогда в жизни не думала, что отвечу так. Тот человек, кому следует доверять, кому доверяются, чьей профессией восхищалась всегда, в чей профессионализм и сострадание к пациенту надо верить. У кого белые одежды. Кто спасать должен. А он своим бездушием убивает. Я не про какого-то конкретного доктора сейчас говорю, это собирательный образ, и в данном случае я говорю не только и не столько про тюремную медицину, хоть и про нее, про нее. Кто справки полуживым людям выдает, что те в удовлетворительном состоянии и всегда готовы в таком чудесном состоянии в суд поехать, а те умирают по дороге.

Вот представили на освидетельствование по Постановлению, на активировочку, значит, женщину, собралась в гражданской больнице почтенная комиссия-консилиум, рассмотрела документы — и в активировочке отказала. Мол, эта молодая женщина под перечень заболеваний, с которыми под стражей содержаться или отбывать наказание нельзя, не подпадает. Да вы что? Вот у нас с коллегами возникает вопрос: врачи, ВЫ ВИДЕЛИ ЭТУ ЖЕНЩИНУ? Мы видели. Мы — не, мы не врачи. Но вот как вы думаете, ваши коллеги из «Матросской Тишины» стали бы представлять на освидетельствование больную, если бы (сейчас цинично скажу, но так есть), если бы не опасались, что она может умереть? И достаточно скоро, чтобы попасть в печальную статистику СИЗО? Вы же знаете все это не хуже меня.

Ну, не активировали парализованного Топехина — так это хоть поясняли, что, может, он по ночам в камере лезгинку пляшет, у него симуляция и аггравация, ну ладно, а эта вот женщина К. — она с целью уйти от заслуженного наказания столько жидкости себе в полости скопила, что живот безумно раздут, ноги она себе раздула, чтобы стали, как у слона, в желтый цвет она тоже сама перекрасилась? Интересная, товарищи, история... А еще одному отказали на днях, а у него туберкулез прогрессирует, это не я говорю — это тюремный врач говорит. А вот та женщина Р., онкологическая, что

от боли орет, — вы ей, на этот раз уже гражданские врачи, тоже откажете? Явно хочет уйти от ответственности — вот и орет?

И я тут вижу три составляющие этого, на наш взгляд, вопиющего безобразия.

Первое — это сами перечни постановлений правительства № 3 и № 54. Сколько можно об этом говорить? Сколько раз вас просили: ну расширьте же вы перечни, вы же сами наперебой перечисляете дефекты, которые в них заложены! Просто сядьте и напишите свои предложения, мы сами будем по мере наших слабых сил лоббировать, но ЭТО можете сделать ТОЛЬКО ВЫ, ВРАЧИ. Неа... Сколько раз мы доктора просили? Да интересно, да интересно... но доктор был очень занят. Хоть сам все прекрасно нам объяснял про кардиологические риски и почему без них в перечне плохо. Так что ж не написать-то это на бумажке?!

Второе — вообще система эта заточена чисто под обвинительный уклон, и врачи туда же втянулись. ЧТО ВЫ В НИХ ВЦЕПИЛИСЬ? Что вы им умереть дома не даете, чтоб не ушли ни разу от заслуженного наказания? Они от вас все равно побег совершат, в лучший мир, не понесут они заслуженного наказания, они умирают, и на воле у них есть минимальный, но шанс. Оставляя в системе, вы их этого шанса лишаете. Что они вам дались со своими статьей 158 ч. 1 через 30 и 228 ч. 2, а? Что вам эти люди сделали? Велосипед ваш украли? Что ж вы жестокие-то такие? Думаете, за право и законность тут радеете, а вы не прокуроры, ваше дело людей спасать, что-то вы перепутали, что-то вот в СИЗО-8 спасением тяжелобольных уже служба кадров занимается, вот только служба тыла еще капельницы не ставит. Я не поняла, куда доктора все подевались, гнездо там у них было — кажется, мы его разорили нечаянно, но об этом я уже писала, не буду отвлекаться.

Третье. Врачи смотрят в перечни, на больных они, видимо, не смотрят, зачем это им нужно (не забудем тот хрестоматийный случай, как парню обследование выбивали сто человек, а в результате он все обследование просидел в автозаке, а медработник из СИЗО просто сбегал в гражданскую больницу по выбитой с трудом квоте... с его документами). Отличное было обследование. Заболе-

ете — просите такое же. (У меня его заявление об этом собственноручное есть, если что.) Повторяю вопрос: врачи, вы этих больных вообще видели? Мы не просим освидетельствовать всю больницу, мы говорим ПРО КОНКРЕТНЫХ БОЛЬНЫХ, чья жизнь под угрозой. А, мы не можем такое заявлять, помню-помню: мы ж не врачи. Так это не мы говорим. Это ваши коллеги из СИЗО говорят. Они даже пишут! (а самое страшное для любого врача в системе, похоже, написать, что кто-то тяжело болен. На словах обычно — да, ситуация тяжелая. На бумаге: состояние удовлетворительное). Но в данном случае они написали. Вы чего творите? Вам сколько Минкиных нужно и Наташ Квек мертвых, чтоб вы поняли, что не прокуроры? Вот же ж точно: «Мне жаль, что вам придется теперь гореть в аду. Но так вы хоть поймете, что я имел в виду...»

Какое безобразное безобразие! Которые в СИЗО врачи — те хоть в тюрьме работают, они хоть условия содержания под арестом и отбывания наказания себе представляют, а нельзя вот гражданских врачей заставить СИЗО и колонии в обязательном порядке посещать, пусть там поглядят, как безногий на дальняк ковыляет и как там паралитик ударным трудом ущерб, причиненный Родине, искупать будет. Редко нахожу время в газету написать, но это уже никуда не годится! Давайте меняйте ваши перечни. Вы людей на мучительную смерть обрекаете. Ничего себе... белые одежды... люди в чистых халатах... Идите спросите сокамерниц, как умирала Наташа Квек, молодая цыганка. В своем «удовлетворительном состоянии». В каких собственных экскрементах и о чем просила перед смертью. Или вам такие неприятные подробности неинтересны? Вам бумажки ваши интересны... На них дерьма нет. Или вам это только кажется. Его больше там на самом деле.

Вот говорят — доктор, доктор... ну, наш любимый доктор... вы его знаете... такой, сякой... А я помню редкий случай, когда человек после активировки выжил. Я тогда нашла его родственников, медицинские документы — и привезла их доктору поскорей. А доктор — раз и представил того парня на активировку. А его активировали. И потом еще доктор нашел потерявшуюся где-то в СИЗО его инвалидную розовую карточку. Вот, а потом через полгода вдруг...

САМ ПРИХОДИТ СВОИМИ НОЖКАМИ тот парень ко мне на работу, за бумажкой. И принес мне четыре шоколадные конфеты (о, взятка! да?). Ну так две из них — точно конфеты доктора. И они же, возможно, каждому из нас пропуск в Рай, хоть Всевышнему видней. Пусть во многом другом мы были с доктором неправы... Но шанс у нас есть. Потому что тот парень неуверенной походкой, но добрел до моего офиса и сказал спасибо. Нам с доктором сказал.

Вы перечни эти поменяйте. Или белые халаты снимите. Вы женщин больных отпустите, пока живы они еще. Вы злые, вы жестокие, вы очень плохие врачи России. Мне таким тяжелобольным стыдно в глаза смотреть, когда я про решения ваши странные узнаю. Вам не стыдно смотреть, вы туда и не смотрите, вы в бумажках закопались. Интересно, врачи в Бога веруют, или умные слишком? Как бы не прогадали вы.

Вообще обалдеть. Кто здесь псих? Что-то у вас «у пищеблока кошки съели собак. Что-то здесь не так...»

Перечни заболеваний меняйте. Это нужно вообще кому-то, кроме умирающих и нас???

**«Ну где ж вы, люди?.. сучье племя!..» Медицина в УИС.
Некролог тому, кто еще жив.**

may_antiwar

10 октября, 2016

Беженец из Сирии, гражданин Швеции, коммерсант, попал в московский СИЗО и сидел там год. Почувствовал себя плохо и пытался, как в тюрьме говорят, дотянуться до врача: стучал в дверь, писал заявления... Но не дотянулся. На него обратили внимание, лишь когда началось кровохарканье. Забеспокоились, заобследовали. У пациента запущенный рак в четвертой стадии, со множественными метастазами. Не знаю, как мы его просмотрели. В основном мы знаем все больное тюремное московское население.

Немолодого беженца из Сирии, гражданина Швеции поскорей подали на активировку. Ну, на освидетельствование, что не может содержаться под стражей. Статистику чтоб не портил: она и так

плохая уже очень. Хуже, чем в прошлом году. Судья Преображенского суда усомнилась в необходимости активировки: слишком тяжелая статья. Там то ли экономическая, то ли наркотики, это — не помню. Но ненасильственная, точно. Врачи убедили судью, и та потребовала вывезти больного в суд для рассмотрения вопроса. Врачи ответили, что нет возможности. Он умирает. Судья пообещала приехать 7 октября. Никуда она не приехала. Видимо, нашлись дела поважней.

Беженец из Сирии, гражданин Швеции приподнимается на кровати в реанимационной палате и гневно, по мере уходящих сил повышая голос, предъявляет нам за права человека, поскольку мы «по правам человека», обосновывает вполне закономерно. «Как вы допустили?! где права человека?! скажите им! почему меня не отпускают?! пусть отпустят!!! Я выздоровею! я уеду в Швецию, там друзья, есть деньги, я буду лечиться, меня спасут! Только пусть меня выпустят! Выпустяаяаяая! Тогда я спасусь».

Доктор, стоящая рядом с нами и молча демонстрирующая нам, водя пальцем, строки записи в медкарте, чуть качает головой отрицательно, прикусывает губу и опускает глаза. Это у нас давно такой шифр. «Не спасут, — говорит ее взгляд. — Уже поздно. Сейчас... потом... Тут все написано, и это — приговор».

Больной не видит ее взгляда, он гневно смотрит мне в лицо, но будто что-то чувствует и осекается, сам себя перебивает. «Ну хорошо... но если бы ТОГДА... ТОГДА, когда мне только стало плохо, год назад, хотя бы полгода назад, когда я звал врача, ВРАЧ БЫ ПРИШЕЛ!!! — тогда ведь еще можно было бы... выздороветь? Ну прошу вас, скажите!»

На этот вопрос мы все молчим, потому что отвечать бессмысленно, за смерть беженца из Сирии, гражданина Швеции все равно никого не накажут (хоть и жаль), а парню вряд ли станет легче от того, что он узнает грустную правду. Мы подчеркнуто живо и притворно весело желаем ему здоровья, доктор обещает в понедельник снова звонить судье, мы выходим из палаты. «Обычно рак не развивается так стремительно...» — уныло говорит доктор. Стремительно? За год-то?.. Но мы не спорим — а зачем? Не доктор Алина виновата в том, что происходит с медициной УИС! Да

со всей медициной РФ... И что толку, что предъявим теперь уже друг другу и опять поругаемся? Если вся медицина тюрьмы — случайно зашедший на проверку единственный в месяц фельдшер, смело делящий таблетку анальгина на «Васе от головы, Мите от задницы, если останется, — Пете от инфаркта»? Если судья разрешает жить или умереть в зависимости от тяжести преступления?

Про беженца из Сирии, гражданина Швеции скорей всего напишут теперь лишь в справке о смерти, и не будет некрологов. Исчезнет из всех баз данных. Ну вот я написала, нашла минутку. Не знаю о нем ничего, но пусть это ему некрологом будет. А то тут Р. доходил в инфекционке. Так противно... три раза же я к врачам бегала: Р. ухудшился! Три раза обещали обратить внимание, так руки не доходили. Довели до критического состояния и в гражданскую больницу справили. Три недели назад. Вчера спрашиваю: а где Р.? О, точно... забыли про него... уехал в больницу и не возвращался. Я говорю: ну скажите же честно, что умер! Ой... а может, освободили? Я говорю: вы смеетесь? Ой... ну нет информации, что он умер. Но... Вот З. с тубиком — тот умер, да. Я говорю: про З. сама знаю, что умер, наверное, не совсем дура, его мама уже за пять дней до смерти в ОНК обратилась, мы не волшебники. Р.-то где? Стоят, молчат, смотрят что-то на меня... Р. Сокамерники этого целыми днями в дверь долбили, что парню плохо, а приходили только члены ОНК...

Да ладно, что тут говорить. Реквием по живым не ставят. Предъявил мне беженец из Сирии гражданин Швеции. За права человека. Думал, глупый умирающий, что мы на них тут влияем как-то в части отечественной медицины. Но этот от него привет вам всем передаю. Он просил. Он мог выжить и быть здоровым. Еще год назад. Полгода — может, тоже. К нему не подошел вовремя врач. Его не вывезли вовремя на обследование. Может, симулянтom считали. Мало ли, кто там тормоза выносит, заявления пишет. Он боролся за жизнь. Он умрет очень скоро. Беженец из Сирии, гражданин Швеции... да какая разница, беженец откуда, гражданин чего...

Где ж вы/мы все были?.. ЕГО МОЖНО БЫЛО СПАСТИ!

Где ж мы/врачи СИЗО/МСЧ-77ФСИН России, УОМСО ФСИН России, Минздрав России, ОНК Москвы были?.. Давай, Ваня... :(

Давайте закроем туботделение больницы СИЗО-1 Москвы? Квадрат, Безнадегу. Жаль, подмога не пришла...

may_antiwar

7 октября, 2016

Давайте закроем туберкулезное отделение больницы СИЗО-1 Москвы? Жаль, подмога не пришла... Не, не потому что туберкулез побежден и отступает. Потому что эффект будет обратным. Туберкулез победит и наступит. По мотивам сегодняшнего посещения с коллегой Зоей Световой, по мотивам беседы с временным руководителем больницы «Матроски» и с ее прежним, недавно попросившимся с ней руководителем, я беру журнал посещений ОНК и начинаю писать: «ЗДЕСЬ НЕТ ВРАЧЕЙ! НЕТ ЛЕКАРСТВ! (а это мы видели только что, когда нафтизин на посту медбрату оставляли). СДЕЛАЙТЕ ЧТО-НИБУДЬ!!!»

Реквием по Квадрату, реквием по тубанару, по нашим надеждам и стараниям, реквием по Безнадеге.

Делаю паузу и вспоминаю, что у кого-то из коллег по ОНК в регионах на сайте придумана была такая фишка «закрыть тюрьму». Ну, типа, матрасы не меняют, на прогулки не водят, по мотивам посещений нарушений много, вывод: закрыть тюрьму!.. Ну, и все могут на кнопку жать, чтоб проголосовать, чтоб тюрьму закрыли. Затея в целом пафосная... но сегодня я поняла, что не очень. Задумчиво и почти невидяще оглядев офицеров, в чьем кабинете писала в книгу, я вдруг сказала: надо ее закрыть. Так я и напишу. «Кого?» — удивились они. «Так туберкулезную больницу... И на двери написать, плакаты развесить, как в «Бутырке», на двери в проход на скоропостижно расселенную по нашему требованию «Темную башню»: СТОП! РЕМОНТ! ДВА РЕМОНТА! СЮДА НЕЛЬЗЯ! ОСОБЕННО — ЖУРНАЛИСТАМ! НЕ ВЛЕЗАЙ, УБЬЕТ! ПРОХОДА НЕТ!»

«Не надо этого писать...» — напрягся более осторожный сотрудник. «Может, можно еще что-то тут поделать... мы тоже постараемся... не надо резко так». — «А почему нет?» — спросил другой. — «Что ты с этим Квадратом делать собрался? Можно и написать. И так всё все знают... Оно — не больница. Оно ею толь-

ко притворяется. Вот тоже новость... так пусть закроют!» Оба пожали плечами, давая мне карт-бланш.

И я продолжила писать, беря пример с решительных коллег, смело «закрывающих» тюрьмы. «Вынуждены отметить, что ситуация с диагностикой и лечением больных в данном отделении, а во многом — в условиях содержания больных, является ужасной и бедственной. Рекомендовано МСЧ-77ФСИН России, УОМСОФСИН России обеспечить надлежащие и достойные условия и медицину больным, пополнить штат врачей и запас лекарств, а при невозможности, до изыскания путей решения проблемы — ЗАКРЫТЬ ТУБЕРКУЛЕЗНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ БОЛЬНИЦЫ». Ну вот. «Так было?» — спросила я, как спрашиваю это сотрудников всегда, чтобы они имели возможность меня поправить, высказать свое мнение, возразить. «Ну да...» — ответом мне была тишина. Видимо, так. Да знают все, знают.

Не считайте шуткой. Или почти шуткой. Мне кажется, консолидированно с коллегами, что лучше не иметь больницы, чем притворяться, что она у нас есть. Хватит, мы сегодня там уже были опять. А лучше б не были. Врачей видели, больных, отсутствие лекарств... Помнится, коллега Дмитрий Недзвецкий, слабо разбирающийся в «Матроскиной» логистике, как-то вытаращил на меня в процессе работы глаза: «Не понял... Это мы что — В БОЛЬНИЦЕ? Вот ЭТО — БОЛЬНИЦА?! ТУТ БОЛЬНЫХ людей держат?!»

Коллега Алла Покрас по телефону поначалу тоже высказала определенный скептицизм: «Если его закрыть, так, что ли, вообще больницы не будет?..»

Я: Не будет, Алла Яковлевна. Совершенно верно.

Алла: А где же тогда лечить тубических?

Я: А их там и так не лечат. Вы лучше меня знаете. Врачей нет, лекарств нет. Чего там ждут? Пока все перезаразятся и поумирают? Вон, с понедельника еще врач увольняется. И пусть увольняется — ее все равно в камерах и на приемах никто никогда не видел.

Алла: Но хотя бы изолировать? чтоб не заражали других и не заражались?

Я: Алла, а они там как раз заражают и заражаются. В этой больнице. Вот тут нам сказали, что после наших душераздирающих воплей с коллегой Еленой Абдуллаевой «хозяин» то ли сорок человек от плюса к минусу перевел, то ли сорок камер расселил. До наших прыжков эти люди содержались вместе, а потом разъезжались по другим изоляторам и колониям или выходили на свободу, многократно увеличивая риск заражения. Это просто инкубатор, рассадник туберкулеза. Разве не так?

Алла: Ну да... вообще-то в чем-то вы правы, Анечка... Лучше не иметь больницы, врачей и лекарств, чем притворяться, что все это есть. Но куда же всех деть? Выпустить на волю?

*Я: Не знаю, коллега. Это не в моей компетенции. Я отвечаю за конкретный участок. Может, где-то в регионах другие, нормальные туберкулезные больницы есть. Вот всех пусть туда везут. А здесь — **СТОП, РЕМОНТ, ЧЕРЕП И КОСТИ, НЕ ВХОДИТЬ!** Типа здесь была больница, но теперь ее нет, потому что все ушли к черту, на фронт, в запой, пока УОМСО ФСИН смело отчитывалось, что все тут у нас в больнице есть. А ее **НЕ БЫЛО**, больницы, уже давно. И облицованные розовым кафелем некоторые проходы через коридор при напоре, до стыда раздолбанных камерах отнюдь не решали проблемы. Не было фтизиатров, не было стимулов для них идти работать в УИС, не было достойных зарплат и социальных гарантий. И не было желания признать это, обратить на это внимание. «Денег нет, но вы держитесь там...» Сколько могли — держались. Потом больницы не стало, как и денег. Только видимость, эфемерный мираж. Мертвая зона. Проклятые и забытые. Без врачей, без лекарств, без информации о состоянии своего здоровья. Иногда отъезжающие при обострениях доживать-умирать в гражданские медучреждения. Все надеющиеся выпросить у фельдшера на камеру пузырек нафтизина, таблетку найза или справку с перечнем диагнозов для суда. Таблетки от эпилепсии... Дважды был приступ, упал, разбил голову, выбил зубы... **НО ГДЕ НАЙТИ ВРАЧА, ЧТО ПОДТВЕРДИТ НАЗНАЧЕНИЯ?** Он всегда подтверждал, ведь диагноз проставлен в медкарте... Да вот только нет здесь больше врача. И новых — не предвидится.*

«Денег нет, но вы держитесь там...» Мы держались, уважаемые товарищи председательствующий и главнокомандующий. Мы держались, сколько могли. Мы исполняли ваш приказ, встав плечом к плечу: и больные, и подсаженные к ним зачем-то здоровые, и медработники, и безотказные сотрудники СИЗО, и вышколенные члены ОНК. Мы настойчиво притворялись, что тут — больница, сценки разыгрывали, как вы велели. Одни ходили в белых халатах, другие — собирали обращения больных, честно их выводили к отсутствующим врачам, третьи честно же просили о лечении, четвертые о происходящем молчали, пытаясь сами «тучи разгрести руками». Мы разгромлены, товарищ генералиссимус. Пора оставить эту высоту. Бывает время признать поражение. Давайте признаем? По факту. Это — нет, больше не наша высота. У нас нет для вас больницы. А у вас — для нас.

Мы ведь вернемся потом. Дайте просто ставки, деньги, врачей, лекарства, ремонт, штат. Как придет подмога — мы ведь вернемся. Но в больницу, а не в ее подобие и имитацию. И все вместе возьмемся за дело. Сейчас мы теряем больницу. Да что там... мы ее давно потеряли.

Нате вам об этом песенку: «Жаль подмога не пришла, подкрепления не прислали...» (Внимание — по ссылке в песне ненормативная лексика, но отражает. Именно так.)

Пожалуйста, давайте закроем эту больницу! И откроем снова! Но уже другой, обновленной, настоящей, чудесной! Мы так верим, что это возможно! «Воззвав к Тебе, услышь мя».

Трансляция из больницы. Славная победа в битве за таблетку и «не навреди... аптеке». Печалька.

may_antiwar

20 июня, 2016

Некоторых вещей никогда не пойму... В камере больницы двое больных: одному вскрыли инфильтрат, образовавшийся после неудачной инъекции, другому ампутировали палец ноги (сухая гангрена, как бы всю ногу не оттяпали). Больным — больно. В камере также трое

общественных наблюдателей. Наблюдатели наблюдают. И двое сотрудников, они наблюдают за наблюдателями, хоть лучшие бы они записывали и на месте устраняли отмечаемые нами недостатки, как то инструкциями предусмотрено и как это обычно бывает. Ну ладно. Эти сотрудники нечасто сопровождают членов ОНК. Не об этом.

Итак, больным больно. Они просят обезболивающее. Недавно после операций.

Коллега Кира: А можно им дать обезболивающее?

Молчание. Сотрудники смотрят на нас, регистраторы регистрируют.

Кира, чуть громче: Скажите, что нужно сделать, чтобы им дали обезболивающее? Может, можно позвать врача?

Та же сцена. Все на нас смотрят.

Кира: Можно я им оставлю таблетки?.. У меня есть обезболивающее.

Я: Нельзя, к сожалению, под запись таблетки оставлять. Мы когда с Управлением не ссоримся, тогда все можно, но оно у нас непостоянное, рассердится потом и будет против нас использовать запись, как наблюдатели травят невесть чем спецконтингент.

(О, эти знакомые всем наблюдателям, контролирующим медицину и больных, сцены, когда больной в карантине, например, — человек криком кричит: бинтов! таблетку! пожалуйста, НАФТИЗИНА! А у тебя все это есть. Но помочь без медработника ты ему не можешь. А медработника нет. А больной кричит. Некоторые плачут даже. Как вы думаете — нарушали мы, не нарушали? А вы бы как поступили? Угадайте. Бывают ситуации и ситуации.)

Но ладно. Кира: И что же тогда делать? Ну давайте же я оставлю им таблетки! Они легкие, их моя дочь пьет, если больно... (дочь Киры музыкант).

Коллега Дмитрий: Да пусть оставит, почему нельзя оставить?!
Больно же им!

Я говорю: Лучшие мы иначе поступим. (Оборачиваюсь к наблюдающим за нами сотрудникам. Товарищи, и что мы стоим? Трижды

прозвучало заявление об ухудшении состояния здоровья, а его не то что никто в журнале вот в этом не зарегистрировал, а еще и медработника никто не вызвал. Грубейшее нарушение сразу двух ведомственных приказов! Будем фиксировать или позовем кого-нибудь? Наши «наблюдатели» отвлекаются от захватывающего процесса видеосъемки и проводят краткие консультации, в результате которых все же появляется из недр женщина-медработник.

Вот это — мой больной, — поясняет женщина. — Из терапевтического отделения.

Мы: Ну и дайте ему лекарство.

Доктор: Не могу. Дело в том, что его лечащий врач ему назначила анальгетики...

Мы: Назначила — так дайте.

Она: Не могу.

Мы: Почему?

Доктор: Его лечащий врач вчера поздно уходила, торопилась и не назначила дозировку. Просто написала в назначениях: «анальгетики».

Мы: Ну и дайте ему анальгетики.

Женщина: Не могу. Не знаю, сколько.

Я: Дайте сколько нужно.

Доктор: Я не знаю, сколько нужно.

Мы: Нужно столько, чтобы не было больно.

Женщина: Так нельзя. Анальгетики — лекарство вредное. Могут при передозировке дурно на желудке сказаться. А наш главный принцип — «Не навреди!»

Дмитрий, с сомнением: Хм...

Кира изумленно: У вас найз есть... найз не навредит... его даже дочь моя пьет... Можно, я свой дам?

Врач воодушевленно: Да! «Не навреди» — это наш принцип. Анальгетики — вредно. К тому же — в неизвестной дозировке.

Я вкрадчиво: Доктор... что-то странный у нас диалог, непродуктивный... Мы тут уже двадцать минут сидим, а у нас еще де-

сать больных заявителей. Анальгетики в неизвестной дозировке, которую по неясным причинам... может — из-за служебного несоответствия какого... — не указал лечащий врач, оно, может, и вредно, а вот когда вашему пациенту так больно, что он орет, — это, мне кажется, тоже бесполезно. И еще очень бесполезным бывает неисполнение своих обязанностей и неоказание помощи больным на глазах членов Общественной наблюдательной комиссии. Мы не просим человеку прямо вот сейчас тут операцию сделать. Таблетки дайте, пожалуйста. Ну, пожалуйста, ласково просим, в обычной дозировке... раз врач написать забыла. Коллеги, я в чем-то неправа? Или это наше консолидированное мнение?

Коллега Дмитрий: Это наше о-о-оочень консолидированное мнение. Офигеть, полчаса уже за одну таблетку найза бьемся. Мужiku после операции...

Кира, все удивляясь: Да это таблетка обычная... вот и у меня такая есть...

Доктор уходит по коридору, продолжая по дороге крайне недовольный диалог с нами и прославление принципа «не навреди». (Правильно, не навреди аптеке, судя по всему. Не таскай из нее лекарств, а то перед проверками похвастаться станет нечем в духе «у нас все есть! медикаментами укомплектованы полностью!»)

Доктор, возвращается с таблетками: Кружку в руки с водой! Рот открыть! При мне выпить! Под язык не прятать!

Больной с абсцессом счастливо глотает таблетку. Смотрит на нас, на врача, на сотрудников с благодарностью и обожанием.

Кира: А второму? Больному с гангреной?

Доктор, торжествующе: А вот ему не дам! Это не мой больной, а хирургический. Отделение другое. У меня даже его карты нет посмотреть, что там ему назначено.

Коллеги: Но вы же видите, у него пальца нет... только ампутировали... на ноге повязка... ему больно...

Доктор: Нет, нет, карты нет, не мой больной. Нет назначений — нет таблетки. Нельзя таблетку.

Больной, обреченно, встает на сторону доктора: Да... я не ее больной. Она мне не может таблетку дать. Я за другим отделением числюсь. Так тут все устроено. Я потерплю...

Я: Ладно, пойдемте. Доктор из хирургии на другом этаже в кабинете обычно сидит. Сейчас (беру тяжелые сумки) мы поднимемся на два этажа... если повезет, найдем там доктора и у него тоже попросим таблетку. Если ее не забыли вписать в назначения. Ну, как-нибудь выпросим. Три члена наблюдательной комиссии, включая двух заместителей председателя, имеют шанс победить в Великой войне за одну таблетку найза. Достаточно представительная делегация при такой цене вопроса. Если повезет, разумеется. Фортуна тоже непостоянна. Спасибо всем. Занавес.

Больные, хором: Спасибо, доктор! спасибо, ОНК! Мы вас любим! приходите к нам еще!..

Такие дела, страна. Все нормально, Галина Викторовна? Александр Петрович? Надеюсь, вы были на нашей волне.

(Напоминаю: та трансляция велась ИЗ БОЛЬНИЦЫ.)

Жаль, что она умерла...

may_antiwar

12 августа 2014

И мое личное кладбище пополнилось. В СИЗО умерла женщина, которой мы, как могли, пытались, но, как это бывает, не сумели и не успели помочь. Все слишком поздно, все слишком быстро... А она хорошая была, молодая, красивая. Болела. Хотела скорей на этап, хотела свои медицинские документы, мы взялись ей помогать. Взяли у нее согласие на помощь в сборе меддокументов. Не чтоб на врачей жаловаться. Чтоб у нее с собой были. Вообще она веселая была, жизнерадостная. И срок был не очень большой.

Я хотела к ней зайти сегодня. «Я должен тебя огорчить...» — сказал мне начальник СИЗО, когда я вошла в его кабинет. Я, уже, кажется, начиная понимать, что произошло, только спросила: «Про Наташу? Но ведь не совсем... огорчить? Скажи, не совсем?..»

Совсем.

Не поедет Наташа отбывать. И не подышит, как хотела, свежим воздухом, который, как ей казалось, должен был ее подлечить. Наташа, мне жаль. Не знаю, что тут еще сказать...

Расспросили сокамерниц, как она умирала. Да довольно быстро. Без особых мучений, хоть это хорошо. Заболевания были такие... Я не знаю, надо ли было вызвать «скорую» раньше. Я не врач. Я никого не обвиняю. Накрыли простынкой. До свидания, Наташа.

Доктор говорит: убила сама себя. Оказывалась от таблеток. Думала, если их начнешь принимать — так это уж на всю жизнь... Ну вот, жизнь и закончилась.

Почему же ее раньше не активировали? Она же уже год была в изоляторах.

Доктор: Стадия была не та. Под Постановление не подпадала. А когда стала та — хотели как раз активировать, да только она быстро умерла.

Что ж вы не кричите, вы, а не мы, что ж не сигнализируете, что постановления эти, 3-е и 54-е, никуда не годятся? Что по ним активировать можно уже, фигурально выражаясь, только мертвых? Вы же врач. А мы просто стоим и смотрим. Широко открытыми глазами.

Нет, не просто. Мы будем об этом говорить, мы об этом орем, но нам нужна помощь врачей, без них не обойтись, ПОМОГИТЕ НАМ! Нет, нельзя просто пожать плечами: «Ты же знаешь, как тут все криво устроено...» — и пойти жить дальше.

Мы к ней пришли, мы ее увидели, но не успели. А к скольким мы и вовсе не пришли?.. А может, она и на воле бы умерла. Может быть. Но мы не успели. Не спасли, не помогли.

Не очень я люблю, когда видят мои слезы. Ну, вот пусть сотрудники их, по возможности, не видят. «Ты что, плачешь?» — Нет. А впрочем... Знаешь, женищина умерла. — «Кто, твоя цыганка эта?»

Да какая разница... человек же. Молодая женищина. Ладно. Мы пошли, пошли, пошли искать утраченную мерцающую рыбу.

Гоняться за киселем. И бороться с неожиданной на прокислом молоке манной кашей.

Я не хочу никого огорчать. Я не называю изоляторы и имена, хоть имею полное право их назвать, у меня есть письменные разрешения, я под регистратор беру их. Не надо от меня ничего секретить, странно это. Я жизни и здоровья всем хочу, а не сенсаций. Я хочу сейчас сказать очень важную вещь.

Лена просит, чтобы ее проверили на туберкулез.

Наташа, которая умерла позавчера, сидела в одной камере, скажем, с Аминат. Аминат, очень может быть, выделяет туберкулезную палочку. То есть, иными словами, она может быть заразна. Я не знаю, была ли заразна Наташа. Но когда Аминат увезли в туберкулезный корпус, то всю камеру, из которой ее увезли, поставили на учет по туберкулезу как контактировавших. Сорок примерно человек. А в больнице изолятора, куда привезли Наташу, ее поместили в одну камеру с Леной. И они спали на одной кровати, потому что ни у одной из женщин не было сил забраться наверх, на второй ярус, «на пальму». Долго спали, по словам Лены.

И вот сейчас Лену вернули в женский изолятор. В другую камеру на сорок человек. Вы понимаете, о чем я сейчас говорю? Следует ли еще сорок человек поставить на учет? Я не знаю. Я хочу, чтобы это ПРОВЕРИЛИ ВРАЧИ.

СЛЫШАТ МЕНЯ? ВРАЧИ! «Эй, кто-нибудь, позвоните кому-нибудь!» Эта реплика звучала в финале фильма «Семь», когда все кончено и не страшно уже ничего. А нам — не страшно? Сколько еще нужно смертей?

Она просит проверить, а ей: флюорография делается раз в полгода. А то это вредно...

Мы не играем тут сейчас в фильм «Эпидемия», но мы имеем очевидную ЦЕПОЧКУ. Пожалуйста, не для сенсаций, ни для чего, только ради здоровья и безопасности женщин — ПРОВЕРЬТЕ ЭТУ СИТУАЦИЮ. Наташа УМЕРЛА. Пусть не умрет и не заболит больше никто.

Я все фамилии и номера камер передала коллегам, которым я доверяю и которых уважаю, для того, чтобы они немедленно сиг-

нализировали о наших опасениях. Я надеюсь, что это произойдет уже завтра. Я надеюсь, что кто-нибудь нас услышит.

И я уезжаю завтра в отпуск, на десять дней, я не хочу уже ни в какой отпуск, мне страшно бросить людей, которые нас ждут и нам доверяют. Я только спрашивала сегодня в СИЗО: продержитесь десять дней? Они: дождемся, Анна Петровна... вы нас знаете.

Вот Наташа не дождалась...

В камере, я, сотрудникам и коллеге: слушайте, я второй раз не настаиваю, чтобы вы тут рядом стояли. И видеорегистратор держали. Поставьте его на стол. Я почему это говорю — я сейчас читаю диагноз. Медицинские документы, понимаете ли, читаю я. И вижу там кое-что. И мне во второй раз приходит мысль: вы можете выйти за дверь. Сотрудник понимающе кивает и уходит. Коллега Сергей Егорович смело остается зачем-то... Какие уж там маски-респираторы? Кого они спасли? Ну да, я пришла сейчас домой, одежду на машинку скинула, голову — горячей водой. Дети тут все-таки. Но я как буду в маске с девочками разговаривать? Да не буду я. Дело не в том, что я не боюсь. Боюсь. Легкие — проверяю... уже боюсь, впрочем, проверить. Но я такая же, как все, одна из вас. Никто тут не лучше и не хуже меня: ни заключенные, ни сотрудники.

Не хочу портить никому настроение еще сильнее перед своим отпуском, сохраните обо мне добрые воспоминания, поэтому я не рассказываю здесь, что мы увидели сегодня в карантине и на пищеблоке СИЗО-1. Верю в вас. Надеюсь, что приеду — и опять буду писать только хорошее и хорошее, потому что это внезапно окажется правдой.

Пожалуйста, только сырые овощи! Только сырые свежие овощи. Только витамины, только хардкор. Мы в веках прославим и впишем в скрижали альтруизма те СИЗО, что первыми дадут заключенным сырые овощи.

ОК, простите меня, Наташа. Мы не смогли и не успели вам помочь. Вот вам, что ли, песенка... «Опустела без тебя земля». Не знаю, вам ставил кто-нибудь когда-нибудь песенки на ночь? Вот я ставлю. Мне очень жаль, что мы больше не посидим рядом и не

поболтаем, Наташа. Даст Бог, все у вас будет хорошо. Ну, и пьем без тоста.

«Явилось начальство, пришел капитан... и вечную память пропели». Простите, Евгений, я вас обманула.

may_antiwar

22 января, 2016

Ну вот, минус одна звезда с крыла: боролись, старались, суе-
тились — не успели. Умер В., больной Большегородцев, ничего мы не
смогли суеютой своей. Вот еще позавчера я чуть не силой на колен-
ках заставляла его сесть на кровати и подписать под регистратор
моей рукой написанное заявление на освидетельствование (он сам
писать уже не мог, но наконец заговорил, узнал меня, я ж вечный
ангел смерти), требовали заявления немедленной регистрации,
брали два раза заявления на его согласие на преодоление врачебной
тайны, искали врачей, разбирались в диагнозах, начальник учреж-
дения обещал немедленно врачей с утра собрать... но он уже и умер
на следующий день вчера. Мне даже не верится, хоть я сама все не
кричала, но монотонно повторяла: сосредоточьтесь, врачи, руко-
водство. Его жизнь под угрозой. Сокамерники говорят: перед смер-
тью он встал вдруг сам, взял зубную щетку, взял стакан, пошел в
санузел... там вдруг заплакал. Плакал, а потом затих. Они ему:
Жень, Жень... неприлично ж к человеку в санузел рваться. Загля-
нули все же наконец... а он уже не дышит. Ну все... все. Вот и нет
Большегородцева. И остались мама в больнице с сердечным присту-
пом да жена с маленьким ребенком. А осужден-то он за какую-то
фигню, ему ж даже суд дал ниже нижнего предела... два года срока
он поймал. И когда Алла Яковлевна еще, кажется, в сентябре его
в карантине четверки обнаружила, он же практически здоровым
был на взгляд, просто просил родственникам позвонить, сообщить,
что он в неволе. А потом уже они сами звонят, увидев его на суде:
слушайте... ну осудили, ладно. Но ПОЧЕМУ ЖЕ ОН УМИРАЕТ?
Он же в весе в два раза за это время потерял... Большегородцев
ухудшался на наших глазах.

Алла Яковлевна непрерывно звонила Галине Викторовне Тимчук, руководителю нашей МСЧ-77 ФСИН России. Большегородцева вроде кто-то осматривал. Может, доктор четвертого грозящего правозащитникам централа Кравченко даст по этому поводу какие-то пояснения? Как он умер-то с постоянно «хорошими» анализами, о которых нам сообщали? Видимо, вскрытие покажет... Онкология и что-то еще... Да и в последние дни жизни посев на туберкулез внезапно положительным оказался. Ну почему, почему никто, кроме нас, ни один врач не заметил, что человек умирает? Мы ж колотились о двери и телефонные трубки...

Сегодня любезно к нам пришли медицинские руководители Галина Викторовна Тимчук и Самсон Валерьевич Мадоян, чтобы обсудить эту ситуацию. Ну, вот так вышло... Между тем написанное мною заявление Большегородцева на освидетельствование бесследно исчезло. Оно не попало ни к начальнику СИЗО, ни к врачам. И я очень прошу его найти, понять, где исчезают документы и что происходит. Мы не веник с совком на этот раз в камеру просили — умирающий моей рукой просил спасти ему жизнь... и вот оно исчезло. Никуда не пришло. (???) Оно бы не успело все равно, оставался всего один день, но можно ли его найти, чтобы подобное не могло повториться?

А тут вдруг появляется спецчасть. И сообщает. Оказывается, в день смерти уже пришло откуда-то разрешение на освидетельствование Большегородцева для его освобождения. Но... к врачам оно тоже не попало. (???) Оно бы тоже не успело, но ведь оно было... и тоже не дошло до адресатов. Вот разве так может быть? Бюрократические проволочки, потерянные бумажки УБИ-ВАЮТ. Это может наконец кто-нибудь понять? Хотя бы после стольких смертей...

...Спрашиваем про несчастного Орлова (вообще вопросов больше, чем ответов), как это его выписали в таком диком состоянии без осмотра в пятый изолятор в перенаселенную камеру, а потом по «скорой» вернули с открывшимся кровотечением и продиагностировали выделяющий туберкулез. Это сколько-то народу могли позаризать?! Нам поясняют: но анализы-то были хорошие! Это был один

шанс на тысячу такой угрозы — и вот этот шанс выстрелил. :(((
Мы отвечаем: мы нашли его в СИ-5 через четыре дня. Послушайте, если бы хоть один врач при выписке услышал, КАК ОН КАШЛЯЕТ, врач бы его НЕ ВЫПИСАЛ. Опасаемся, что Орлов говорит правду — он был выписан в предновогодней суете без осмотра. Чтобы не мешался на выходных. Но теперь я уже ничему не удивляюсь... Пусть Орлова лечат, пусть он не повторит судьбу Большегородцева, которого мы спасти не смогли. Пусть спасут хоть Орлова.

...На все это накладывается абсолютно трагикомическая история трех молодых парней из СИ-5 в камере *01 — двух кавказцев и русского, которых привезли в инфекционное отделение «Матроски» на карантин по ветрянке (детская болезнь, ветрянка в СИЗО неожиданно случилась с ними). И там благополучно забыли, хотя они давно были выписаны. Забыли то ли потому, что солярка для автозакончилась, то ли конвои не ездят. И последовательно подселяли к ним в камеру сначала Орлова с открытым туберкулезом, то Большегородцева с тем же, возможно, самым. Ветряночные парни не жаловались до поры, мирно переносили тяготы и заботились сначала о том тяжелобольном парне, потом о другом. Потом Орлова от них забрали, не сказав, куда, а Большегородцев вчера умер. Ну, только в какой-то момент написали письмо «по правам человека» Анастасии Николаевне Чжу — долго ли им еще находиться в таких странных условиях, где все почему-то умирают. Когда пришли мы, они думали, что это пришла она.

«Ни фиги себе, — изумляется тут уже начальник изолятора, слушая по завершении маршрута мой печальный рассказ. — То есть их привезли лечить от ветрянки... а заразили, может, туберкулезом??? ДВА РАЗА ПОДРЯД?» А вот да. Это как в анекдоте: «Ни фиги себе за хлебушком сходил, — удивленно сказала отрезанная трамваем голова мужика, откатываясь на проезжую часть»... Шутка жизни, ирония судьбы. Полечились от ветряночки... теперь на таблеточки да усиленное питание. (Кстати, в период пребывания Орлова и Большегородцева совместно в той камере Орлов на себе Большегородцева тоже в сортир и к врачам таскал. Он сегодня спросил: как он там, Женя? Мы спрятали глаза и сказали: вообще

плохо. Он: то есть... то есть все? Мы кивнули. На миг он перестал хрипло кашлять, и нам показалось, что у него на глазах выступили слезы.) Орлов видел, что Большегородцев умирает. Это видели и ребята-ветряночники. Как они говорили нам накануне, как просили: вот если б у него был кто на воле серьезный... были б люди за ним, если б кто им занялся... он же выжил бы тогда! Женя выживет, он такой! Вы им займетесь?

Что-то безуспешно мы им занимались. Простите ребята, прости, Женя.

Они ж его с ложки по утрам творогом кормили... он не ел ничего давно, они — кормили. Они не за себя переживали. За Женю.

А что не прощу — так вот что. Или кого. Наверное, доктора. Которая днями раньше, позванная нами к больному, ДАЖЕ НЕ ПОДОШЛА НА НЕГО ПОСМОТРЕТЬ. Как? Почему? Может, видела, что у него хорошие анализы за три дня до смерти. А может, просто было все равно. Но я не могу это простить. Потому что мы с парнями из пятого централа на коленках у его кровати стояли. А она — даже не подошла. Это нельзя, недопустимо. Я не судья, но мое субъективное оценочное: нельзя ей работать врачом. Богородица не велит. «Он не ест, потому что болеет. Совершенно нормальное явление». А для ребят оно было ненормальным. Они его творогом с ложки кормили.

*...Нас любезно уверили, что, как я и просила ранее, вся камера, где мы нашли Орлова в пятерочке, поставлена на 4-ю группу тубучета, получит диету и терапию. Но вот нам совершенно непонятно, почему до сих пор не поставлены туда наши три злосчастных ветряночника, до сих пор пребывающих в *01 инфекционки «Матроски» и до них... врачи так и не довели до них, что они были в контакте с открытым носителем. Почему это-то мы до них доводим, а не вы? А мы вынуждены это до них довести, потому что один, 318-я первая, может на днях уйти по суду, и он что — так и не узнает, что ему профилактически пролечиться нужно? Его не нужно предупредить? Молодой, потрясающе добрый, доверчивый и позитивный парень-дагестанец. Странная какая-то ситуация. Накосячили вы, а слова возмущения слушаем почему-то мы... «Я не понял... туберкулез? А что ж мне никто ничего не сказал хоть?!»*

Уже после совещания с уважаемыми докторами были этим несказанно удивлены. Неприятно удивлены.

И второе: да, мы долго говорили сегодня с докторами. Что вот подряд случились эти несколько бед. И что нас слышат, нас читают, для нас всегда открыты... но. Может, у меня опять сложилось искаженное мнение, но оно такое, что, на взгляд докторов, беды случились в ущерб статистике. И это — главная неприятность. А вот сокамерники видели в умершем человека... Которому было больно. Которого жалко. Который плакал перед смертью. И потом его не стало. А ведь он был, был, Женя Большегородцев... Лежал вон на соседней шконке. Большие его нет. Ну как же так? Жаль...

Вращается, вращается круг света... Я — ангел смерти. Евгений, подпишите вот эту бумажку — и вы обязательно выздоровеете. Встаньте, я требую. Вот подержите меня за руку. Бумажка важная. А бумажка куда-то потерялась. И Женя умер.

Врачи, ну пожалуйста, станьте гуманней. Вам Алла Яковлевна говорила сегодня: да примеряйте вы на себя!!! Это может случиться с каждым... Что ж вы к больным-то близко подойти боитесь? Такие же люди, как и вы, как ваши близкие. Не статистика. Вон коллеги комментируют: вы чего натворили? Надо эту больницу к пыточным колониям официально отнести и к рассаднику заразы вместе с госпожой Н., доктором!..

Я не стремлюсь навешивать ярлыки. Мы всегда открыты для сотрудничества и, к стыду своему, скажу, что готовы зачастую молчать, когда надо кричать. Лишь бы вы лечили. Лишь бы вы спасали. Пожалуйста, поймите, что мы не враги вам, мы не сенсаций ищем, а спасения для умирающих. Мы их наперечет знаем и выявляем по московским центрам. Мы не с теми к вам обращаемся, чьи родственники малую денежку нам заплатили (как думают до сих пор некоторые), а с теми, кому действительно плохо. Пусть хоть Большегородцев станет примером, а его смерть — хоть слишком высокой, но ценой за понимание.

...Мастер-стилист поинтересовалась в салоне у меня: уууу... какие на лбу продольные морщинки... много думаем? Я рявкнула,

уходя от беседы: не, много плачем. Работайте! Наврала: я давно не плачу. Что, я должна ей рассказывать, что я — ангел смерти? С огромным трудом поддерживаю в последнее время светскую беседу. Только в камерах умирающих. Там только смеюсь и шучу. Вы не умрете. Вы все не умрете.

Прошу прощения, Женя. Вот не спасли. Я вас обманула. На мне это останется тяжелым грузом. Как Копынева, Ибрагимов, Рынди-на и Наташа Квек. И многие другие. Даст Бог, все не напрасно. Вас и ваших родных это не утешит, но мне это дает чуть надежды. На Эру Милосердия, путь в которую вы проложили своей смертью. :(((

Давай, Ваня... «Пришел корабельный священник старик — и слезы у многих блеснули...»

Услышь нас, Господи... Врачи, услышьте! Вернитесь!

may_antiwar

10 апреля, 2015

Вот сколько раз уже писали: НЕДОПУСТИМА СИТУАЦИЯ, когда человека не лечат в СИЗО, поскольку у него подтверждающих документов о заболевании нет. Но до абсурда ж доводить не надо! Вот у девушки в горле трубка. Трахеостома там у нее, появилась достаточно давно, реально трубка из горла торчит и свистит. Вот мы ее видим, трубку эту. Ее как-то давно пытались вытащить, дырка эта в трахее стала неправильно зарастать — вот так она и ходит с трубкой. И при этом сидит теперь в СИЗО-6.

Я девушку не обсуждаю, она непроста, наркоманка с большим стажем, такая вся не очень образованная, вся себе отвязная, но говорит она: эта трубка уже испортилась, в ней фильтры забились (не знаю, есть ли там фильтры), всякие массы там внутри скапливаются, рвота начинается, боль и воспаление. Может, ее, трубку, поменять надо? Может, вытащить и промыть? Ну некомфортная вообще стала трубка, помереть боюсь (при невнимательном отношении к такой трубке мне известны случаи летальных исходов).

Может, операцию надо сделать? Раньше она так не свистела. И вообще что-то плохо.

И среди заключенных камеры есть врачи, они тоже говорят: конечно с этим надо что-то делать. Трубка-то не в лучшем состоянии. И девушка тоже. Это очевидно.

И вот мама этой девчонки пришепывает на медицинский прием с новыми хорошими трубками, новые трубки у нее. Их, разумеется, никто не принимает, и уходит она, солнцем палима, как стихотворно говорил поэт Некрасов, обратно от барского крыльца, с трубками и грустная.

Общественные наблюдатели девчонке: И что сказал вам по этому поводу медработник?

Она: Прикольно, не, я не поняла... Я говорю: а что ж трубку не взяли, хорошую? А женщина мне эта в халате: я тебе что — девчонка из переулочка? Сначала ты мне все документы представишь!

Мы: Не поняли... какие документы? на что?

Она: Так я тоже не поняла... ну, на то, что эта трубка у меня стоит... Может, она ее не рассмотрела...

Слушайте, не доводите до абсурда. Если кто говорит, что у него язва желудка, — так это ладно, не видно. Обследование нужно или документы подтверждающие. Но ТРУБКА В ГОРЛЕ?..

Мы изумленно посмотрели на трубку под повязкой еще раз, я с трудом удержалась от желания потрогать ее рукой. Что такое? Мы трубку видим, девчонки в камере видят, трубка реально есть, а медработнику для подтверждения этого факта нужны ДОКУМЕНТЫ О ТОМ, ЧТО В ГОРЛЕ ТОРЧИТ ТРУБКА!

Она что, туда сама ее себе засунула? Из извечной тяги заключенных к симуляции и аггравации? Немного странно. Мы очень просим медработников СИЗО-6 определиться как-то с этой трубкой обвиняемой А. — есть она там, или нет ее там? Что это такое торчит у обвиняемой А. из горла, а?

Может, у медработника плохое зрение — так как она тогда собирается медицинские документы А. читать? Или, может, медработник считает, что с некоторых пор у всех без исключения живущих землян из горла трубки торчат? Это нормальное совершенно явление, свойственное высшим приматам? Я еще в школе на уроках анатомии видела фигуру человека в разрезе, там на этом

месте у освежеванного гражданина ничего такого не торчит. Вы не хотите помощь оказывать? Считаете, что она не нужна? Ну и объясните тогда нормально девчонке, матери ее — ЧТО НУЖНО? Объясните, что это неважно, не опасно, мер никаких принимать не надо. Объясните. Напишите. А потом отвечайте за свои слова, если что не дай Бог. Но не надо говорить, что надо представить документы на установку трахеостомы. Это — абсурдно, это не поддается здравому объяснению. Бред какой-то, обратите внимание, пожалуйста!

Возвращаясь к необходимым для лечения подтверждающим документам, я важное сейчас скажу. Многие ли из нас, когда что-то где-то заболит, заколет и заноеет, тотчас бегут к врачу и заручаются подтверждающими документами? Нет. Думаю, только самые больные, мнительные и наименее занятые. Многие идут просто в аптеку. И подбирают подходящие лекарства, продолжая считать себя в целом здоровыми и побеждая слабость и боль. Я поступаю чаще так. У меня нет времени на непрерывную диагностику. Но теперь — внимание! — если отобрать у меня все медикаменты, я буду чувствовать себя плохо.

А когда ты оказываешься в тюрьме и для тебя там из всех богатств фармацевтики лишь анальгин, аспирин и парацетамол, а зеленка и нафтизин — роскошь, то ты там можешь почувствовать себя плохо. Там не протянешь руку к тумбочке и не закинешься анальгинчиком от головной боли. Но для медработников СИЗО ты будешь АБСОЛЮТНО ЗДОРОВ, поскольку у тебя нет подтверждающих заболевание справок, как бы тебе ни было хреново, как бы ты ни страдал. Ты чаще всего НЕ УБЕДИШЬ врача, что ты болен. У тебя нет ПОДТВЕРЖДАЮЩИХ ДОКУМЕНТОВ. Два инсульта? Киста в мозгу? Паралич конечностей? Да ты что... где подтверждающие документы?

Кстати, если у тебя есть они дома, или есть платные адвокаты, готовые приложить усилия, то тебе эти документы их, может, подвезут, если ты действительно когда-то в медучреждения обращался. А вот если не так — пусть документы действительно и есть в какой-то из поликлиник и больниц, но КТО ИХ ДАСТ ТВО-

ИМ РОДСТВЕННИКАМ? Врачебная тайна ведь НЕ ПОЗВОЛЯЕТ. Она преодолевается заявлением-согласием, но об этом знает малая часть живущих. Врачи СИЗО порядок выдачи подобных заявлений не разъясняют, сотрудники помощи в их оформлении не оказывают, УЧРЕЖДЕНИЯ ДАННЫХ О СОСТОЯНИИ ЗДОРОВЬЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ НЕ ЗАПРАШИВАЮТ. И что делать?

Эта практика должна быть изменена. Либо пусть МСЧ учреждений делают соответствующие запросы, либо пусть проводят все необходимые обследования и анализы по заявлениям заключенных самостоятельно, что затруднительно, разумеется. Мы об этом неоднократно говорили и будем говорить.

Но трубка в горле... Товарищи медработники, вы ее видите? Какие вам еще подтверждающие документы? Просим просмотреть записи видеорегистраторов посещений ОНК: есть там трубка или нет там трубки? Делайте, пожалуйста, что-нибудь.

...Ну, наверное, хватит. Хватит, что ли, соплей и истерик? Мне было важно, чтобы вы это прочли. Что тут добавить? Карфаген должен быть разрушен. Но что построить вместо него и какими средствами? Как заманить работать в систему честных и достойных профессионалов, если зарплата их будет меньше вдвое, чем то, что они могли бы получать даже в государственных больницах и клиниках, не говоря о платных? Как удержать на работе вольнонаемных, тех, что без погон, кому не выплачены, вопреки обещаниям, за последние годы ни «поднаемные» надбавки (те, что жилье), ни «президентские» — те, что должны привести зарплату к средней по региону?... О какой Клятве Врача России интересуемся мы у людей, которые каким-то чудом еще заботятся о наших больных арестантах? Что мы им дали, чтобы спрашивать?

Наверное, никто из сотрудников УИС не писал на меня столько доносов, сколько медработники. Никто не писал мне в социальных сетях настолько злые комментарии. Я была и высокомерной, и жестокой, и ставила под сомнение высокую компетентность, и доводила до слез, а то и до увольнения. Но я была и щедрой на похвалы и благодарности, я в высоких кабинетах

плакала и умоляла: дайте им их деньги, в качестве подарка мне — верните! Я выковыривала врачей из их кабинетов, где они прятались от больных, я повторяла: стыдно, стыдно, стыдно... надо, надо, надо... Пойдемте со мной. К больным — пойдемте. Врачи шарахались от меня по ночам в больничных коридорах. «Ой... это ты, Анна Георгиевна... А мы испугались — привидение... Кому тут еще придет в голову ночью по коридорам шляться...» Замечив, что иногда от меня бывает и определенная польза, наивные медработники потянулись ко мне рассказать без злого умысла, что у них нет лекарств. И жизни нет. Тут вышло не очень хорошо: к сотрудникам власть имущие иногда относятся в системе так же, как и к арестантам. Их подложили под пресс и собрали расписки о том, что они никогда ко мне не обращались и на отсутствие лекарств не жаловались.

«Не для огласки, — не забывали теперь предупредить медработники, жалуясь на то, что лекарств снова нет. — Это только тебе, делай, что хочешь, но нас не упоминай. Нафтизина просим три коробки — дают десять тубиков. Что нам делать с десятью тубиками на две тысячи больных? Что нам делать без валерьянки? Как поддерживать тубических без гепатопротекторов? Эта их терапия — она же так по печени бьет... Ладно, забудь, мы ничего тебе не говорили. Но мы не гады, не гады, слышишь?.. Не пиши про нас так».

Их вызывали «на ковер», их ругали за откровенность со мной. А когда я болела и мне некуда было обратиться, я обращалась к ним же, к тюремным медикам. Они назначали мне антибиотики, обезболивающие и витамины. Они выписывали рецепты. Я следовала назначенным курсам лечения. И я приходила на следующий день, злая и здоровая, снова отчитывала их, ругая, проклиная, снова отводя к больным, умоляя и призывая к помощи. Работайте, работайте, работайте! Кто строчил на меня доносы, кто спорил, кто проклинал, а кто-то — шел и работал. Совершал мелкие подвиги и сажал горящие самолеты.

Любопытная деталь. Когда-то правозащитники и общественность так стремились гуманизировать медицинские части, вы-

вести их из-под контроля начальников СИЗО и передать Минздраву, что даже добились на этом пути определенных успехов. Была создана система медико-санитарных частей ФСИН России, напрямую подчиняющаяся УОМСО — Управлению организации медико-санитарного обеспечения ФСИН России. Выдающаяся полумера. Знаете, это как сделать один шаг, но не сделать второй и остановиться над пропастью ровно враскарячку. С одной стороны, медработники действительно вышли из подчинения начальников подразделений, и лишь добрая воля руководителей теперь могла заставить задержать их всех на КПП, когда они сбежали с работы, и возвратить в СИЗО для оказания помощи больным. Никто и никогда не присылал членам ОНК настолько бессмысленных, поверхностных и циничных ответов, как это делали представители вновь созданных МСЧ (медико-санитарных частей). От этих ответов слезы наворачивались на глаза, а рука тянулась к кобуре... то есть к ручке и бумаге, к клавиатуре (членам ОНК Федеральный закон № 76 не предоставил права иметь, хранить и применять оружие. И слава богу, — думала я в такие моменты). С другой стороны — медработники-чиновники ничуть не стали добрей, честней и гуманней от произведенных с ними якобы гуманистических перемен. По-прежнему они штамповали справки для полуумирающих и паралитиков: «Состояние удовлетворительное. В суд, на следственные действия, к месту отбывания наказания следовать может». С третьей стороны — некомпетентные чиновники от медицины умудрились не разобраться в документациях и довести ситуацию до того, что упомянутые выше премии и надбавки, которые только и могли удержать врачей в системе, им своевременно выплачены не были. И врачи потянулись на выход. На выходе стояла я и умоляла не увольняться.

...На данный момент в московской системе УИС, я повторюсь, отсутствуют такие специалисты, как педиатр для грудничков, отоларинголог, эндокринолог, уролог, недавно уволился в связи с отсутствием анестезиологов травматолог, отсутствует кардиолог. Дефицит стоматологов, хирургов (приезжают в СИЗО

раз в месяц, принять всех нуждающихся больных не успевают). Услышьте нас, кто-нибудь! Как выжить нашим больным?

Я беру себя в руки. Я перестаю плакать и орать. Я надеваю обычную рабочую улыбку и при случайной встрече с кем-нибудь ответственным с вечной наивностью и непосредственностью Алисы любопытствую: «Че там... здрасте... А никто тут не планирует вернуть медработникам их денежки?.. Ой, я была бы так рада, так рада!..»

24. Мне не хочется заканчивать на этой грустной ноте про больницу. Я подумала: стоит, наверное, еще рассказать о последней «звезде на крыло» того состава ОНК — о закрытии «Темной башни» в «Бутырке». Прошел год, а до сих пор в разных острогах арестанты хлопают в ладоши при виде меня: это же вы «закрыли Башню»? Я ведь оттуда, из Башни... Ура-ура! Ну да, год назад мы к своему изумлению обнаружили в СИЗО-2 Москвы арестантов в «Темной башне». Расскажу об этом «в реальном времени».

Итак, первый текст. Мы обнаружили в «Бутырке» Башню, заселенную замерзающими узниками. Мы обмерли и сосредоточились. «Бутырка» умеет удивить.

«Бутырка», «Башня». Сошли с тропы.

«Я в страшной камере!»

Я ничего не сделал, чтобы тут находиться!..»

may_antiwar

28 сентября, 2016

Вообще-то здесь должен быть разгромный текст про «Бутырку»... вы не поверите — про «Бутырку». Обласканную теплыми отзывами общественных наблюдателей, восприимчивую (как нам казалось) к рекомендациям, но, видимо, слишком большую. И слишком обласканную. Только уважение к руководству СИЗО и желание из соображений этики сначала обсудить увиденное лично, удерживает меня сейчас от того, чтоб описать сегодняшний боевичок от «а» до «я», запись о котором мы оставили в закончившемся в этот день журнале посещений ОНК (не потеряйте, пожалуйста,

запись — на 11 страницах). И не потому, что мы пришли с целью выискивать недостатки. Просто на маршруте мы внезапно услышали новое для себя слово: «башня», нас послали в башню «спасать подельника» — и внезапно оказались в никогда ранее не виданном месте. Потрясающем от своей красоты до ужасности. Да уж, «Бутырский замок» умеет удивить даже нас, восемь лет по нему бродящих. Нет, мы никогда не были в Башне раньше. Потрясающая винтовая лестница, потрясающий древний дизайн, потрясающее всё. Надо Еву Меркачеву отвести туда обязательно, она сумеет оценить. Пока вот оценили арестанты, пишут вот такие письма Анастасии Николаевне Чжу по правам человека в УФСИН по Москве. Не знаю — ушли они там, нет, письма эти? Из «Бутырки» мало что уходит. Перешлю лично сейчас.

У. Р. С. И. Н. по правам
человека. Чжу. А. Н.
А. Н. Чжу. Б.
камера № 180. С. И. 30.

Заявление

Прошу вас помочь мне. Меня посадили в ужасную камеру. Нет ни света, ни воздуха, холодно, сухо. Я больной человек, у меня очень слабое сердце. Очень часто я болею. Оперативники и сотрудники оказывают моральное давление, угрожают расправой, говоря очень редко. Ни прощенья, ни чего не сделаю, что бы ни было. Мне всего 20 лет. Они относятся как к животному. Прошу вас, помогите пожалуйста. Примите меру.

20.09.16

Полковнику Начальнику
Ч.Р.С.И.И. по правам
человека Чжу. А. И.
от
камера № 180

Заявление.

Прошу прочитать моё заявление
и принять меры. Я обычный человек
мне 58 лет. Меня посадили в ужасную
камеру, ни за, ни про что. Очень плохо
светит, сыро. Прошу вас помочь
мне. На прогулку не вожу уже 2-й
день, еду задерживают.

20.09.16. С.И. З.О. №2
Аль.Ф

...И вдруг нам показалось, что мы оказались не только в незна-
комом месте, но в ранее невиданной нами тюрьме. От удивитель-
ных казематов Башни до банально вымерзающей «кандидатской»
камеры (медработник ни туда, ни сюда месяц не приходит), от-
сутствующих лекарств, невозможности для арестантов добиться
принесения журнала регистрации хоть на одно из десятка заявле-
ний (арестанты суют нам их пачками, во все инстанции — только
кому-нибудь отдайте, покажите! мы писали уже ВСЕМ!). Журна-
лы регистрации при этом пустые. От чудесной сегодняшней саги
с ужином, как отсутствием еды, так и ее обнаруженным кое-где
наличием, из которого мы вынуждены были сделать вывод, что
отсутствие иногда желательней, как ни странно. Ой... лучше бы

я взялась рассказывать про Башню, а не, о Боже, про ситуацию в «кандидатской» камере. Если так с кандидатами — как же с остальными-то, Господи? Что даже коллега Дмитрий Недзвецкий, в отличие от меня не склонный к завываниям и патетике, возмущился, обратившись к сотруднику с наивным вопросом, отчего еще не осужденные люди должны содержаться в таких условиях?

Послушайте... мы очень доверяли «Бутырке», и я по-честному на этот раз говорю: ничего личного. Здесь не хамят, не мешают работать, умеют быть любезными. Но не приучена врать я. Недоговаривать — да, поэтому здесь нет воплей протеста. И скажу одно. «Бутырку» избаловали «краткосрочными точечными посещениями». Жалоб на условия содержания нет — так сообщает «Бутырка» в УФСИН в справках по мотивам посещения. И когда сегодня руководитель сказал: а можете недолго, а то идет инспекторская проверка, сотрудников не надо отвлекать, дел очень много, — я пообещала, хоть и с некоторым чувством раздражения: ну да, инспекторская проверка, которая раз в пять лет, — дело серьезное, а посещение ОНК — дело безвредное и беззубое... Не подумайте, что я оттягиваюсь. Просто сама себя заподозрила в том, что стала водить коллег по «Бутырке» и сама бродить прославившими ее «туристическими маршрутами», не сворачивая с тропы, уговаривать и ласково убеждать, хоть и зная лет пять сама, что эти методы и тропы ни к чему конструктивному не приводят. По крайней мере — в таком большом изоляторе, где мы, оказывается, знали лишь часть заповедных законов. В обмен на доброе отношение, отсутствие хамства, помощь конкретным больным и оказавшимся в сложных ситуациях — мы стали ходить туристическими маршрутами. Это наша вина, более, чем вина руководства. Мы стали на что-то закрывать глаза. Это привело к определенным тотальным последствиям, я довела это сегодня в записи и до сопровождавшего нас сотрудника. Я очень хочу, чтобы эти самые последствия, о которых мы стыдливо писали лишь в журнале посещений (приблизительно сто раз — вот он и закончился, а последствия остались), будут немедленно устранены.

Я не знаю, инспекторская проверка вообще инспектирует то, что мы видели сегодня? Было бы ей это интересно? Я очень надеюсь,

что все это исчезнет до того, как это увидит кто-то, кроме нас сегодняшних. Что называется — «хочу разведать». Мы обещали сегодня ходить недолго... но случайно, из-за оброненных слов арестантов, которые знают меня по другим центрам и мне доверяют, сошли с тропы. Простите, мы не по своей воле вас обманули. Мы увидели то, что разведать хочется. Пусть развеется, как страшный сон. Мне очень хочется верить, что администрация СИЗО-2 сумеет с этим справиться. Не надо холода, не надо таких предострадных, не надо Башни! Надо контроль, учет, журналы. Журналы!!! Услышьте нас: ЖУРНАЛЫ!!! Тогда для того, чтоб руководитель знал о происходящем, не нужна будет ОНК. И не нужно «точечных» посещений. Только маршрут, не туристический.

Ну, на закрытие Башни после этой записи понадобилась всего лишь пара дней — такая тогда была эпоха. Правда, за эти пару дней я побывала и на радио, и на телевидении. И когда я пришла в «Бутырку» вновь, в Башне никаких людей уже не было. Вы не поверите. Как же нам аплодировали... «Пришел, увидел, победил».

«Башню снесло». «Бутырка», ура! «Темной башни» больше нет! Благодарности ОНК, виват, администрация!

may_antiwar

1 октября, 2016

«Башню снесло». «Бутырка», ура! «Темной башни» больше нет!
То есть башня, о которой речь шла выше, — она, конечно, есть. А вот узников в ее ужасных камерах «мама, заведи меня отсюда!!!» — больше нет. Ее расселили в один день, и всех узников Башни вернули на свои, обычные, места в нормальных камерах. И, вы не поверите, КАК ЖЕ они за это БЛАГОДАРЯТ! Молодые и старые, турки, русские, киргизы и монголы, — ура-ура, спасибо вам, спасибо им, у нас претензий нет, спасибо администрации, спасибо вам, ВЫ СПАСЛИ НАС ИЗ БАШНИ!

— Ура-ура, Башни больше нет, — улыбались нам, подмигивая, словно произнося пароль, сдержанные арестанты отдельного корпуса.

— Из Башни действительно всех перевели? Никого не осталось? — интересовались вообще на других берегах тюрьмы недоверчивые. — Ну что ж... Ура-ура!

— Георгиевна, прикольно быстро Башню разгрузили, — степенно кивали на ответственных корпусах. — Спасибо вам. Два дня как вы пришли — Башня пустая, хе... Ну чего там... опять это... ура-ура.

...И даже из обычного «подсобного помещения», откуда мы опять изгоняли заключенных, которых зачем-то помещают туда вместо швабр, и табличку эту глупую с двери отклеивали, освобожденный нами «уборочный инвентарь» первым делом поспешил довести: «Слыхали про Башню. Вас любим, вас ценим. Знаем: Башня — свободна. Мы рады, что о ней не промолчали!»

Сотрудники аж на КД: там давно, никогда на сроке нашей службы людей не содержали... арестантов... всегда пустая стояла. Никто не думал, что туда арестованных посадят. Хорошо, что вы заметили. А начальник действительно мог не знать. Много тут... местных начальников.

Конечно, сложно началось наше сегодняшнее посещение (ну что ж, все любят показать характер, и я это понимаю). Коллега Алла Яковлевна не очень поняла, спросила: а что тут сегодня происходит? Почему над нами издеваются? Я объяснила: «Алла Яковлевна, зато мы закрыли Башню. Это надо понимать. На входе в бывший башенный коридор теперь табличка: **РЕМОНТ! ПРОХОДА НЕТ! СТОП!** Только что череп и кости да «не влезай — убьет!» для ужаса не нарисованы. Это, видимо, чтобы Зоя Светова и Ева Меркачева не заглянули. Мы попросили открыть и зашли. Башня пуста. Открыли камеры. «Тут держали людей?» — ужаснулась Алла. «Ну да... — сказала я. — Теперь их тут больше нет. Ура-ура!»

...Что там произошло, почему в кошмарных камерах Башни оказались люди, — это я не знаю. «Устранили недостаток» — и ладно. Но версия о «ремонте камер» критики не выдерживает. Мы обошли «вызволненных» узников Башни. Не было там в камерах никакого ремонта. А руководитель вообще пояснил, что хотел сделать в той Башне второй музей, уж больно шикарная, впечат-

ляющая лестница эта винтовая. А в ужасные камеры сажать он никого не велел. Это некие шалунишки сажали туда людишек постепенно — вот все камеры в нарушение его воли и заполнили. Безобразники, в общем. И не повторится. Никому не говорили сажать в Башню арестантов. Изолятор — он большой, как я и предполагала, он — очень большой... Узнал руководитель — и не стало узников Башни. Разъехались по своим привычным квартирам. И не пишет никто жалоб «заберите меня из СТРАШНОЙ камерки!» Остался лишь суперский образец архитектуры с этой дивной винтовой лестницей и где к камере можно подойти при посещении лишь гуськом, с одной стороны... С другой не войдешь. Открытая дверь проход перегораживает.

А не только Башню разгрузили! Еще и в «предотрядных», «кандидатских» камерах стекла вставили. И руководитель снимает трубку телефона и сообщает, что боксы для содержания арестантов на период проведения обысковых мероприятий — это не подсобные помещения и надо поставить туда скамейки. И прекратить пускать пыль в глаза, и надо снять дурацкую наклейку «подсобное помещение», раз туда людей сажают (вот тогда я срываю эту наклейку, уже в третий раз, и опять — аплодисменты «уборочного инвентаря»!) И в очередной раз руководитель звонит по телефону: все заявления принести вместе с журналами! Уже завтра! Сам сверю! Это — после того, как мы принесли с территории журнал учета заявлений ПОО и положили перед начальником лишь с одним вопросом: это — нормально? И без каких-либо иных комментариев. Кто видит — тот поймет. Нет, это — ненормально, — кивнули все, кто увидел.

И в финале мы идем в психиатрическую больницу, где иногда выпадают ПОТРЯСАЮЩИЕ СМЕНЫ СОТРУДНИКОВ! Мы уже просили зачислить их в списки самых лучших. Они умеют развеять любой наш гнев и сомнения, они просто работают, вызывая тем уважение и даже восхищение. Это — те, кто наряжал елку для психических арестантов и искал им УК с УПК в паре. Эти ребята и девушки работают с удовольствием, с чувством долга, с человечностью. Они смеются, они рассказывают истории, они знают, кто в какой камере, какие нужды у арестантов. Они хва-

тают мои тяжеленные сумки и взлетают с ними, как птицы, на верхотуру. Ведь «Кошкин же дом»... Это же под небом. Они регистрируют заявления. Они на мигание лампочки... дотошные члены ОНК: там чего-то хотят! — ножницы просят! — Сейчас дадим! (мы никому не верим. Заключение, что вам нужно?) А (разочарованно)... и впрямь — ножницы. Так и есть, нас не обманули. Они болтают между собой, перечисляют все насущные дела... а когда закончат — договариваются вместе выпить, если выпадет минутка, чаю. И кто принесет конфеты. Но это — когда закончатся все дела, если останется время. Было бы так везде!

И отступают гнев и боль. Башню расселили. Башни больше нет. Ура-ура, члены ОНК! Ура-ура, администрация! Ну охота вам — по часу держите нас на КПП, игнорируйте, саботируйте. Но вы расселили Башню. Спасибо арестантам, что нам о ней рассказали, а мы — руководству. Мы говорим арестантам, отдавая честь: рады служить! А они нам в ответ с улыбкой: рады служить. Башня закрыта? Башня закрыта. Об этом знает весь централ. Он знает, верит и любит. Не подвести бы. Вы нам сказали о Башне... Арестанты разных корпусов: а как могли бы вам не сказать? Мы знаем, любим, верим. Если не вы и не мы — то кто?

Наша глубокая признательность администрации «Бутырки» за то, что в Башне больше нет людей, централ спокоен. Шалунишек-сотрудников, заселивших Башню, конечно, надо бы наказать... но это не наша прерогатива. Мы можем лишь советовать. И доводить то, о чем нам не бояться говорить. Так мы пришли в Башню. Огромное спасибо коллеге Диме Недзвецкому, что прошел со мной безумный маршрут по Башне два дня назад. Спасибо коллеге Алле Покрас, что со мной собрала за пройденный маршрут все «ура-ура!» и «спасибо!»

...Мы спросили сегодня наших маркеров: а вас не наказали за то, что не промолчали о Башне? Никто с нехорошей целью не приходил?

Они ответили: нет, Георгиевна, отдыхай спокойно. Поползновений не было. Ура-ура. Будет плохо — позовем. Будет нужда — отцинкуем.

Спасибо администрации СИЗО-2 за оперативное реагирование на нужды следственно арестованных!

25. У нас была великая эпоха — это можно сказать, описывая третий созыв московской ОНК. Мы добились признания, мы верили в понимание, мы добивались результатов. В регионах шла война правозащитников и системы, кто-то кого-то бил и пытал, кого-то увольняли и сажали, мы — выбирали локальные цели и шли к ним, ни на что не взирая. Когда пришло время новых назначений Советом Общественной палаты (их неправильно называть выборами) — не простили ни их, ни нас. Слишком велика оказалась угроза системе от танцев общественных наблюдателей, слишком глубоко проник их дилетантский сначала и профессиональный впоследствии взгляд, нас не простили. Конечно же, это был звездный состав, когда одновременно членами московской комиссии были журналистка Ева Меркачева, журналистка Елена Масюк, журналистка и правозащитница Зоя Светова, известнейший правозащитник Андрей Бабушкин, бывший следователь Максим Пешков, бывший сотрудник правоохранительных органов Игорь Ефанов, старейшие наши коллеги Лидия Борисовна Дубикова и Тамара Андреевна Флерова, мой вернейший коллега-химик Сергей Егорович Сорокин, мудрейшая коллега Алла Покрас, эмоциональная, натянутая, как нерв, Елена Абдуллаева, твердые и бескомпромиссные правозащитники Валерий Васильевич Борщев, Любовь Волкова, Людмила Альперн, Елена Гордеева, Александр Куликовский. Новые, но преданные делу Кира Лукьянова и Дмитрий Недзвецкий, мои любимые вайнахи Магомед Мамилев и Исрапил Шовхалов. И Михаил Сенкевич, кого так ждали в хозотрядах с его артистами и концертами. Да и Павел Пятницкий, порой резкий с арестантами и коллегами, но равнодушный ко лжи и нарушениям закона. Все такие разные, но преданные одному делу — помощи и справедливости (а иногда милосердие — выше справедливости). Выяснилось, что наши политические пристрастия вовсе не мешают слаженной работе, потому что белое — всегда белое, черное — черное, кровь — она алая. Боль — для всех боль. Я не думаю, что мы тут в Москве особо мешали системе, мы скорее помогали. Просто она, система, не готова была принять нашу помощь. Вот так — через боль, через

признание ошибок, через смех (ведь главное, чего не выносит система, — когда над ней смеются).

В общем, после так называемых выборов, проведенных Советом Общественной палаты, из членов ОНК, уже ставших в своем деле профессионалами, в обновленный состав почти никто не попал. У меня истекло три срока, я не могла баллотироваться в Москву и баллотировалась в ОНК Подмосковья. Не попала тоже. Получила от членов Совета большинство «нулевых значений». Не достойна.

Возмущенные правозащитники подали в суд: у них отбирали часть призывания, а со мной было хуже — меня отлучали от профессии. В суде вскрылась неприглядная истина: похоже, никакого голосования и не было, были учтены лишь согласованные списки и «стоп-листы». Несколько человек, слыхом не слыхивавшие о нашей работе, бездейственные и безразличные, приняли решение о нашей и арестантов судьбе.

Я ожидала чего-то приблизительно именно такого, не ожидала лишь, что таким болезненным станет мое расставание с СИЗО, с сотрудниками, с арестантами... Изоляторы давно были для меня домом, где много-много комнат, и в каждой я нужна, меня ждут. А я больше не приду. Двери КПП с лязгом закрылись за мной навсегда. Я пыталась обжиться в урезанном новом мире, где этих комнат больше нет. Их отобрали у меня, незаслуженно, ни за что... Многие непрошедшие в новый состав члены ОНК разделяли мои эмоции. Я чувствовала, возможно, и некое облегчение... но как я тосковала...

В этот момент меня пригласили на работу в ФСИН. Это не стало для меня шоком, как для многих, но стало спасением. Может быть, я была неплохим все же специалистом, а может — вечной соглашательницей. Или дело было в ином. Еще не пришло время говорить об этом, но думала я недолго. «Зарплата небольшая, но должность почетная», — сказали мне. «Я смогу посещать, как прежде, своих больных?» — спросила только я. И нырнула в эту новую воду, не оглядываясь и не жалея. Ведь я давно была сотрудником УИС, пусть негласным и таким «странным, недо-

деланным», но Алиса давно сроднилась с Зазеркальем, стала его неотъемлемой и органичной частью, и коллеги по ОНК сердились и хмурили брови, слыша от меня взбудораженное «А у нас-то, у нас-то в первом изоляторе...»

Я знаю теперь, с каким трудом было принято это решение, как много людей системы отнеслись к нему с отвращением и неприятием. Поэтому я навсегда останусь благодарна тем, кто не побоялся такого неожиданного хода, невзирая на недоумение окружающих. На тот момент это стало сенсацией. Правозащитница в форме? Да ты что, да брось ты... Коллеги-правозащитники тоже взглянули на меня удивленно. Но. Я не зря писала раньше, что общество всегда давало мне большой кредит доверия. Очень немногие бросили в меня камень. Прошел почти год на новой работе, и за этот год лишь единицы называли меня предательницей. Напротив: я чувствовала плечо, понимание, поддержку.

«А, вы вернулись? — удивленно, а иногда и без всякого удивления, буднично, спрашивали меня арестанты в камере. — А говорили, что уходите, велели самим требовать журналы, заявления чтоб тачковали, и справляться теперь без вас... Почему-то вы в форме. Но она вам идет. Можно к вам опять обращаться, как раньше? Мы не верили, что вас не станет. Мы вас так ждали! И вот что мы давно хотим вам рассказать...»

«Камера, внимание, построились! Посещение ОНК! — объявляет при входе младший инспектор. — То есть тьфу... то есть вот... ведущий это... анализатор... новый аналитик... типа главный специалист... с обходом администрации... аппарата Управления... навроде того. Анна Георгиевна, сама скажите, как вы теперь называетесь-то?.. не запомню никак. Встаньте, короче, все на минутку, хоть уважение окажите!...»

Мне кажется, что не только система, — вся моя страна оказалась не готова к приходу ОНК как не только наблюдателей, но и активных людей, влияющих на процессы. Готовых становиться профессионалами, дойти до дна, его осмыслить, от него оттолкнуться — и попытаться переделать, изменить... Готовых жертвовать своим благосостоянием, силами, здоровьем, временем,

чтобы соблюсти закон и помочь тем, кто нуждается в помощи. Кто-то видел в нас откровенных врагов, кто-то — союзников в удовлетворении собственных политических амбиций. А мы прошли между этих двух огней, мы руководствовались законом и собственными представлениями о должном. Мы несли знамя, которое, выроненное из наших рук, дай Бог, поднимут достойные. Так это случилось в Москве, хоть, на мой взгляд, ОНК разгромлены по всей России. А я опять с вами и рядом — надолго ли? Я сменила джинсы и клетчатую рубашку на серо-синюю камуфляжную форму, я не знаю, что ждет меня завтра... но «не отрекаются, любя»! А рядом бредут по маршруту не столько члены нового созыва ОНК, сколько тени старых, кто был здесь и не закончил маршрут. Те, кто знают. Чьи голоса я слышу в этих стенах. Я верю, что они вернуться!

Я с глубоким уважением и любовью отношусь к членам четвертого созыва ОНК Москвы. Они не те, кто во многих регионах профанирует работу комиссий, не замечает недостатков и просто грубых нарушений законности, кто скучает без служебных автомобилей и неудержимо хвалит систему, в которой я работаю сама, кто игнорирует и считает блажью законные интересы осужденных. Кому бессмысленно звонить, писать и пытаться «передать» своих убывших в другие регионы тяжелых больных. (Все чаще в рассылке членов ОНК звучит: как выйти на ОНК такого-то региона? Да есть ли там вообще ОНК?!) Формально — есть. А по сути... Нет, в Москве не так. Многие новые члены нашей, московской ОНК — самоотверженные, неравнодушные, инициативные люди, которые искренне хотят спасти и помочь. Это они и делают. Я ценю каждого из них. Но я вынуждена признать, что термин «маршрут», маршрут долгий и бесконечный, многогранный, выстраданный и выстроенный, остался в прошлом, в воспоминаниях, и еще он остался мне. Я выхожу на него каждое утро одна, без коллег по ОНК, но с новыми коллегами — сотрудниками УИС. И среди них есть те, кто учится у меня, а я — продолжаю учиться у них. Да, это так. Это правильно, нужно и важно, но это — другое.

И боль и тоска о великой и прошедшей эпохе ОНК — она осталась. Я хочу верить, что все вернется.

Я благодарна за свою судьбу и за эту книгу всем тем, кто помогал: руководству ФСИН России и УФСИН по Москве, сотрудникам «на земле», медицинским работникам, честным членам ОНК всех регионов и всех созывов, моим друзьям в социальных сетях, благотворителям, арестантам и их близким, моему сыну, который сказал, что станет первым читателем этой моей книги. Мне так жаль, что о многом не успела рассказать в ней: о голодовках, о конвоировании в суды и сборке, о строительстве и его нюансах, о субкультурных законах, о карантинах, о тех шутках и важных словах, которыми обменивались мы на маршруте... Я уверена — у меня будет время об этом рассказать, мне так много надо рассказать вам, и я уже жду в нетерпении возможности написать новую книгу, которая будет лучше и интересней этой. Пусть станет лучше — и придет Эра Милосердия, где мы будем вместе и не будем больше врагами. И тюремный проход обратится вдруг в зеленый луг, где брести и брести по маршруту вперед, топча траву босыми ногами. И пройти этот путь до конца.